

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

7
1968

● Приключения и фантастика

● Рассказы бывалых людей

● Дает адреса романтикам

● Следопытские дела

● Занимательное краеведение

● Мечты современников

● О подвигах, о доблести, о славе

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

7
1968
ГОД ИЗДАНИЯ
ОДИННАДЦАТЫЙ

В ТУМАНАХ У СЕЙБЛА

С. СНЕГОВ

У ТРОМ, на промысловом совете рыбаки жаловались, что рыба у Сейбла пропала. Хек еще попадался, скумбрия тоже была в прилове, но и хека и скумбрии весь вчерашний день вытягивали по тонне за час траления. Такой мизер, плакать хочется, дружно сетовали капитаны. Просим добро на юго-запад, на Джорджес-банку: там селедку обязательно возьмем, настаивали они один за другим.

Василий Кондратьевич Аникин, начальник рыбопромысловой экспедиции, добро на переход в новый район не дал. Он пятый раз командовал большой рыбалкой в этих районах и в устойчивую майскую селедку у Джорджес-банки не верил, в мае сельдь там шла коварная, то опускалась на глубины, отжимаемая туда северными ветрами, то, наоборот, рассыпалась по всей толще воды — брать такую селедку было трудно, а порою и невозможно. К тому же «Атлас», научно-поисковое судно промразведки, прогноз по Джорджес давал сомнительный. Правда, он заходил на банку со стороны плавучего маяка Нантакета, от Нью-Йорка, и на юго-восточные отмели еще не добрался, а капитаны выпрашивали как раз туда, но играть в азартные игры целым флотом Аникин не собирался.

— Промышляем по-прежнему у Сейбла и ждем, пока «Атлас» прочешет южную и восточную отмели Джорджес,— объявил он свое решение.— С северо-востока в этот район подходит и наш «Баклан», поисковое судно СРТ-5544. Услышим их донесение, оценим, взвесим, а пока работайте в прежних квадратах.

Три часа, до полудня, Аникин твердо верил, что приказание его правильно, а после — смутился душой. Утренние подъемы у Сейбла, обычно самые высокие, сегодня были даже ниже вчерашних вечерних. Просто теряем время, мрачно докладывали капитаны. «Атлас» же наткнулся на юге от Джорджес, у створа океанских каньонов Ошенграфер и Хайдрографер, на плотный косяк, первое же часовое траление дало двенадцать тонн сельди хоть и не жирной, но чистой, без дряни, вроде акул, в прилове. Еще лучше были результаты у «Баклана». Тот взял полный куток отличной селедки на восточных краях банки. Выбрали пока десять стропов по тонне в каждом, кричал взволнованный капитан «Баклана», а половины еще не видать, не меньше двадцати пяти тонн общий вылов. И «Атласа», и «Баклана» было еле слышно, расстояние до одного составляло миль четыреста, до другого — триста. Две трети сообщений съели помехи, но что дела у обоих поисковиков отменные, сомневаться не приходилось.

Аникин почувствовал — капитаны его не поймут, если он и сейчас будет удерживать флот у Сейбла. Он запросил у синоптиков прогноз, синоптики пообещали отличный антициклон для всего запада Атлантики. В южных штатах США, правда, бушует буря, вырвавшаяся из Мексиканского залива, но она держит курс на север и, очевидно, пройдет по суше.

— Давайте так, товарищи руководители флотилий,— предложил Аникин по радио своим помощникам.— Рисковать всеми судами не будем, а частично перемещаемся. Посовещуйтесь, прикиньте, какие суда лучше оставить здесь, а какими идти.

Аникин немного лукавил и знал, что капитаны догадываются о его лукавстве. И он не удивился и не запротестовал, когда один за другим флагманы стали докладывать, что все их суда повернули на юго-запад.

— Нехорошо получается, Василий Кондратьевич, если разбивать свой отряд на две половинки, да и никто не хочет здесь оставаться,— оправдывался флагман колхозных судов.

А руководитель морозильных траулеров кричал:

— У меня всего восемь РТМ, какой я флагман, коли не буду держать их всех в кулаке! Нет, Василий Кондратьевич, или оставляйте всех у Сейбла на длительный пролов, или разрешите идти компактно.

Так получилось, что в середине дня все промысловые суда экспедиции побежали от Сейбла на Джорджес-банку: и больше сорока «малышей» СРТ — средних рыболовных траулеров, и десятков более мощных СРТ — с собственными рефрижераторными установками для охлаждения рыбы, и полтора десятка СРТМ типа «Маяк», эти имели не охлаждающие, а морозильные устройства, и производили готовую — хоть прямо в магазин — продукцию. И еще более мощные РТМ, имеющие на борту, кроме морозильного хозяйства, еще и рыбо-мучные установки — трюмы этих судов вмещали до шестисот тонн готовой продукции. А за промысловыми судами двинулись две плавбазы «Тунец» и «Янтарь», спасатель «Быстрый» и водолей «Зефир». Экспедиция была солидная, почти в восемьдесят судов, хорошо оснащенная, умно организованная.

В распоряжении Аникина теперь находилась у Сейбла лишь одна плавбаза «Северная Слава», та самая, на которой он размещался со своим штабом, и ему ничего не осталось, как и эту базу погнать за ушедшим флотом.

Но капитан плавбазы «Северная Слава» Алексей Алексеевич Токарев отказался сниматься с якоря.

— Завтра подходит «Урал», надо на него перегружаться,— сказал капитан, когда Аникин пришел к нему в каюту.— Дай мне два, от силы три дня, Василий Кондратьевич. Две базы ведь с ними, а, хоть и поменьше меня, но работают они энергично, заторов в приемке улова не будет.

Аникин с минуту раздумывал. Ни при какой энергичной работе «Тунец» с «Янтарем» не могли заменить огромную «Северную Славу». Но подошедший транспортный рефрижератор «Урал» имел заказ отвезти в Гаванну две тысячи тонн пшеничной муки, пятьсот тонн муки уже лежало в трюмах «Северной Славы», остальное «Урал» должен был взять у флота, промышленящего на Большой Ньюфаундлендской банке. Принуждать «Урал» на пустой четырехсотмильный крик к югу

вслед за «Северной Славой» было нерационально, это Аникин понимал не хуже Токарева.

— Даю тебе два дня,— сказал Аникин и пошел спать. Он свято соблюдал «капитанский час» — послеобеденный сон.

ЛОТ бежал накоротке по большим глубинам, но парочка «малышей» СРТ, получив в пути хорошие показания эхолота, часок шла тралом по южной оконечности мели Сейбла-Айленд и, точно, взяла солидный весовой улов, по восемь тонн в кутке, но почти одну сельдяную акулу, селедки было не больше тонны. Акулу завалили в бочки — пойдет на муку — и побежали дальше. По радио с полчаса на всех разрешенных частотах слышались чертыхания и смех. Незадачливые рыбаки повернули на глубину, в хвост остальным судам, а те, предвкушая скорую удачу, надали жару винтам.

На другой день, после полудня, Аникин завернул к синоптикам узнать о новостях. Синоптики получили тревожное сообщение. Метеорологическая служба Канады оповещала все суда, что циклон, зародившийся в Мексиканском заливе три дня назад, внезапно изменил направление и вырывается в открытый океан, сминая и отбрасывая антициклонные спокойные области. Теперь его направление — не север, а северо-восток и, если он выйдет на воду южнее Вашингтона, как судя по всему, он собирается, то на пути его окажется и Джорджес-банка, и Сейбл. И он не гаснет, а разжигается, на суше это был всего лишь резвый ветерок с дождем, а на океане следует опасаться урагана.

— Вот тебе, бабушка, и обещанная солнечная погода,— хмуро проговорил Аникин.

— Солнечной погоды мы не обещали,— заметил синоптик.— По прогнозу, вдоль всего американского побережья туманы. Но на спокойствие в атмосфере рассчитывали, это правда.

— В шестнадцать часов флаг-срок, будет ваше сообщение о погоде,— напомнил Аникин.

На флаг-сроке синоптик подтвердил штормовое предупреждение. Аникин запросил ушедшие суда, не стоит ли им возвратиться, вместо того, чтоб бежать в пасть урагана. Флагманы один за другим сообщали, что бегут к большой рыбе, а не на свидание с ураганом. Желания возвращаться у них не было. Лишь один иронически поинтересовался, может ли синоптическая служба гарантировать его судам, если они возвратятся, хорошую погоду у Сейбла: на всех языках мира этот островок именуется достаточно выразительно: «Сейбл, кладбище кораблей». Синоптик гарантии не дал, и флагман, открыто смеясь, известил Аникина, что готов померяться силенками с бурей где угодно, но только не у Сейбла.

После полдника Аникин поднялся в рулевую рубку. По рубке прогуливался озабоченный Токарев, он уже знал о штормовом предупреждении. Оба капитана вышли на правое крыло, облокотились о перила. На палубе было безлюдно, в стеньгах лежали горами пустые бочки. Команда второй день работала через пень-колоду. В носовом и кормовом салоне каждые два часа крутили фильмы, в читалке было полно народа, судовое радио услаждало слух тоскующих от безделья то оперными ариями, то танцевальной музыкой. Обстановка была до удручения не производственная.

— Завтра будем вкалывать,— поделился планами Токарев.— Основная задача теперь — выгрузиться до урагана.

Аникин вздохнул.

— Изобары скверные, Алексей Алексеевич. Циклон неровный, ложбинка на ложбинке. Под утро загремит на Джорджес...

На поверхность воды ложился туман. Пока это был еще светлый туман, он не только поглощал, но и излучал сияние. Аникин щурился, от такого света становилось больно глазам. Метрах в трехстах к горизонту уже не было видно волн, а вверху, незамутненное, сияло тонкое голубое небо — туман расплывался тонким слоем. Волны, короткие и беспорядочные, сверкали, как лакированные. Океан блеснул, как хорошо начищенный сапог.

— Пошли посмотрим кино,— предложил Токарев, зевая.

— Пошли посмотрим,— согласился Аникин.

Он честно просмотрел полнометражный фильм, но выйдя из салона, начисто забыл, какая это была картина, и потом, возвращаясь мысленно к тому вечеру, так и не припомнил, на что убил два часа. В каюте он взял в руки роман — вражеские шпионы и наши разведчики изощрялись в изобретательности, мы, естественно, финишировали первые в этом состязании ума и отваги. Аникин внимательно прочитал сотню страниц и вдруг поймал себя на том, что не помнит ни одного события, ни одного слова из прочитанного. Он посмотрел на часы, время шло к десяти, пора было на вечерний совет.

Ушедшие на юго-запад суда прослушивались хорошо. Быстрые СРТМ уже выходили на отмели, эхолоты писали картины грунта, кое-где отмечались косяки рыб. Скоро отдам трал, сообщал один из капитанов, надо же взглянуть, что за рыбешка.

Ветра пока не было, но барометр падал, с запада наносило тучи и они густели. Вверху анархия, на воде порядок, порадовал Аникина флагман РТМ. Аникин поморщился, ему не нравил-

ся такой порядок. У нас тихо и туманно, сообщил он обстановку у Сейбла. Синоптик положил перед ним барограммы, на кальке изобары у Сейбла вели себя прилично, больших перепадов давлений не было. Но у восточного побережья Америки зловеще сгущались линии, перепады здесь были такими крутыми, что Аникин, казалось, услышал рев ветра, бешено стремящегося от одной изобары к другой. Ждите шторма, посерьезней готовьтесь к шторму, повторил он несколько раз и услышал обычную бодрую отповедь — не пугайте, Василий Кондратьевич, кто-то, а мы со штормами на нулях, вот будет или не будет большая рыба — одна забота!

Он порадовался бодрости своих капитанов, но озабоченность не пропала. Синоптик уловил его настроение и виновато отвел глаза. Синоптик не был виноват в обстановке, не предсказанной в прогнозе, он честно настраивал свою «Ладугу» на радиопередачи из Вашингтона и Галифакса, честно толковал отпечатанные кальки, ошибся в прогнозе не он, а крупные станции. Но как бы там ни было, в минуту, когда принималось решение о флоте, он бросил эту гирию доброго предсказания на чашу решений и не мог снять с себя частицы своей ответственности. Скажи он по-иному, просто усомнись в прогнозах, возможно, начальник экспедиции и не выслал бы весь флот навстречу летящему урагану, Аникин, вероятней всего, держал бы его поблизости от себя, как курица цыплят под своим крылом.

— Теперь ждать,— со вздохом сказал Аникин, вставая.— Спать и ждать.

Спать, и вправду, было пора, шел первый час ночи. Перед сном Аникин постоял на мостике. Туман над водой сгущался, видимость не превышала кабельтова. Корабельная сирена каждые две минуты ревела. Локаторный луч, обегая темный круг, вычерчивал сигарообразное тело Сейбла. Да, правильно, на всех лоциях этот остров именуется «кладбищем кораблей». В мире, вероятно, не существовало местечка, принесшего столько бед мореплавателям — сотни судов, от парусных до электротурбинных, навек упокоились на его коварных отмелях. Все было просто, жестоко просто — такие же вот туманы и неожиданно налетающий ураган тебя, проходящего мимо, вбивает килем в песок и спасения больше нет. Нет, думал, однако, Аникин, лучше бы флот остался здесь, напрасно я отпустил его, передвинулись бы на север от Сейбла и надежно прикрылись островом, как волноломом, и было бы нам это кладбище надежным барьером. Аникин вслушивался в голос моря. Полнейший штиль, даже зыбь улеглась, в свете люстр вода отливала черным рояльным блеском. А вверху сквозь невысокий ковер густого тумана мутно светила половинная луна. Аникину показалось даже, что

он видит звезды. Луна, однако, была действительно, а звезды мерещились.

Аникин пошел спать.

ОН проснулся внезапно, как от удара, подскочил к иллюминатору. За бортом светился туман, поглощавший в себе сияние люстр. Крупная зыбь покачивала корабль. Аникин торопливо натянул одежду, поднялся на мостик. Второй помощник капитана зевал, погрузив половину лица в раструб локатора. Море было пустое, только удлиненное тело Сейбла зеленовато вспыхивало, когда его оконтуривал луч.

— Когда началась зыбь? — спросил Аникин.

— Недавно, минут десять... Что вы так рано встали, Василий Кондратьевич?

— Пробудила проклятая качка. Включите на минуту прожектор.

Мощное сияние ринулось в море, но не пробило тумана. Он был теперь так густ, что в сотне метров все пропадало. Крупные молчаливые волны — без пенных воротников — беззвучно вырывались из белой тьмы, беззвучно вздымали и кренили судно. С мостика еле проступал свет на корме — так сгустился туман. Второй помощник выключил прожектор. Аникин посмотрел вверх, туман стал не только гуще, но и выше, не было видно ни луны, ни сияния от нее.

4 — Первые вестники шторма, — проговорил

Аникин, показывая на беспокойное море. — Где-то уже грохочет. Не поступало известий от судов?

— Пока нет.

Аникин спустился с мостика, прошел палубой на корму. Он шел вдоль фальшборта, всматриваясь в океан. Из густой неподвижной белизны выкатывались высокие волны. У зыби не было твердого направления, волна ударяла то справа, то слева. Тревожится океан, думал Аникин, где-то произошла катастрофа, океан заметался, как человек в опасности.

В радиорубке дремал радист, он только закончил передачу на далекий, через весь океан, родной берег. Аникин и радиста спросил, что нового, хотя связь с судами осуществлялась из носовой рубки, а там, как сообщил штурман, новостей не было. Кормовой радист о су-

дах ничего не знал, известий о шторме тоже не поступало. Аникин вошел в синоптическую, здесь было светло и пусто. Начальник экспедиции опустился в кресло, разложил перед собою ворох синоптических карт за последние дни. Он старался рассмотреть за грозными сгущениями изобар, как произошло, что проглядели ураган. Нет, его, Аникина, вины тут не было. Вот картина побережья Америки от Флориды до Лабрадора, и намека нету на циклон. Отличнейшее давление, полные баллы метеорологического спокойствия, а тот циклон шастал где-то по прериям и хлопчатникам, да и не был он вовсе циклоном, так, циклончик, плохая погода, говорят в таких случаях горожане и разворачивают зонтики. А вот здесь, всего лишь вчера это случилось, циклон поворачивает на океан и быстро свирепеет на морских просторах. Когда под ногами разверзается бездна, в нее с грохотом обрушиваются каменные дома, вековые леса, горы качаются, как пьяные. Когда в томную уравновешенность высокого давления внезапно срывается такой беспоконный, как бы от всего спасающийся смерч низких давлений, спокойный воздух падает в него, как в бездну, и клубок ошалелых ветров мчится по океану. Аникин не мог предугадать, что такое чудовище выскочит навстречу его судам, если даже крупные метеорологические станции прозевали подобный поворот событий.

Аникин вышел из синоптической, постоял на

шлюпочной палубе. Туман понемногу светлел, но оставался по-прежнему непрозрачным. Волны не стали крупнее, но беспорядочность их уменьшилась, теперь это была уже не зыбь, а накат. Он катился с юго-запада, это было не предупреждение о вдалеке бушующей буре, а результат ее. Надо было приказывать судам возвратиться к Сейблу, размышлял Аникин, в конце концов я руководитель экспедиции, прикрикнуть на сопротивляющихся — и точка! Вечная моя уступчивость, зачем я полез в начальники, когда характера не хватает.

Он поглядел на часы, подходило к шести, скоро метеостанции будут передавать утренние карты погоды. В рубке, перед включенным приемником «Ладоба», уже сидел синоптик. На вращающемся рулоне бумаги строка за строкой тонкими линиями возникали параллели и меридианы, контуры материка и островов, их грубо перечеркивали жирные изобары. Вихревые кольца циклона передвинулись дальше в море, к шести часам утра циклон полностью оторвался от берега.

— Ну и ну! — сказал Аникин, изучая выполняющий из прибора лист.

— Большие градиенты, — со вздохом объяснил синоптик. — Весьма тревожное высокоградIENTное поле, Василий Кондратьевич.

— Я пойду в носовую рубку, — сказал Аникин. — Узнаете что дополнительное, звоните мне туда.

До первого утреннего совета оставалось два часа, но радист, скучая, нащупал в эфире товарища на СРТМ и расспрашивал его об обстановке. Аникин схватил микрофон и попросил немедленно капитана. «У нас заштормило, Василий Кондратьевич, — сообщил капитан, в приемнике было слышно, как он шумно зевает. — Не так чтобы очень, а есть. Старпом час назад отдал трал, были показания, но сейчас я трал раньше времени выбару, обстановочка посерьезнела». Он два раза с воодушевлением прокричал: «Обстановочка посерьезнела!», словно в этом было что-то хорошее, и отключился.

— Ищи другие суда, все суда ищи, и общай, кого нащупаешь, — сказал Аникин радисту и, покачиваясь на вращающемся кресле, закрыл глаза. Со стороны могло показаться, что он уснул.

Так было лучше — мысленно, а не на карте — разглядывать обстановку. Быстрые СРТМ вырвались вперед, за ними стремятся веером более грузные РТМ, в хвосте, раскидистой группкой, бегут малыши СРТ. Передовые суда уже столкнулись с ураганом, задние пребывают в споксйствии. Возвращать флот назад сейчас не только нерационально, но и опасно: ураган догонит, все равно придется поворачивать на ветер. Вперед, только вперед, пробиваться грудью сквозь бушу-

ющую стену, другого выхода не остается.

Аникин видел крутящиеся кольца изобар, сгущение линий передвигалось навстречу флоту, а флот бежал навстречу сгущению линий, в те самые «высокоградIENTные поля»... В мозгу Аникина вспыхивали, как цифры в окошке счетчика, меняющиеся координаты судов — еще одно заштормовало, нет, три, даже четыре, все СРТМ, так будет вернее. А вот и РТМ втекают в неспокойную область, одни малыши еще не заштормовали, но тоже готовятся: задраиваются, занайтовываются, освобождаются от ненужного груза...

В рубку вошел Токарев.

— До совета вагон времени, а ты как на часах, — сказал капитан. — Что нового у твоих?

— Один за другим начинают штормовать.

— Перештормуют. Подходит «Урал» — не хочешь поглядеть?

— Чего я не видел на «Урале»? — хмуро сказал Аникин.

— Вызову всех свободных от вахт, — сообщил капитан. — Надо перегружаться до шторма. У меня все подготовлено для скоростной обработки, не знаю, как на «Урале».

Аникин не ответил. На «Урале» наверняка было хуже, чем на «Северной Славе». Токарев в прошлом работал в морском перегоне и сам просился на производственную базу, другие капитаны побаивались этих плавучих заводов. Токарев принял первую базу, стал капитан-директором из просто капитана и быстро доказал, что вторая половинка звания — директор — вовсе не формальность. Если другие капитаны единственной стоящей темой разговора считали течения и ветры, расстояния и глубины, знаменитые порты и прославленные суда, то Токарев с увлечением толковал о нормо-часах и сменных нарядах, выполнениях и перевыполнениях, первых сортах и утиле. Аникин сам слышал, как один матрос, проплававший с Токаревым несколько рейсов, так охарактеризовал своего капитана: «Жесткий, семь потов из тебя выжмет, но вернешься домой с хорошими деньгами, это точно».

Промысловых советов в море много — советы капитанов отдельных флотилий, советы флагманов, радиопереговоры баз. Аникину, по штату, нужно было председательствовать на совете баз и присутствовать у флагманов. Он редко выходил за штатные prerogative, совать свой радионос, как это иронически называлось, в действия отдельных капитанов не стремился, для того и существовали флагманы, чтоб капитаны не дурили. Однако сегодня он «бежал с совета на совет», переключая частоты, настраиваясь и перестраиваясь. И хоть на таком отделении слышимость была плохая, он первый заметил, что СРТ-1774 не вышел на радиосвязь.

К утру бушевало на всей банке Джорджес. Один за другим траулеры, прибегавшие на рыбные отмели, попадали в бурю. Пока еще не было ничего катастрофического, циклон здесь лишь начинался — больше десяти баллов никто не отмечал. Но один из «малышей» не «проклюнулся» в эфире.

Это не раз бывало, что судно, увлеченное уловом, или отвлеченное мелкими неполадками, забывало о радиоперекличке, никого это особенно не тревожило. При опасности капитаны орали на всех частотах, своих и чужих, чтоб привлечь внимание. Молчание само по себе не было сигналом тревоги, скорее свидетельством халатности. Но Аникин распорядился радиограммой флагману малышей срочно найти пропавшее судно, а коли в эфире оно не отзовется, искать визуально — «поглядеть на его мачты», продиктовал он.

К полудню слышимость оборвалась, даже оставшие суда теряли голос. Аникин вышел на мостик. «Урал» пришвартовался к правому борту «Северной Славы». Сам по себе солидный, он казался маленьким рядом с высокой «Славой».

Теперь туман был желтоватый, а не белый и синий, он сиял, словно озаренный изнутри, — так бывало, когда туман появлялся при безоблачном небе: солнце, не пробиваясь сквозь его толщу, поджигало его. Аникин любил эти светящиеся туманы, в них было что-то радостное, совсем они не походили на унылую промозглость ленинградских, знакомых с детства. Из тумана выкатывались волны, ровные, беспленные, беззвучные, сверкающие, плавно поднимали и плавно опускали оба корабля. Крупная зыбь, размышлял Аникин, слишком крупная зыбь!

— Чертова зыбь! — мрачно проговорил Токарев, прогуливавшийся по мостику. Он показал на «Урал», который качался не в такт «Славе» и гораздо сильнее. Его нос то взлетал выше фальшборта плавбазы, то рушился ниже ее ватерлинии. Аникин молча пожал плечами. При таком волнении перегрузка инструкциями по безопасности запрещалась. Он, как начальник экспедиции, мог строго выговорить Токареву, а заодно и капитану «Урала», за лихачество. Но оба капитана знали свое дело и оба с мостика зорко следили за тем, что происходит на палубах.

— За два дня не перегрузимся, — заметил Токарев.

— Сомневаюсь, чтоб тебе было отпущено два дня, — отозвался Аникин. — Циклон не торопится, но и не стоит на месте, а до него и ста миль сейчас не будет.

— Чертова зыбь, — повторил Токарев. — Постараемся, конечно. Двое суток — немалый срок, но и полтысячи тонн, сам понимаешь...

6 Аникин иронически поглядел на него. Токарев был мужчина рослый, красивый, неторопли-

вый, и лицом, и фигурой он напоминал молодого Шалапина. Женщины заглядывались на Токарева, мужчины не перебивали, когда он начинал говорить, хотя неторопливость его речи многих раздражала. В большом океанском флоте его ценили. Спускаемые с верфей на воду огромные корабли были словно специально созданы для таких, как он, любителей новшеств. Невысокий, худенький, то часами молчаливый, то насмешливо-красноречивый, Аникин разительно не походил на Токарева — вероятно, оттого их тянуло друг к другу. Аникин разместил экспедицию на «Северной Славе» не потому, что здесь было больше удобств, их как раз было меньше, чем на других судах, просто рефрижераторах. Но здесь был Токарев — это перевесило.

— Понимаю, — сказал Аникин. — Психологически готовишь меня к тому, что и сто процентов в таких условиях успех, а сам сделаешь ровно двести.

Лицо и голос Токарева остались серьезными, а глаза смеялись.

— А что? Сто процентов — самый раз по такому накату. Циклон поджимает, вот беда.

— Циклон поджимает, правильно, — рассеянно проговорил Аникин.

ФЛАГМАН «малышей» радировал Аникину, что исчезнувший СРТ-1774 до сих пор не откликнулся, хотя его вызывают на всех частотах. Суда, вышедшие на поиск пропавшего товарища, ничего не нашли, искать сейчас было трудно: тучи валились на воду, вода взметывалась до туч, дождь и брызги так густо наполнили воздух, что видимость упала до сотни метров. Огромные волны перекатывались через борта, за такими валами и лайнера не видно, не то, что малыша, оправдывались суда, посланные на поиск. Между строк уставно-сдержанных радиограмм Аникину слышались раздраженные голоса капитанов — им нелегко давалось внезапное перенесение из райской тишины Сейбла в дикий разгул бури. «SOS он не дал, ведь он не дал SOS» повторялось в каждом сообщении. Что-нибудь с радиостанцией, не больше, — предполагали другие.

Аникин внутренне соглашался, всего вероятней, была пустяшная неполадка, а не катастрофа, но катастрофу, сколь она ни была маловероятна, он не мог полностью исключить и потому не мог дать команду прекратить поиск, хотя судам хватало сейчас и своих забот. Впрочем, все, что понимал он, понимали и капитаны судов, ни один не отказался от опасных блужданий по волне и наперерез урагану. Подоспевший в этот район спасатель «Быстрый» возглавил поиск, но и его локаторы и мощные прожектора не принесли ус-

пеха, локаторы путали изображения судов и волн, а прожектора не пробивались за стены ближайших валов.

— Да не нервничай ты так,— посоветовал Токарев во время очередной диктовки сурового указания флагманам.— Я сужу по себе: чуть что, я бы раньше всего дал SOS, а он просто пропал. Не взорвался же он, в самом деле!

— Кроме рабочего радиопередатчика, у него есть запасной,— возражал Аникин.— Почти исключено, чтоб оба разом испортились, если само судно в порядке. В спокойную погоду я не нервничал бы.

Была еще одна причина, кроме опасений за пропавшее судно, заставлявшая Аникина нервничать, но о ней он не сказал Токареву. Аникин квалифицированно командует рыбацким флотом, все это знали, так было всегда, когда он возглавлял промысловые экспедиции. И сейчас он советовал, отдавал приказание, настаивал на исполнении совершенно справедливо и умно, никто бы не мог оспорить правильности его команд. Но положение изменилось, и сам он мучительно чувствовал изменение, и знал, что другие, вслух не говоря, ощущают перемену. Раньше он неизменно бывал в гуще своего флота, в фокусе его работы и бедствий, а сейчас, отсиживаясь в сияющих туманах у Сейбла, командовал штормующими издалека. Аникин не потерял права приказывать и выговаривать, но право это вдруг стало формальным. Он съеживался, вообразив, что кто-то, измученный, ругается вслух: «Хорошо ему командовать от Сейбла!». Там мне надо быть, там, и самому возглавить поиски, твердил он себе ежеминутно, и, вызывая по радио новые суда, через голову флагманов отдавал приказы идти на розыски исчезнувшего товарища. Вахтенная книга разбухала от команд и указаний.

К ВЕЧЕРУ золотой сияющий туман посинел, глухая непроглядность окутала море у Сейбла. Прожектора заливали светом палу-

бы, в тумане, полустертые, мелькали быстро передвигающиеся фигуры, в воздухе вздымались сетки с мешками рыбной муки — один строп передавался с палубы на палубу, другой разгружался, третий нагружался. На перегрузку вышли двойные вахты, вспомогательные службы выслали на палубу своих людей. Токарев торопился, ураган был уже на траверзе Бостона. В вантах посвистывал ветер, на волнах появились белые воротники. Море обрело голос, оно тяжело ворочалось в темноте и глухо ворчало, не в лад качая сцепленные тросами корабли. Аникин как засел в радиорубке, так и не вылезал из нее — СРTP-9001 терпел бедствие.

В десятом часу вечера траулер радировал, что винт сбрасывает обороты, становится трудно бороться против бури. Потом вышла из строя динамо-машина, а гребной вал заклинило во втулке. «Все помещения в темноте», сообщил траулер флагману отряда. Радиостанция на СРTP пока работала, с бедствующим судном держали непрерывную связь: близкие — голосом, дальние — на ключе. Флагман траулеров повернул на помощь товарищу все свои суда. Аникин приказал спасателю «Быстрому» оставить поиск пропавшего судна, пусть этим занимаются другие суда в том районе, и полным идти с западной оконечности банки на северо-восток, где штормовал потеряв-

ший управление, ход и свет СРТР. Большого Аникин сделать не мог.

Он сел в кресло, недалеко от радиста, молчаливый и темный. Радист изредка взглядывал на начальника экспедиции, тот почти не шевелился. Но радист знал, что стоит забарабанить пальцами по клавиатуре, принимая новую радиограмму, как Аникин встрепенется, подойдет, станет читать из-за спины.

— Глаз у тебя нехороший,— заявил вошедший в рубку Токарев.— Сорвал ты нам непрошеным своим пророчеством... Двести процентов не получается.

— Значит, сто девяносто? — вяло поинтересовался Аникин. По радостному лицу капитана он видел, что перегрузка идет хорошо.

— Сто девяносто пять. Завтра к обеду закончим.

— На дворе туман?

— Туман. Вышел бы на мостик, подышал свежим воздухом.

— И здесь хорошо.

— А как ураган, Василий Кондратьевич?

— Свиристует.

— «Быстрый» еще не подбежал?

— Где же? До 9001-го миль сто пятьдесят, идет лагом — наперерез ветру...

— И по 1774-му ничего нет?

— И по 1774-му ничего.

Токарев удалился — выгонять новые проценты. Аникин, закрыв глаза, покачивался на вращающемся кресле. В открытое окно врвался грохот лебедек, он заглушал глухой рык океана. Самое тяжелое в том, что я не слышу их голоса, думал Аникин. Радиограммы, одни радиограммы, диктуй, принимай, подшивай в папку — можно потом предъявить на проверку любой комиссии. Живые голоса, думал он, живые голоса, утомленные, возбужденные, измученные, отчаянные, радостные, живые голоса, перекрывающие грохот бури. Не важно даже, что они говорят, только бы услышать их голоса!

И так он жаждал слышать их, что ему мерещилось уже, что он слышит своих капитанов и матросов. Он плотнее закрыл глаза — в черном море, под яростным небом, в осатанелой крутоверти валов штормовали рыбацкие суденышки. Он видел и то суденышко, без огней, на мостике его горел костер, о костре оно сообщило по радио. Беспомощное, воистину игрушка валов, судно кренилось с борта на борт, то рушилось по склону волн, то взлетало на гребни, мачты его сейчас черпают воду, крен достиг пятидесяти градусов, таково последнее сообщение... А к нему бегут на подмогу товарищи, измученные, полуслепленные от волн, полуоглохшие от рева ветра, замотанные в дикой качке. Издалека, с другой оконечности банки, устремился «Быст-

рый», тоже крохотулька, если вдуматься, но крохотулька с могучим сердцем, почти две тысячи лошадей в двигателе, все эти лошади остервенело рвутся вперед, ураган свирепо швыряет судно — то вправо бросит, то влево — остановить его он не в силах...

Радист, уложив наушники поудобнее, застрекотал клавиатурой. Аникин через плечо читал сообщение: «Обнаружил СРТ-1774. На плаву держится хорошо, двигатель в порядке, ходовая рубка снесена волной. Переговариваемся световыми сигналами. Раненые имеются, но не опасно. Держись рядом, случае нужды окажу помощь. РТМ-812».

Аникин приказал всем судам, находящимся поблизости, запеленговать РТМ-812 и, по возможности, не отдаляться. Он возвратился в кресло. Итак, пропавшие нашлись, теперь уже их не выдадут на растерзание буре. Какой же это ураган, думал он, если ударом волны снесло ходовую рубку? Вот отчего у них вышли из строя обе радиостанции, думал Аникин, вот, стало быть, отчего. Крепенько же им досталось!

— Плохо, Василий Кондратьевич,— услышал он голос синоптика.— Циклон движется прямоходом на нас.

Аникин расстелил на коленях принесенную синоптическую карту. Зловещее сгущение изобар переместилось с востока на север. Буря мчалась на Сейбл, вовлекая спокойную атмосферу в общее «воздухотрясение» — он мысленно иронически высказался именно так.

— Не плохо, а хорошо,— сказал он, тыкая пальцем в то место, южнее, где изобары расклинились.— Завтра на Джорджес будет отличная погода.

— Ну уж, отличная! — возразил синоптик.— Завтра у них, конечно, ветер спадет, но зыбь штормовая останется до ночи.

— Покажите капитану,— сказал Аникин, возвращая карту.

Токарев через минуту прибежал в рубку расстроенный.

— Вот тебе, бабушка! — сказал он возмущенно.— Ты мне дал двое суток, а ураган не дает.

— Я тебе дал, ураган отбирает! — подтвердил Аникин.

— Хорошо, что я на полные два дня не понадеялся,— похвастался капитан.— Мой принцип: на синоптиков надейся, а сам не плошай.

— Самому плошать не надо,— согласился Аникин.— Завтра к обеду закончишь?

— К утру закончим,— сказал капитан.— Что к обеду здесь завтра будет — не дай и не приведи! А ты чего не идешь в каюту? Перед ураганом самый раз поспать, потом уже не удастся.

— Пару радиограмм отправлю и пойду.

ЧАС бежал за часом, вечер перешел в ночь, ночь стала клониться к рассвету. В два часа ночи «Быстрый» радировал, что подходит к СРТР-9001-у. РТМ так и не пробилась сквозь ураган к бедствующему кораблю, идти надо было против ветра, их машин хватало, чтоб держаться, а на ход не хватило. «Пытаюсь завести буксир, наготове держу все спасательные средства, но буря не дает подойти. Осветил судно прожекторами, народ веселый, поломок не видно». Аникин усмехнулся, покачал головой. На «Быстром» капитан был оптимист, для спасателя это драгоценное качество, но временами он перебарщивал. Народ веселый, думал Аникин, посмеиваясь. Повеселеешь, конечно, когда рядом появится такой могучий друг, а вот что было эти сутки до его появления? Ноги Аникина стали затекать, он вышел на мостик. По мостику прогуливался сумрачный Токарев.

— Уже выспался? — удивился он. — Три часа ночи, зачем так рано поднялся?

— Много ли мне надо? — ответил Аникин. — Все спать да спать — надоедает!

— Скоро начнется, будет не до сна, — повторил Токарев. — А у меня темп спадает. Устали люди, гоняю я их, а они все-таки не железные. Второй помощник говорит, помощь к 9001-у подоспела. В самый раз, по-моему.

— Раньше бы подоспела, было бы еще «разее», но спасибо и на том, что не опоздала.

Токарев поболтал с Аникиным и спустился на палубу. На лестнице его крупная фигура выделялась отчетливо, но у лебедок превратилась в расплывчатый силуэт. В тумане по-прежнему сновали люди, прожектора высвечивали туман, но не пробивали. Светло, но не видно, думал Аникин, достается сегодня лебедчиком! Он вообразил, что сам стоит за лебедкой и так, не видя, по голосам, поднимает и опускает груз. Хорошо еще, что голоса отчетливы, можно как-то ориентироваться по звукам.

Аникин возвратился в радиорубку и стал ждать новых радиограмм от «Быстрого». У «Быстрого» по-прежнему не ладилось дело, он все не мог завести трос на СРТР. Флагманы флотилий

перекликались со штормующими судами. Под утро спасатель радировал, что временно, до света, прекратил попытки буксировки, ветер начал ослабевать, а чтоб команда бедствующего судна не скучала, он им по громкоговорителю передает танцевальную музыку. «Вот же хулиган! — радостно сказал Аникин. — Нет, хулиган и только! Влепил бы тебе строгача в приказе, не будь я слабохарактерный!»

Часов около семи «Быстрый» возобновил попытку взять на буксир 9001-й, а еще через час потащил его за собой. Флагманы дружно радировали, что ветер в их районе стихает, скоро будет можно начинать промысел. Два СРТ, не дожидаясь конца волнения, вытравили тралы, больно уж хороши показания эхолота, сообщил, оправдываясь, флагман «малышей».

Аникин отдал последние распоряжения и вышел из радиорубки. На завтрак в салон было поздно, Аникин позвонил буфетчице: если что осталось, занесла бы к нему в каюту.

Работы по перегрузке были завершены, боцманская команда спешно закрепляла по штормовому палубное имущество. Отваливший от борта «Урал» загудел, Аникин помахал ему рукой. В вантах свистел ветер — пока еще несильный.

— Успели, — с облегчением сказал вышедший на мостик Токарев. — Только что сам замерил ветер — пятнадцать метров в секунду!

— Через час будет все двадцать пять, — предупредил Аникин. — Вчера на Джорджес доходило до сорока.

— Спать теперь не придется, — со вздохом сказал капитан. — Дня два править на волну!

— Теперь не до сна, — подтвердил Аникин. Ураган разразился к обеду. «Северная Слава», снявшись с якоря, полной мощностью двигателя работала на волну, стараясь подальше отойти от грозного Сейбла. Аникин, запершись в каюте, сладко спал, и не слышал ни дикого воя ветра, ни хлопанья распахнувшихся дверок шкафа, ни собачьей грызни скачущих по каюте вещей.

Рисунки Ю. Григорьева

КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Золото

Нет, это невероятно. Согласно всем научным положениям и определениям. А Леонид Маркелович Кустов

смотрел на желтую крошечку на дне пробирки и говорил:

— Да, ребята, это золото.

И они смотрели недоверчиво, с удивлением...

Потом Кустова чуть не подняли на смех геологи, которым он показал пробирку с золотым песком и объяснил, что намыл его в долине реки Каменки. Издавна считалось, что его здесь нет: в подобных породах и условиях золота никогда не находили. Но все-таки послали своего «полпреда». И что же! Представьте, все верно! В долине Каменки, где по науке оно «не имело права быть», — есть золото. И немало! Правда, промышленного значения месторождение не имеет, но позволит в поисковых картах поставить новые точки и крестики... Вот что написали в отзыве компетентные люди: «Эта россыпь имеет определенный научный интерес».

Первооткрыватели месторождения — следопыты клуба юных геологов и геофизиков первой коркинской школы Челябинской области.

У ребят есть переносные радиостанции, теодолиты, промывочная станция, радиометр и многие другие геологические приборы. Есть даже шлифовальная установка. С ее помощью они пытаются добиться идеального зеркала поверхности минералов, чтобы в коллекции «смотрелись». Кстати, о коллекции: это целый музей. Здесь минералы, редкие породы, и не только с Уральских гор.

Но, пожалуй, самое любопытное — это сконструированный и построенный следопытами переносный промывочный прибор. О нем рассказывается в кинофильме, который сняли ребята. Говорят, что когда его видел министр геологии Сидоренко, то заметил. «Исключительно оригинально придумано». Насколько серьезно похвалил прибор министр, не знаю, а только... испытывали его на старом, заброшенном Андреевском прииске. Пришел сюда бывалый старатель. Всю жизнь проработал он тут, на прииске.

— Зря мучаетесь, — сказал старик, но не оставил ребят. И как он был поражен, когда через какой-то час увидел первые крупки золота. А когда поближе познакомился с устройством прибора, пришел в восторг:

— Ай да ребята! Надо ж, до чего додумались! Нам бы в старое время такую машинку...

Покровская яма

Зимой Леонид Маркелович со своими питомцами готовится к летним геологическим походам — изучают теорию, приборы, составляют отчеты. А в воскресные дни, в праздники, в каникулы коркинцы отправляются со своим шефом к пещерам.

— Спелеология развивает у ребят исследовательские навыки, — говорит Кустов.

И действительно. Многие видели, как река Сим возле Серпиевки исчезает внезапно под землю, а через некоторое расстояние снова появляется на поверхности. Что же тут удивительного! Бывает. Но вот вопрос: почему под землю уходит гораздо меньше воды, чем выходит обратно! Оказалось, что где-то в пещерах есть большой подземный источник, а может быть, целая подземная речка, с которой сливается Сим.

Сюда приезжало на практику немало студентов, немало отчетов и курсовых работ написали они об этом интересном явлении природы. Но никто не сделал научно обоснованного вывода, не определил причин «разбухания» реки. Работа коркинцев привлекла внимание ученых.

А Покровская яма? Вот уж поистине чудесное открытие. Считалось, что наиболее глубокие пещеры на Южном Урале — 18—20 метров. А эта! Гораздо глубже. Но сколько! Не раз приходили к ней следопыты. Долго не решались спуститься. Жутко! Изучая геологическую структуру района, пришли к выводу, что здесь могут быть очень глубокие места и что Покровская яма, должно быть, бьет все рекорды». Старожилы рассказывали, будто бы в старину разбойники, скрываясь от погони, сбрасывали в пещеру награбленное добро...

И вот, тщательно подготовившись, решили спускаться. Первым — Леонид Маркелович. Стены с толстым слоем наросшего льда, почерневшее, со вспыхнувшими звездами небо над головой... А это что! Неужели сыпуны! Тогда надо немедленно подниматься вверх! Однако сомнения вскоре рассеялись: в яме оказались камни, брошенные рукой человека. Ноги, наконец, нащупали дно. Глубина Покровской ямы оказалась равной 47 метрам.

Упрямые

Хотя, пожалуй, одного упрямства мало. Еще надо быть смелым, даже очень смелым. Иначе как бы ребята вместе с Леонидом Маркеловичем отважились побывать в Кургазакской пещере, где недавно чуть не погиб заблудившийся охотник, или спуститься в подземелье, откуда доносились какие-то звуки, похожие на лай собаки! А разве просто взойти на четырехкилометровую вершину Кавказа!

Все эти походы, спуски и восхождения стали отличной школой, хорошей тренировкой перед большим, ответственным делом, к которому давно готовились. Ребята решили в день 50-летия страны написать большой портрет Ленина на одной из самых высоких скал Южного Урала. Задача была очень нелегкой, вначале даже предполагали использовать вертолет для подъема на скалу, но отказались: пригодились альпинистские навыки, полученные в горах Кавказа. Работать пришлось на весу, при сильном, ледящем ветре — день, другой и третий... И вот огромный трехметровый портрет появился над тайгой. Коля Гиенко делает последний штрих, ребята далеко внизу смотрят на освещенный заходящим солнцем дорогой профиль. Гремит ружейный салют...

Сейчас клуб юных геологов и геофизиков готовится к восхождению на Эльбрус. А прошедшим летом шестнадцать из них работали в геологоразведочных партиях. Не учениками, не «на подхвате», а полноправными рабочими с разрядом. Геологи хорошо отзывались об их подготовке, знаниях, навыках, школьникам доверяли ответственные задания, и выполнялись они так, что перевернуть не было необходимости.

Деятельность коркинских следопытов — это своего рода подготовительные курсы в будущее. О них знают далеко за пределами области, у ребят обширная переписка, много друзей, шефов. Добрую помощь получают следопыты от коркинских шахтеров, постоянно помогает им горком комсомола, а горком партии выделил для музея хорошее помещение. И не зря! Музей приводит в восторг самого равнодушного.

В. КАПУСТИН

НАЙДИТЕ ТИМУРОВКУ ТАНИЮ!

На Урале в годы Великой Отечественной войны было много госпиталей. Раненых и больных воинов, эвакуированных с различных фронтов, лечили известные профессора, врачи, фельдшеры. День и ночь выхаживали их медицинские сестры и санитарки, сотни доноров отдавали им свою кровь.

Одна из самых волнующих страниц периода Великой Отечественной войны — шифство пионеров и школьников над госпиталями. После занятий тимуровцы читали бойцам стихи, газеты, пели песни, писали письма родным, убирали помещения.

Вот фотография тех лет. С каким вниманием и теплотой раненые слушали свердловскую тимуровку Таню!

Прошло много лет. Может быть, уральские следопыты узнают, кем стала Таня, как сложилась ее жизнь, и расскажут об этом на страницах журнала. Много интересного, ребята, вы можете узнать о работе госпиталей при встречах с медицинскими работниками, трудившимися в них, из рассказов фронтовиков, от бывших тимуровцев.

В комнате боевой славы Пермского медицинского института собран большой материал о рабо-

те медиков Урала в годы войны. Мы будем благодарны следопытам, которые пришлют нам новые факты, воспоминания, фотоснимки, документы.

Наш адрес: Пермь-центр, мединститут, Совету комнат боевой славы.

И. ЗЛОТКИН,
старший преподаватель Пермского мединститута

Молодежь совхозов Кустанайского, Федоровского и Комсомольского районов решила проложить аллею Славы от Троицка до Кустаная, где проходил боевой путь 311-го полка 35-й дивизии, освободивших в августе 1919 года Кустанай от колчаковцев. Полк входил в состав 5-й армии, которой командовал М. Н. Тухачевский. Аллея протянется на 200 километров. Первые посадки берез и тополей уже проведены.

ешком, на мотоциклах и автомобилях прошли свои маршруты участники Азербайджанской республиканской молодежной эстафеты, посвященной 50-летию Советских Вооруженных Сил и полувековому юбилею комсомола. Из небольшого пограничного города на берегу Каспия — Астары — эстафета прошла через все четырнадцать районов республики и закончилась в Нахичевани.

рассой Славы назвали просеку, прорубленную молодежью Бережанского района Тернопольской области в густом лесу за селом Заваловым. Здесь в сентябре 1943 года группа партизан из соединения С. А. Ковпака вела трудный и неравный бой с гитлеровцами. Четверо народных мстителей — Иван Сухоцкий, Иван Сафонов, Федор Варивода и Василий Левиков — погибли во время схватки. Этот бой был одним из ярких эпизодов легендарного похода ковпаковцев от Путивля до Карпат.

Просека ведет к сооруженному на месте гибели героев памятному обелиску.

кольники поселка Северный Коммунар, Сивинского района, Пермской области, провели поход по местам боев частей Красной Армии с белогвардейскими бандитами в 1919 году. Во время статридцатикилометрового перехода следопыты собрали много интересных материалов, записали немало воспоминаний бывших участников сражений.

огда к следопытам Брянска в прошлом году приехал бывший командующий Брянским фронтом Маршал Советского Союза А. И. Еременко, комсомольцы попросили его уточнить место, где находился штаб фронта в 1941 году. Маршал разыскал его. Но от блиндажа уже почти ничего не осталось. Яма и та заросла сосняком.

Брянские комсомольцы решили восстановить блиндаж и организовать в нем народный музей. Сейчас бывший командный пункт приобрел прежний вид: висит керосиновая лампа, установлена железная печка, стол, стулья. А на стенах развешаны собранные следопытами экспонаты: схемы боев, приказы, различные фотографии.

Л. ГУРВИЧ

ДОК- ТОР ФЕДО- ТОВ

Очерк А. Санина

В Ленинграде в военно-медицинском музее хранятся фотография и хирургические инструменты Федора Тимофеевича Федотова, врача Второй пермской городской клинической больницы.

I

Справка

1943 года ноября 20-го дня м. Емилъчино.

Выдана тов. Федотову Федору Тимофеевичу в том, что он состоял в Емилъчинской подпольной организации с 4 мая м-ца 1942 года по 15-е мая м-ца 1943 года.

За время своей работы в м. Емилъчино т. Федотов, как врач, активно участвовал во всех мероприятиях организации по откопке оружия, по подготовке и отправке людей в партизанские отряды, по освобождению от поездки людей в Германию и от службы в полиции.

По моему указанию т. Федотов с рядом товарищей откопал 2 пулемета, 6 винтовок, 18 гранат и 2000 штук патронов, которые были отправлены в партизанские отряды. Тов. Федотов отправлял в партизанские отряды медикаменты и перевязочный материал. Большое внимание уделял освобождению людей от поездки на работы в Германию, на основании моих личных указаний освободил тт. Новицкого А., Невмержицкого, Мельника и ряд других товарищей, пришедших после этого в партизанские отряды,— за что был арестован гестапо в м. Емилъчино и после ареста ушел в партизанский отряд Шитовского соединения 15-го мая 1943 года.

Изложенное собственноручно удостоверяю.

*Председатель подпольного комитета —
удост. № 9/120*

К. Г. Лавренчук.

— Мне тогда столько же было, сколько вам вот теперь. Вам сколько сейчас? Двадцать девять? Нет, я был помоложе: как раз исполнилось двадцать пять. Осенью сорок первого это было, под Золотоношей. С последней машиной раненых мы прорывались из окружения. Не прорвались.

В Житомире загнали нас, военнопленных, в «Багунью», бывшие солдатские казармы. Выстроили на плацу. Стали сортировать по профессиям. Дошла очередь до врачей. Вперед вышли двое. На одном конце плаца — я, на другом — Алеша Овчинников, мой однокашник. Вместе за неделю до войны Куйбышевскую военно-медицинскую академию кончили. Вот где встретились!

Дали нам должность «по специальности» — собирать по лагерю мертвецов. Работы хватало. Да еще «по совместительству» работали в соседнем лагере. Там врачей вообще не было.

Вскоре направили нас в местечко Емилъчино — райцентр в ста километрах от Житомира. В местечке крупная автобаза, гебиткомиссариат, военная жандармерия (потом ее сменило гестапо), полиция, райуправа, больница на сотню коек. Днем в больнице лечим, а ночью на подводе развезжаем по деревням.

Потихоньку стали прощупывать медперсонал. Кругом партизаны орудуют. Не может же быть, чтобы кто-то с ними не связан. Наекаем. Молчат. А один врач — Самусенко — прямо отрезал: «Что вы, с ума сошли? Немцы скоро Москву возьмут, а вы к партизанам!» Ну, да на ловца и зверь бежит. Однажды приходим в столовку для служащих, на столе под солонкой записка: «Сегодня в девять вечера приходите на заправку».

До конца рабочего дня просидели как на иголках. Провокация или нет? Вечером бросили

жребий, кому идти. Выпало — Овчинникову. Я за ним. Жду на мосту. Через полчаса возвращается.

— Все. Живем. Знаешь, кто записку писал? Лавренчук — секретарь райуправы. Неплохо мужик устроился.

Так и началась наша работа в подполье...

Я уже говорил вам, что у нас были пропуска для поездок по району. Вот Лавренчук и поручил нам выкапывать оружие, оставленное Красной Армией для партизан. Возвращаемся ночью с вызова. Останавливаемся в поле. В условленном месте копаем. Грузим ящики на подводу, маскируем соломой и — в больницу. Там у нас перевалочный склад был. Кому охота совать нос в морг, в сточную яму под анатомический стол?! А потом оружие исчезало. Кто его увозил и куда — мы не знали. Мы с Овчинниковым общались только с Лавренчуком. Вот вы сейчас представить не можете, как это: разговаривать с человеком и не знать, друг он или враг. А тут вваливается в каби-

Ф. Т. Федотов. 1944 г. Польша.

нет пьяный полицейский и требует: давай справку об освобождении от службы.

— Не имею права, — говорю, — ты не больной.

— Брось, Федотов! Я же знаю, на кого ты работаешь! Мне для этого же дела справка нужна.

Как тут быть?

— Знаешь что!.. — говорю. — Ты свои намеки оставь! Оба мы служим одному делу — Германии. А справку — вот, получай!

И пишешь: «Острое алкогольное отравление. Нести службу в полиции в таком состоянии не может. Освобождается на один день». А в истории болезни особо отмечаешь: «Явился в больницу в нетрезвом виде. Требовал справку об освобождении. Угрожал оружием. Служить вермахту в таком состоянии не может. Сообщить в жандармерию».

Раза три приходил. На четвертый являются из жандармерии, суют мне под нос справку:

— Ты выписывал?

— Я.

— Почему не сообщил?

— Я писал: «сообщить», а сообщает обычно регистратура.

Они — в регистратуру:

— Почему не сообщили?

— Не успели...

— А вы знаете, каков этот ваш «больной». Захвачен с возом оружия, принадлежащим полиции! Попытался переправить его партизанам!

В тот же день согнали народ на площадь, вывели моего «пациента», избитого в кровь, и расстреляли. Звали его Семен Букша. Был он коммунистом..

Был еще один такой «крестьянин» в деревне Нараевка. Васька Гарай. Будто бы сотрудничал с немцами. Перед самым нашим провалом узнали, что он партизанский связник.

Я уже говорил, что конспирация была жесткая. Друг друга мы не знали. И все-таки не обошлось без провала.

Случилось это в начале мая сорок третьего года. Мы с Овчинниковым дома тогда не ночевали. Боялись ареста. Переводчица гестапо — моя пациентка — незадолго перед тем наемкнула, что мы у гестапо на подозрении. Арестовывали обычно по ночам. Ну, мы каждый вечер и уезжали в деревни. Уехали и в ту ночь. Утром Овчинников отбыл на попутной подводе, а я задержался. Возвращаюсь в Емильчино. Больница оцеплена. Часовой у дверей.

— Входи!

Понял, что попался.

В больнице Овчинникова нет. Главный врач Козюлин — в командировке. Как узнать, что случилось? Осторожно спрашиваю у сестер.

Шепчут:

— Ночью сбежал завхоз и с ним лаборант и две медсестры. Увезли из морга какое-то оружие. За селом обстреляли немецкий отряд и скрылись. А в столе у Козюлина нашли газеты — советские! Ну, думаю, все!..

Приводят меня в гестапо. Пятиэтажное здание за площадью. Поднялись на пятый этаж. В кабинете немцы в черных мундирах с одним погоном.

— Доктор Федотов?.. Садитесь, пожалуйста. Вежливые. Разговаривают по-русски.

— У вас были связи с Козюлиным?

— Да.

Переглянулись.

— Какие?

— Служебные.

— Еще?
— Все.
— А с вашим завхозом вы были связаны?
— Да.
— Каким образом?
— Получал у него медикаменты.
— Еще?
— Все.
— Врешь!
Я пожимаю плечами.
— Увести!!!!

Пошли. Конвоира окликают в дверях. Он оборачивается. Стоит.

Первые два шага я сделал по инерции. Смотрю: конвоир все разговаривает.

Внизу четыре пролета, и у выхода — часовой. А тот, «мой» немец, все разговаривает.

Иду как во сне... Перешагиваю через три ступеньки... Четвертый этаж... Третий... Второй... Первый!..

Часовой — знакомый, из полицаев. Я уже почти спокоен. Папироска у меня в руке...

— Дай прикурить.

— Что, отпустили?

— Угу...

Прохожу мимо не торопясь. Заворачиваю за угол, а теперь — дай бог ноги!

Ночью кустами, как волк, — к Гарая.

— Федотов?!
— Не видишь!

Смотрит пустыми глазами, и — руку в карман. — Вижу... Вчера гестапо Козюлина расстреляло и еще четверых... тех, что с тобой взяли...

...Сутки Гарай не разговаривал со мной. На вторые, ночью, запряг лошадь. Приезжаем на хутор. В избе за столом сидят хозяева. В углу — овчинниковские сапоги.

— Где Овчинников?

— Не знаем.

Сорвался:

— Не верите? Что, теперь всегда так будет? Лешка, вылазь! Знаю, что тут!

Вылез.

Оказалось, до больницы он не доехал. По дороге встретил кого-то из емильчинских. Тот ему рассказал, что случилось. Овчинников подождал меня на дороге, не дождался (я другой дорогой приехал), и — к Гарая. Гарай его в воз солом, и — сюда на хутор.

Завхоз к партизанам ушел самовольно, никого не предупредив. Боялся, что не отпустят, а к нему со дня на день должна была явиться ревизия, проверять больничное имущество. У него недостатка: чуть ли не половину медикаментов переправил партизанам. Не выдержали нервишки. Сейчас дело прошлое, а тогда встретить я его — туго б ему пришлось. Только не довелось встретиться: мы с Овчинниковым попали в соединение к Шитову, а он был у Медведева.

II

Украинский штаб партизанского движения.

19 августа 1944 г.

№ 1771.

Удостоверение

Выдано тов. Федотову Федору Тимофеевичу в том, что он с 15 мая 1943 года по

5 августа 1944 года состоял в партизанском отряде соединения Шитова в должности врача партизанского отряда.

Выбыл из партизанского отряда при соединении с Красной Армией.

*Нач. отдела кадров
Украинского штаба
партизанского движения
Строкач.*

— Федор Тимофеевич, вот последний журнал «Современная Польша». Тут говорится о сотрудничестве польских и советских партизан на территории Польши. Говорится и о вашем соединении.

— Разрешите!.. — доктор Федотов берет у меня журнал. — Подпоручик Подкова... Знаю: командир отряда Армии Крайовой. Немцы устроили засаду в его фольварке. В том бою тяжело ранили радистку Катю Алексееву. Отправлять на большую землю ее было нельзя: она одна знала код радиосвязи с центром. Сделал ей операцию в полевых условиях. Удачно.

Полковник Борис Шангин командовал нашим соединением в сорок четвертом. Вывел нас из тройного кольца власовцев и эсэсовцев...

Доктор Федотов достал карту.

— Вот здесь взорвали мост через Вислу. А здесь у немцев был завод самолетов-снарядов. Мы до него добирались, но немного опоздали: немцы успели эвакуировать завод. Здесь немцы испытывали на нашем отряде новые рассеивающиеся бомбы...

Как я уже говорил, в сорок третьем году мы с Овчинниковым попали в армию Ковпака, к Шитову. Соединение состояло из трех отрядов. В каждом, примерно, — по пятьсот человек, но набиралось и до двенадцати тысяч. На всех — три врача. Два хирурга и ветеринар. Меня назначили старшим. Инструментов не хватало, даже самых необходимых. Приходит ко мне Сахно, ветврач, говорит: «Тут рядом, в селе, есть койка-какой инструментишко. Ребят одних не пошлешь — принесут не то, что надо. А немцев там, вроде, нет. Прокатимся?»

Поехали втроем. Сахно, я и мой вестовой Максим Таранович. Подкатываем к крайней избе — из окон стрельба. Вот черт, думаем, немцы! Но, видно, немного их. Стреляют только из одного дома и наружу не высовываются. Мы дали из автоматов по окнам, бросились к дверям. Двери были открыты. Но только сунул я в дом, как тут же провалился в погреб. Хорошо, что сзади вестовой подоспел. Оказалось, в деревне были бандеровцы. Так состоялось мое партизанское крещение.

Потом участвовал и в настоящих делах. И всегда Максим был рядом со мной. Однажды и пулю мою на себя принял. Ворвались мы в село. Подбегаем к дому, из дверей навстречу немец. Здоровенный эсэсовец с автоматом. Еле успел я в него выстрелить из маузера. И тут Максим как двинет меня в плечо. Я отшатнулся в сторону, а он повалился. Оказывается, из дверей в меня другой немец целил, а я его не видел. К счастью, рана Максима была не смертельной, удалось мне его выводить.

Среди боевых наград Федора Тимофеевича — медаль «За отвагу» и орден «Отечественной войны» обеих степеней.

Ф. Т. Федотов. 1967 г. Пермь.

— Осенью сорок третьего мы получили приказ взорвать железнодорожный мост через Вислу. Немцы перебрасывали по нему подкрепления, готовясь огрызнуть наступление наших войск на Киев. Охранялся этот мост четырьмя железобетонными дотами. Подходы к нему день и ночь патрулировались. Трава и кустарник на километр по обе стороны полотна были выкошены. Как тут взорвешь? Придумали. Стачили с другой ветки, что проходила в семидесяти километрах от моста, ручную дрезину. Перенесли на руках через болота. Погрузили на нее сто килограммов тола. К взрывателю приделали длинный шест, вроде мачты, с крюком на конце. На дрезину сели два партизана в немецкой форме. Разогнали под уклон к мосту и метрах в трехстах от него спрыгнули. Пока охрана разобралась, что к чему, шест зацепился крюком за верхнюю поперечную балку моста, потянул взрыватель. Вы понимаете, что такое сто килограммов тола?! На две недели вывели мост из строя. А наши тем временем взяли Киев.

Сразу же после взрыва немцы подогнали к мосту два бронепоезда и чуть не весь лес выкорчевали снарядами. Только нас-то там уже не было. Ни одного человека мы не потеряли.

Впрочем, участие в таких операциях для меня было не основной работой, а, так сказать, сверхурочной. Обычно занимался я тем же, чем занимался всякий врач: лечил, оперировал. Правда, условия несколько отличались от обычных. Оперировать случалось и в землянках, и под открытым небом, среди болот, на столе, сколоченном из жердей. Тяжелораненых приходилось отправлять самолетами на большую землю.

На скудость врачебной практики жаловаться не было оснований. Это только один взрыв моста обошелся без жертв. А вообще-то... В одном лишь бою под Боровцом в июне сорок четвертого мы потеряли несколько тысяч человек ранеными и убитыми. Это когда выходили из тройного кольца окружения.

Лагерь наш бомбили в течение нескольких дней. Пришлось застрелить и закопать всех белых лошадей — очень уж заметны они были с воздуха. Обстреливали нас из орудий и пулеметов. Потом пошли танки.

Связались по радио с центром. Получили приказ — прорываться на восток мелкими группами. Прорвали одно кольцо. Второе — не вышло. Очень уж крепкий был заслон. Очутились меж двух огней. Пробились назад и пошли на север. И там не вышло: потеряли половину убитыми. А на юге — болота, топи. Но делать нечего, решили на свой страх и риск всем соединением идти через болота. Тяжелораненых, которых нельзя было транспортировать, спрятали в селах и хуторах.

Двигались по ночам. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое июня вышли к позициям власовцев. Открыли огонь из всех видов оружия. Второе и третье кольца прорвали с ходу.

Через две недели, собравшись с силами, мы разбили карателей и вернулись за ранеными. В каждом селе на заборах были расклеены плакаты: «Партизанен аллес капут!» Десятки раненых были замучены...

Я листаю истрепанный старый блокнот с разноцветными карандашными записями:

«Июнь 1943 г. Украина. Операция по взрыву электростанции в Ракитиной. Полищук Павлов. Пулевое ранение правого бедра.

Март 44 г. Польша. Ив. Ив. Тишкевич — боец. Пулевое проникающее ранение грудной клетки.

Радистка Катя Алексеева. Польша. 4 апреля 1944 года. Сквозное пулевое ранение грудной клетки...»

Внизу под каждой фамилией приписка: «Возвращен в строй».

Где ты сейчас, Алексеева Катя? Помнишь ли ты того очкастого парня, что спас тебе жизнь в польских болотах?..

В сорок четвертом нас с командиром соединения Сашей Поповым должны были сбросить к югославским партизанам. Я комиссию не прошел. Общая контузия и два ранения. Один осколок до сих пор в себе таскаю. Вроде, как сувенир. А Сашу направили. Там он и погиб, в Югославии...

Из Киева заехал в Емильчино. Поклонился могиле подпольщиков, взятых вместе со мной гестапо. Встретился с Калеником Григорьевичем Лавренчуком. Он и сейчас там живет. На пенсии.

Овчинников тоже жив. Работает хирургом в Марийской АССР. Переписываемся.

Максим Таранович после соединения с армией ушел в регулярные войска. Больше я о нем ничего не слышал.

...В этот вечер дежурство у доктора Федотова было спокойное, и мы проговорили с ним до полуночи. Это был канун шестого ноября 1967 года.

Н. ЗОЛОТУХИН

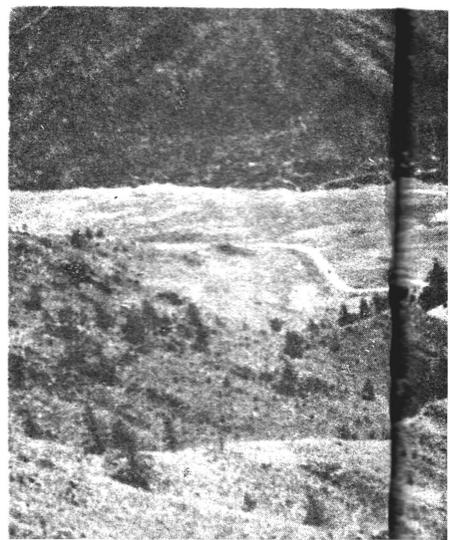
МЕЧТА

Фото П. Евладова

РОДНЫЕ НАПЕВЫ

Фото А. Лесникова

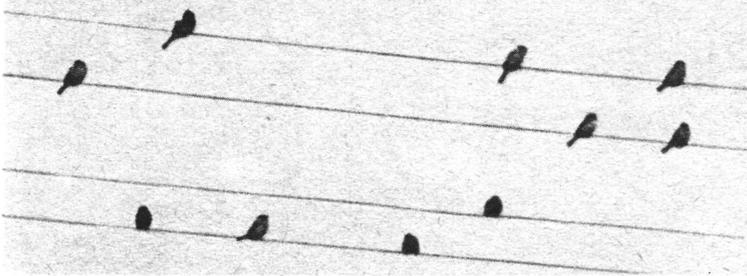

Фото В. Красных

Фото В. Бассеги

А. ЕРЕМИН (Ленинград)

СЕВЕРНАЯ ПРИСТАНЬ

ОЛЕГ ПОСКРЕБЫШЕВ

Солнцеворот

Июнь. Теплынь. Солнцеворот.
Залит лучами огород,
И входит в силу каждый плод,
А колос вверх уже не прет —
Ему звенеть пришел черед.
Солнцеворот — речушки вброд,
Речушки вброд, черника в рот,
Черника в рот, птенцы — на взлет...
Солнцеворот. Солнцеворот.
Солнцеворот — и весь народ
Живет в преддверии забот:
Трава — косе невпроворот,
Скосил — скорей мечи в зарод,
А там и жатва, обмолот...
Солнцеворот. Солнцеворот.
А где же мой солнцеворот?
Возможно, он придет вот-вот,
А может быть, наоборот,
Его не видел я, как крот,—
И лишь заимки у ворот...
Солнцеворот. Солнцеворот!

* * *

Не знаю, на какой из пожен
И кто промолвил другу вслед
Слова такие:
— Он надежен,
Как черный хлеб...

как черный хлеб!

А хлеб — ржаные караван —
Всхож на поду, в замесе крут.
В России цену хлебу знают
И нежно хлебушком зовут!
И счастлив я и растревожен,
Что здесь родился,

рос,

окреп.

Здесь все мне шепчет:

— Будь надежен,

Как черный хлеб...

Как черный хлеб!

ДАЛЬНЯЯ РАЗВЕДКА

Жарким июльским днем к Дому правительства в Ижевске подошли ребята и девушки с рюкзаками. Одеты все одинаково: серые рубашки с погончиками, на рукаве — красная эмблема: скрещенные стволы артиллерийских орудий. Внизу — одно слово: «Ижевск».

— Следопыты, следующие по следам артдивизиона имени Комсомола Удмуртии, к походу готовы!

Старшеклассники 14-й школы давно собирали материал об отдельном 174-м истребительном противотанковом дивизионе, созданном в Удмуртии. Есть у них свой музей, есть клуб «Романтик». Они-то и решили отправиться в большой поход.

На площадь пришли комсомольцы 30-х годов, ветераны Великой Отечественной войны. Среди них майор милиции, бывший командир орудия Иван Михайлович Телятников.

— Очень жалею, что не могу я поехать с вами, ребята,— говорит он.— Служба. Но отправляю своего наводчика Бориса Александровича Рогалева. Он помнит места боев. Прошел с дивизионом весь путь — от Ижевска до Вислы.

Иван Михайлович вручил своему боевому другу планшет с картами военных лет, полевой бинокль, а Коле Зяезу, комиссару похода, — ком-

пас, с которым прошел Телятников по дорогам войны.

— Это все, что у меня осталось от тех лет. Храните эти вещи. Дарю их вашему музею...

Ребятам вручили горсть родной земли. Она взята у памятника жертв революции.

Первые встречи

Поезд еще набирал скорость, а в купе, где разместился штаб, Борис Александрович Рогалев принялся уточнять маршрут. Накануне всю ночь сидел он со своим боевым другом Иваном Телятниковым. Вспоминали они товарищей, к которым можно заехать. В памяти всплывали эпизоды далекой юности, суровые бои, фронтовые дороги... По ним надо было пройти сейчас. И Борис Александро-

вич расставлял на карте кружочки и крестики.

В руках заместителя командира похода Евгения Павловича Дресвянникова, физика 14-й школы, — целая коробка фотографий артдивизионцев. Фамилии многих неизвестны. Может быть, вспомнит Рогалев? Борис Александрович действительно вспомнил многих. Таня Харькова едва успевала записывать.

Ребята с нетерпением ждали встречи с Москвой. И вот перрон вокзала.

В первую очередь мы отправились на Красную площадь, в Кремль. Потом к могиле Неизвестного солдата. Возложили цветы на мраморные плиты. В молчании замерли у вечного огня. А потом Толя Кунгуров и Таня Харькова стояли в почетном карауле.

Вечером мы были у ветеранов дивизиона, живущих в Москве.

Бывший командир роты противотанковых орудий Николай Андреевич Письменный и бывший наводчик Евгений Алексеевич Татаринцев были понастоящему взволнованы.

— Что ж вы раньше о себе не сообщили? — огорчился Евгений Алексеевич. — Да в такой поход и я бы с удовольствием.

Расставались друзьями. Для школьного музея ветераны преподнесли солдатские ложки и «Устав внутренней службы»,

Жив солдат

Василий Гаврилович Борисов живет в Острогжске. Мы знали его по книжке Зубарева «Имени Комсомола Удмуртии». На одной из страниц старший сержант Борисов замер с винтовкой в руке.

Нам было известно, что Василий Гаврилович принял бой с четырьмя танками, потом его ранило, лечился в медсанбате.

И вот этот человек распаивает калитку, по-мужски обнимается с Рогалевым, знакомится с нами. И уже переходит из рук в руки маленькая фотография, где старший сержант Борисов снят с лучшими бойцами дивизиона.

«Твоя Родина в опасности», написано на обороте. — Коварный враг топчет твою землю, увозит в рабство советских людей. Если тебе дорога твоя Родина, твоя жизнь, жизнь свободного советского народа — убей фашистского зверя.

Командир дивизии майор Семченко».

Утром Василий Гаврилович повел гостей по Острогжску. В парке — памятник героям войны. Здесь и рассказал Василий Гаврилович историю своей... гибели.

— Было это в боях за Белоруссию, в районе Гомель—Жлобин. Старшину нашей батареи убило. Меня вызвали в штаб дивизиона и сказали:

— Вот тебе двенадцать машин. Привези снаряды. Утром на нас немцы хотят пустить танки.

— Слушаюся, товарищ командир.

Ехали километров семьдесят от переднего края. Часов в одиннадцать ночи возвращались обратно. Дорога тяжелая. Лес. Фары включать

нельзя. Я — на передней машине, остальные за нами.

Но пока мы ездили, наши отошли километра на два. А мы попали на минное поле. Взрыв — и откинуло меня метров за сорок. Разлетелся в куски грузовик. Остальные машины ушли назад. Лежал я без сознания, видимо, часа полтора. Потом попытался встать, но не смог. Когда подошла группа разведчиков, я попросил доставить меня в штаб дивизиона.

— Немедленно в медсанбат, — приказал командир.

В госпитале лежал долго. Когда подлечили, к своим уже не попал. И случилось так, что считали меня все в дивизионе... погибшим.

В прошлом году приехал я в Ижевск, на слет дивизионцев. Смотрю — Телятников идет. Увидел меня — побледнел. Схватил меня в свои могучие объятия:

— Васька, — говорит, — ты?!

— Я.

— Да как же так?.. Ведь мы тебя сами на брезентовых носилках в грузовик клали. Думали — все.

— А я вот жив...

Василий Гаврилович достал из кармана красноармейскую книжку.

— Два свидетеля со мной были: партбилет и вот эта книжка. Оба — со следами крови. Партбилет обменять пришлось. А вот этот документ все хранил. Возьмите себе в музей. Выдана 2 сентября 1942 года.

Эх, дороги...

Всю ночь у Коротояка, где экспедиция разбила палатки, горел костер. А чуть забрезжил рассвет, Евгений Павлович Дресвянников объявил подъем.

Катер идет до города Георгиу-Деж. К нашим трофеям добавился еще один — ПТР Ижевского производства. По-

явился он ночью. Увидели в Коротояке костер четыре школьника. Пришли к нам:

— Откуда вы? Куда идете?

Рассказали им.

Борис Александрович спросил, не попадалось ли им старое оружие.

— Да как же, попадалось...

И вскоре ребята принесли нам противотанковое ружье.

После Георгиу-Деж и Павловска была Гороховка. Это — удивительное село. Нам показалось, что тянется оно вдоль Дона без конца и края.

Дома добротные, чистые. В центре села — памятник погибшим воинам, в кувшине свежие цветы. На памятнике — 152 фамилии, 152 имени... В братской могиле похоронены те, кто на смерть стояли на берегах Дона.

Мы шли и шли по Гороховке, а Рогалев рассказывал:

— В декабре 1942 года тут проходила линия обороны. Фашисты уже обосновались на правом берегу. Мы хорошо представляли, что согнать их с насиженных мест будет очень трудно. Ширина Дона — метров четыреста. Гора крутая. Мел. Просматривается каждая темная точка.

И вот 16 декабря на зорьке начали наступление. По льду, под сплошным огнем врага, двинулись через Дон. Все три батареи задание выполнили...

Цапково

Оно все утопает в зелени, это село. Воздух напоен ароматом спелых арбузов. И здесь еще видны глубокие шрамы войны. Гитлеровцы дрались свирепо. Одна контратака следовала за другой. Но ничто не могло остановить наступательный порыв наших войск.

Здесь погибла любимица дивизиона, комсомолка из Воткинска санитарка Инна Механшина. Она выносила с пе-

редовой раненых. Одного, другого... Третий оказался очень тяжелым. Остановилась раз, второй. И вдруг...

— Немцы! Немцы! — успела крикнуть Инна и упала.

Схоронили девушку в братской могиле, вместе с комсоргом роты Головиным, сержантом Сарвиным, лейтенантами Емельяновым, Ивановым...

Надпись: «Здесь похоронены 150 воинов, павших в боях за освобождение села Цапково...» Наверху — красноармейская звездочка. У оградки — густая поросль цветов.

Шел парнишкам в ту пору...

Киев. Парк славы. Строгие деревья, прекрасный вид на Днепр и Дарницу... Языки вечного огня у могилы Неизвестного солдата. Здесь состоялась наша встреча с теми, кто воевал в составе артдивизиона имени Комсомола Удмуртии.

Накануне, в день приезда в украинскую столицу, мы обошли квартиры бывших дивизионцев. И, как нарочно, не застали дома ни одного человека. Пришлось оставлять записки.

И вот с нами Михаил Петрович Бурда, Владимир Георгиевич Кулешов, Георгий Николаевич Василевский.

Разными путями оказались они во время войны в далеком уральском городе Воткинске. Работали здесь на заводе, а сердцем стремились к Москве,

к Киеву, где шли самые жестокие бои.

Ходили парни в военкомат, писали заявления:

— Отпустите на фронт.

— А кто же останется на заводе? — слышали в ответ. — Тыл — это тоже фронт...

И вот тогда подал кто-то мысль: в нерабочее время изготовить оружие для артиллерийского дивизиона и скомплектовать дивизион из своих ребят.

И началось... Комсомолки Сарапула взялись вечерами шить одежду для солдат. Колхозы прислали лучших коней. Начали поступать первые карабины и пистолеты с надписью: «Комсомольский артдивизион».

Ребята рвались на фронт. И порой забывалось, что киевскому парню Виталию Ульянову всего только семнадцать, а у Гриши Романюка — слабое зрение.

Комсомольское оружие метко разило врага. В первых же боях заслужил медаль Виталий Ульянов. Был ранен Жора Василевский. Дрались как герои Владимир Кулешов и Петр Иванченко.

Через два года Ульянов за форсирование Днепра получил звание Героя Советского Союза. Произошло это именно в тот день, когда Виталию исполнилось девятнадцать.

Вспоминали друзья событие за событием. Показывали нам старые фотографии. Закончилась война для всех по-разному. Кулешов завершил ее на Дальнем Востоке, Василевский — в Курляндии. Ну, а сейчас Бурда — заместитель директора экспериментальной мебельной фабрики. Кулешов — секретарь партийной организации цеха. Василевский — один из лучших слесарей завода «Арсенал».

Бережно хранят память о дивизионе имени Комсомола Удмуртии на старом «Арсенале». В музее боевой и трудовой славы завода висит карта его боевого пути и указ о на-

граждении орденом Красной Звезды. На заводе учрежден красный вымпел имени комсомольского дивизиона. Вручается молодым рабочим за отличные показатели в труде. Это, пожалуй, лучшая память о героях-фронтовиках.

Горсть земли

Есть во Львовской области город Броды. Ничем особенно не примечательный. Но мы не могли обойти его в своем походе, потому что здесь дивизион принял последний бой на советской территории.

Памятным остался для солдат этот город. Три месяца шли здесь жестокие бои.

У памятника Скорбящей матери в небольшом сквере выстроились два отряда — следопыты Ижевска и представитель комсомолии Бродов.

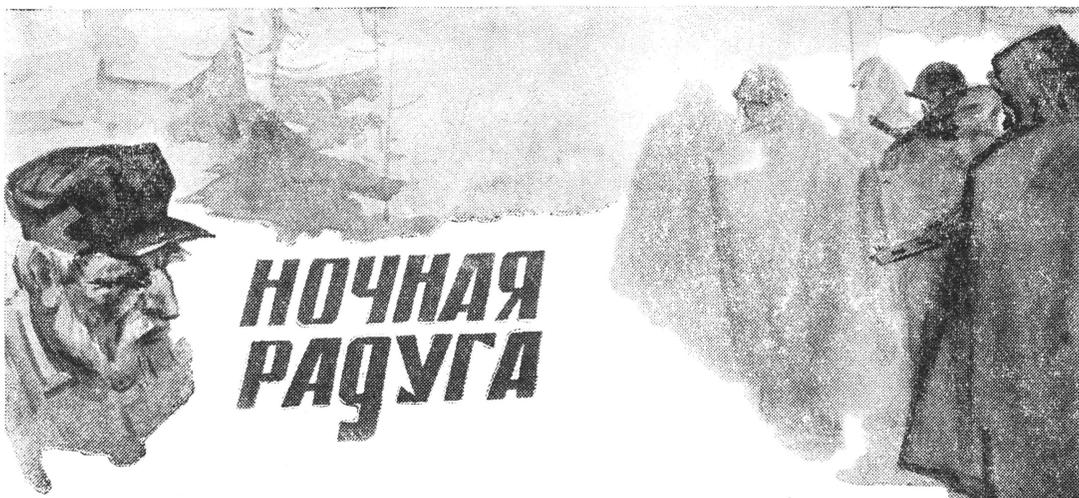
— Отряд, смирно! — раздается команда.

Галя Баранова выходит вперед. В руках у нее снаряд, подаренный комсомольцами киевского «Арсенала».

— В этом снаряде, — говорит она, — хранится священная земля, взятая у ижевского памятника жертвам революции. Мы передаем ее вам, комсомольцы Бродов, как реликвию, от тех, кто в 1944 году освобождал ваш город от фашистской нечисти.

От комсомольцев Бродов ижевцы получили горсть земли, взятой с братской могилы у памятника. Это — в Удмуртию.

СЛЕДОПЫТЫ ИЖЕВСКА

Анатолий СОБОЛЕВ

Рисунки Н. Мооса

Третьи сутки русский лежал без движения. Порою казалось, что он умер, и тогда Харальд испуганно прикладывал к холодной груди ухо и едва улавливал далекий стук сердца.

Тревога поселилась в доме старого рыбака, тревога за жизнь русского, за самих себя. Днем и ночью Харальд и Альма настороженно глядели в окна, вздрагивая, прислушивались к каждому стуку и шороху. А черные запавшие веки русского по-прежнему оставались плотно прикрытыми, и синеватая бледность не сходила с лица.

Когда решили сменить повязки, обнаружили, что рана на ноге сильно нагноилась и внутри ее что-то чернеет. Нога распухла.

Альма растерянно смотрела на отца. Харальд понимал, что рану надо вскрыть, но ведь это должен делать хирург. А где его взять? Но даже, если бы он был! Рус-

ского все равно нельзя никому показывать. И так оставлять тоже нельзя.

Старый рыбак долго колебался и наконец решился. Он подержал на огне кончик острого рыбацкого ножа, тщательно протер его спиртом, коротко взглянул на испуганно застывшую дочь и глубоко вскрыл рану. Из нее хлынули гной и кровь. У юноши не дрогнул ни один мускул — он был без сознания. Харальд выковырял ножом темный металлический предмет. Это была пуля.

Альма обтерла гной, приложила лист алоэ мякотью к ране и прибинтовала.

И Харальд и Альма понимали, что домашними средствами они не спасут русского. Нужны медикаменты, иначе заражение крови.

— Я попробую,— сказала Альма.

Харальд понял, что она попытается достать лекарства в госпитале, где работает. Он знал, что за это могут расстрелять. Немцы строго контролируют медикаменты.

— Смотри,— сказал он.

¹ Окончание. Начало см. в № 6.

На другой же день Альма принесла йод в пузырьке, пакет стерильного бинта и, самое главное, пенициллиновые ампулы со шприцем.

Она сделала раненому уколы в ногу, и Харальд уже не удивлялся ее сноровке и уверенности в этом деле.

Июньскими светлыми ночами Харальд, давно уже страдающий старческой бессонницей, совсем не спал. Он выходил из дому в неясную сонь, в зачарованную тишину белой ночи, глядел в сторону сарайчика, затененного могучими черными соснами, вдыхал привычный смоляной, с примесью морского йода, воздух, который освежал рот, словно родниковая вода, и думал, думал свои длинные старческие думы.

Харальд понимал, что так долго продолжаться не может. Немцы или найдут русского, или... Что означало второе «или», Харальд представлял себе смутно. Он чувствовал одно: возврата к прежней тихой жизни не будет. Ах, как бы он хотел сейчас жить, как жил раньше: никого не касаясь, ничего не зная и заниматься только своим хозяйством. О-о, они жили с Ингер в достатке, у них было крепкое хозяйство. Он рыбачил, и улова хватало и на продажу, и себе. Была корова, аккуратно приносившая каждый год по лобастому теленку, были куры, яйца не переводились. В чулане зимой и летом висел копченый окорок, который так любила Ингер. Они были счастливы. Что надо было еще? Ничего. Они ходили в такие ночи с Ингер за озеро на покос. Под бледным небосводом было приятно идти по лугу, охлаждать росой босые ноги, пить из родника стылую и жгучую, как снег, воду. И все время чувствовать рядом жену, ее дыхание, голос, смех. И хотя ранним-рано надо было снова уходить в море на лов и спать совсем не приводилось, такие луговые ночи были самым счастливым временем его жизни. Все это теперь стало каким-то неправдоподобным, будто приснилось. Правдой, жестокой и неумолимой, было другое. В сарае лежал русский. А за ним незримо стояла смерть в форме немецкого солдата.

Альма была в сарайчике, когда юноша пришел в сознание. Она услышала вздох, быстро подошла, ибо вздох был

не таким, как всегда, и она поняла, что случилось что-то необычное.

Русский лежал в тот день у окна, и на него падал солнечный луч, пробившийся сквозь шатер сосновых веток. Ресницы русского вздрагивали, не раскрываясь, будто ему не хватало сил разомкнуть их. Но в них была жизнь, и Альма замерла в ожидании. Веки напряжились, налились силой—и глаза открылись. Взгляд скользнул поверху, потом по стенам и остановился на ней. Альма впервые увидела, что глаза у русского карие. Она улыбнулась. В глазах юноши появилось недоумение. Он опять повел взглядом вокруг, задерживаясь на каждом предмете, и теперь уже осознанное удивление было в его глазах. На лбу юноши появилась вспоминающая складка, какая-то мысль уже тревожила его, беспокоила.

Альма молчала, давая ему возможность освоиться и совсем придти в себя. Взгляд русского снова остановился на ней. Альма опять улыбнулась. Глаза русского изучали ее. Во взгляде бился вопрос: где он? что с ним? кто она?

— Не бойся, ты у нас,— сказала Альма и подтвердила свои слова улыбкой.

Юноша прислушался к звучанию ее голоса, и тревога появилась на его лице.

— Мы — норвежцы, — сказала Альма. — Норвегия.

Понял русский смысл ее слов или нет, этого Альма не знала, но то, что слова успокоили его, она видела. Он устало и отрешенно прикрыл веки. Альма не стала ему мешать. Он ослаб даже оттого, что поводил глазами и выслушал ее.

Альма побежала в дом за бульсном, который они готовили каждый день, но которого он так еще и не пробовал, подогрела и торопливо вернулась в сарай.

Русский встретил ее тревожным взглядом. Может быть, он уже забыл, что видел ее, или подумал, что она ему привиделась в бреду.

Ласково приговаривая, Альма подняла ему голову и, присев рядом, уложила ее себе на грудь. Стала вливать в рот ложечкой бульон. Он жадно глотал.

— Ешь, ешь,— говорила Альма и кормила его, как ребенка, и у нее замирало сердце.

Она чувствовала тяжесть его головы у себя на груди, слышала едва уловимый запах его волос среди запахов йода, спирта и окровавленных бинтов, и от этого было пугающе радостно и тревожно.

Он поел и закрыл глаза. И мгновенно уснул. Альма осторожно уложила его получше.

Юноша дышал прерывисто, с хрипом и клокотаньем вбирая воздух, стонал. У Альмы разрывалось сердце от его страданий, оттого, что даже во сне боль не покидает его, и все же она была рада, что наконец-то жизнь возвращается к нему.

Альма стояла у изголовья и внимательно рассматривала русского, впервые разглядывала как живого, изучала. Он был черноволос, правая бровь рассечена. Шрам давнишний, может, с детства. Альме вдруг очень захотелось провести пальцем по этому тонкому белому рубцу, наискось разделившему бровь, и она было протянула палец, но тут же отдернула — побоялась спугнуть его сон. А еще ей хотелось смеяться, и она все время улыбалась.

Он проспал четыре часа и открыл глаза, когда в сарайчике были Альма и Харальд. Увидев Альму, юноша не высказал тревоги, но когда взгляд его остановился на Харальде, на лице появилось беспокойство и настороженность.

— Не бойся, ты у нас,— сказал Харальд.

Он ждуще смотрел на старика.

— Москва? — спросил Харальд.

Он не понимал, что говорит ему этот старик, но слово «Москва» понял, хотя странно и незнакомо звучало оно в чужеземных устах. Юноша внимательно изучал старика. Скорее всего, старик — рыбак. Сетей вон сколько повешено! Задубелое от ветра лицо крупно испачкано морщинами, на лбу тяжелая вертикальная складка. Спокойная глубина старческих бесцветных глаз под лохматыми бровями. Рыжая борода, по-норвежски отпущенная только на шее, плохо выскобленный тяжелый подбородок. Охалка таких же, цвета ржавчины, с сильной проседью волос на голове. Одет в свитер из толстой шерсти. А это, видать, дочь его. Руки у нее мягкие и ласковые. Как он попал сюда? Он мучительно напрягал память, но ускользали какие-то смутные отрывочные видения, и он никак не мог вспомнить, что же произошло, почему он здесь?

Альма и Харальд снова осмотрели его раны. На плече рана подсохла, бинт тоже присох. Альма не стала его отрывать. На ноге рана еще гноилась. На ней сменили

повязку, приложили лист алоэ. Когда осматривали эти раны, юноша лежал спокойно, но как только дошли до раны на голове, он застонал сквозь сжатые зубы, тяжело и часто задышал. Как ни старалась Альма осторожно отделить повязку от раны, русский все же потерял сознание. Альма испуганно охнула.

— Ничего, ничего,— успокоил ее Харальд.— Дай нашатырного спирта.

Альма поднесла флакончик с нашатырем. Русский очнулся. Из раны текла кровь. Альма пропитала риванолом бинт и прикрыла им рану. Лицо юноши было без кровинки, на подбородке выступила испарина.

— Покорми его горяченьким,— сказал Харальд.— И пусть уснет. Даст бог, все обойдется.

Альма скормила русскому целую кружку бульона. Дала немножко мягкой распаренной рыбы. Он все съел. И Альма снова радовалась, ее охватило материнское чувство к этому беспомощному сейчас и такому красивому юноше. Она готова была сделать для него все, лишь бы он почувствовал себя лучше, лишь бы отпустили его страдания.

После еды он уснул сразу и надолго.

Альма едва успела бросить в камин окровавленный бинт, как в дом вошел Людвигсен. Отец и дочь замерли.

— Как здоровье, дядя Харальд?— приветливо спросил Людвигсен.

— Слава богу,— выдавил Харальд и не узнал своего голоса.

Людвигсен улыбнулся беззаботно и дружески. Сел на стул, достал портсигар, щелкнул им и предложил Харальду сигарету.

— Закурим, отец.

— Я трубку,— сказал Харальд и вздрагивающими пальцами начал старательно набивать маленькую глиняную трубочку.

Людвигсен размял сигарету, встал и направился к камину, чтобы прикурить. Он сделал стойку, как делают охотничьи собаки, когда чуют дичь. Окровавленный бинт лежал на самом видном месте и еще не горел, а только чуть-чуть курился сильным дымком.

Недобрая тишина придавила дом.

Харальд похолодел. Рука его сама потянулась к ножу на столе.

Людвигсен мгновение обостренно гля-

дел на бинт и тут же перевел взгляд на Альму, стоящую у камина. Альма, не владея бескровными вздрагивающими губами, жалко улыбалась.

— Руку себе порезала.

Она показала Людвигсену действительно порезанную руку, из ладони текла кровь.

— Такая неудача,— посмотрела Альма прямо в глаза Людвигсену.— Чистила рыбу и нож сорвался.

Никакой рыбы она не чистила, когда и чем она успела порезать руку, Харальд не понимал, понял одно: спасены. Он выронил нож на стол и слепыми от пережитого ужаса глазами силился, но не видел выражения лица Людвигсена. Альма достала из шкафчика йод и бинт. Помазала рану йодом, начала перебинто-

вывать, кокетливо улынулась Людвигсену:

— Помог бы.

Людвигсен с готовностью помог ей перевязать руку, а сам все глядел недоумевающим и в то же время нащупывающим взглядом на побледневшее и твердое лицо Альмы.

А Харальд сидел, навалившись грудью на стол, и чувствовал, как бешено колотится сердце, как холодная испарина покрывает тело. Он ужаснулся. Ужаснулся не столько тому, что Людвигсен мог догадаться, откуда бинт в камине, сколько тому, что он, Харальд, смог бы убить Людвигсена. Убить человека! Боже праведный! Такого от себя Харальд никак не ожидал. И от этой мысли, поразившей своей страшной сутью, к горлу подкатила тошнота, и пот, обильный пот, будто разом открылись

все поры тела, хлынул по шее, по спине, мгновенно смочив и прилепив к телу рубашку. Харальд задышался, изнемогал, судорожно вытирал рукавом лицо, а пот заливал глаза.

Людвигсен подсел к столу и, затягиваясь сигаретой, доверительно пожаловался:

— Собачья работенка—искать этого русского. Прочесали все. Как сквозь землю провалился. Кто-то скрывает его или в щель куда заполз подышать. Далеко не мог уйти. В него господин ефрейтор сам стрелял, в упор... Не примечали ничего подозрительного?

— Не до этого нам,— осипшим голосом ответил Харальд.— У меня вон ноги отнялись, из дому не выхожу, а она все время на работе.

Людвигсен согласно кивнул, но взгляд его пестрых глаз был острым.

— Я сказал, что не видел,— раздраженно буркнул Харальд, понимая, что Людвигсен не верит.— И не мое это дело. Это ваше дело, молодое, а я старик, мне скоро помирать.

Людвигсен вдруг простежки улыбнулся и вытащил из куртки фляжку, похлопал ее по боку. Во фляжке булькнуло.

— Шнапс. Выпьем?

— Нездоровится.

— Подлечитесь. — Губ Людвигсена коснулась понимающая улыбка. Когда Альма вышла за закуской, Людвигсен наклонился к Харальду, как к сообщнику: — Немецкое командование повесило приказ: кто найдет русского — три тысячи марок!

Харальд молча пожал плечами, давая понять, что это его не касается.

— А за укрытие — расстрел,— холодно закончил Людвигсен и прямой тонкий нос его налился мертвенной бледностью, резко выделяясь на румянном лице.

Харальд молча затаился табачным дымом.

— Выпьем? — снова предложил Людвигсен.

«Много не буду»,— подумал Харальд, чувствуя томительно-подсасывающее желание выпить.

Через два дня русскому стало легче.

Он проснулся утром и легко вздохнул. С живым интересом огляделся. Взгляд его был ясным.

Альма накормила юношу досыта. Кормила и радовалась, что он много и охотно ест.

— Давай знакомиться,— улыбнулась она, когда он наелся. Показала на себя пальцем: — Альма. А тебя как зовут?

Она показала пальцем на него.

Он понял, ответно улыбнулся и произнес хрипловатым от долгого молчания голосом:

— Ваня.

Альма впервые услышала его голос, он был странен и чужд.

— Ва-я-й-на, — неумело повторила она по слогам.— Вьяна.

И вдруг обрадованно улыбнулась, быстро повторила весело:

— Вьяно!

Она нашла созвучное имя на своем языке, и ей это очень понравилось. Она смеялась, повторяя:

— Вьяно, Вьяно.

И получалось это у нее напевно, мягко, отчего в сердце Вани пропадала тревога.

— Мо-оск-вя? — спросила она, растягивая слово.

— Москва,— улыбнулся он.

Она внимательно прислушалась к его голосу и песенно повторила: — Москва. Вьяно.

Альма сияла, говорила, что все будет хорошо, что теперь он выздоровеет, уж она постарается. Говорила быстро, доверительно, а сама все поправляла его постель, убирала посуду, переставляла с места на место пузырьки с лекарством. Ваня не понимал, но чувствовал, что говорит она что-то хорошее, обнадеживающее, и ему было приятно слышать ее напевный мягкий голос, ощущать легкое и заботливое прикосновение ее пальцев, видеть гибкие, плавно-неторопливые, но спорые движения, и сердце его наполнялось теплотой и благодарностью.

Альме надо было уходить на работу, и она говорила, чтобы он спокойно лежал и спал, ему надо много спать, есть и спать, и не волноваться.

Помахала рукой, ушла.

Ваня слышал звук удаляющихся шагов, а сам уже вспоминал, мучительно вспоминал, что же произошло с ним после того, как заматерился Олег, открыв огонь по расплывчатым теням немцев.

Взгляд Вани, не задерживаясь, скользил по предметам уже знакомым в сарайчике, как вдруг остановился на ноже, остром рыбацком ноже, воткнутом в стену. «Нож, финка!»—как молнией прорезало память.

И все стало на свое место.

...Он лез все выше и выше, обдирая об острые выступы одежду, руки, и трясся от напряжения и страха. Сапоги скользили, и раза два он чуть не сорвался. Он прижимался к холодному граниту и боялся смотреть вниз, где зияла туманная пропасть, грохочущая боем.

Добравшись до площадки, где можно было встать и освободить руки, он скинул сапоги и бросил их вниз. Падения не слышал.

Надо было торопиться. Туман, поднимаясь кверху, догонял его. Серая мельчайшая пыльца оседала на гранит, покрывая его мокрой пленкой. Если туман догонит, то Ване не выбраться по скользкой стене.

Без сапог лезть было легче, и Ваня уже видел край ущелья. Но когда до верха осталось совсем немного, с высоты человеческого роста, он понял, что дальше ему не взобраться: до самого верха шла совершенно гладкая гранитная стена без единого выступа. На самом краю росла карликовая березка, свесив ветки навстречу Ване, но до них было не достать.

Ваня стоял на маленьком уступике, прижимаясь всем телом к холодной стене. Уступик осыпался каменным крошевом вниз, и Ваня понимал, что долго на нем не удержаться. Он еще и еще ощупывал взглядом гладкую стену, но на ней были только трещины в палец толщиной. Уходили силы, уходила решимость, отчаяние овладевало Ваней. Цепляясь взглядом за близкие звезды, холодел от мысли, что еще немного — и уступ, на котором он держится, осыплется и тогда...

Прижимаясь к скале, чувствовал, как что-то мешает ему справа у пояса. В мутнеющее сознание не сразу пришла догадка, что это нож. «Финка!» — вдруг осенило его.

Он осторожно опустил по стене правую руку к поясу и вытащил финку из ножен. Выбрав щель в стене, вонзил в нее со всей силой финку по самую рукоять. И тут же ноги его оскользнулись, но он удержался на финке. На рукоятке он и подтянулся, упираясь израненными бо-сыми ногами в гладкую стенку. Собравшись с силами, стремительно выбросил левую руку вверх и схватился за корявый тонкий ствол березки. Сухой острый сучок вошел в ладонь. Ваня чувствовал, как рвется кожа и как входит в мякоть острое, но боли не слышал. Он схватился за ствол и правой рукой. Ногой нащупал рукоять финки и встал на нее. Затем уперся подбородком в камень на самом краю обрыва, с отчаянным усилием подтянулся и свалился рядом с березкой. Задыхаясь, захлеб всасывал воздух. Больно и удушливо где-то в горле билось сердце, голова кружилась, и он на миг потерял сознание...

Когда оторвал голову от земли, ему показалось, что лежит он на краю облака; все ущелье доверху наполнилось молочной мглой. На фоне слабо серого неба расплывчато чернели кусты.

Ваня прислушался. И здесь, на вершине, и там, в ущелье, стояла гробовая тишь.

Все кончено.

Ваня зарыдал.

Когда он поднял голову, перед ним стоял немец. Солдат вырисовывался на фоне тусклого неба огромной черной глыбой — таким большим он показался Ване с земли.

Какое-то время они парализованно смотрели друг на друга.

— Ауф! — испуганно пролаял немец и вскинул автомат.

Острый холодок страха вошел в сердце, но голова осталась трезвой и ясной. Ваня стал подниматься, лихорадочно соображая, что делать. В кармане у него пистолет. Сейчас, как только встанет, так выхватит его.

— Хенде хох! — приказал немец, когда Ваня был еще на коленях.

Ваня поднял руки, выпрямился. Они стояли лицом к лицу и прикованно глядели друг на друга. «Или я его, или он меня. Или я, или он!» Ваня вспомнил, как лейтенант учил выбивать оружие из рук врага. Так и не опуская своих поднятых рук, Ваня точным и сильным ударом ноги пнул немцу в пах и тут же, выхватив пистолет из кармана, выстрелил. Немец с утробным вскриком всосал воздух и переломился надвое.

И в этот же миг страшный удар обрушился на Ваню сзади. Ему показалось, что череп брызнул осколками, и Ваня полетел в черную, мучительно больную пустоту, и прежде чем потерял сознание окончательно, почувствовал, как тупо ударило в ногу и плечо...

Больше Ваня ничего не помнил.

Он не помнил, как полуочнувшись среди ночи, пополз. Инстинкт самосохранения заставил его покинуть место, где он был почти убит. Он полз сквозь кровавый зыбкий туман и сознание то возникало, то обрывалось, он то лежал, мертво ткнувшись лицом в землю, то полз, не чувствуя, что ползет, не понимая, что делает...

Плечо зарубцевалось, нога тоже заживала. Плохо было только с головой. Рана начала гноиться.

Харальду снова пришлось стать хирургом. Сначала он остриг волосы вокруг раны, а потом вскрыл гнойник уже проверенным методом. Когда гной и кровь вытекли, Альма засыпала рану стрептоцидом, который достала, наконец, в госпитале. Наложила повязку. Ваня не издал

ни звука, только побледнел, да испарина высыпала на лице.

Он теперь целыми днями лежал у стены под створчатым окном, откуда лился солнечный свет и приятно грел лицо.

До Вани доносились звуки внешнего мира. За стеной грузно топтался Харальд и рубил чурбак. Чурки разлетались по сторонам, стучались о стену и с приглушенным шорохом падали в траву. Альма что-то говорила отцу, смеялась коротко и счастливо, слышался легкий стук чурочек, складываемых в охапку на руки, и невесомые летящие шаги Альмы затихали в стороне дома.

Ваня был благодарен этим людям, ему было хорошо у них, но все больше и больше начала беспокоить мысль о возвращении в часть, о том, что он должен предстать перед командованием и доложить о результатах разведки. Мучила мысль о потерянном пакете. Он уже несколько раз спрашивал о нем и у Альмы и у Харальда, они или не понимали толком, о чем идет речь, или действительно в его карманах ничего не нашли. Он или выронил пакет, когда лез по ущелью, или его вытащили немцы, когда чуть не ухлопали на вершине. Если немцы, то Ване совершенно необходимо самому доложить обо всем, что видел во время разведки. Скорее бы встать!

Ваня понимал, что он еще беспомощен, что надо лежать и набираться сил, ждать, когда заживут раны. Но ждать становилось все труднее, и он с каждым днем все нетерпеливее прислушивался к болям в ранах, все больше хотел встать и попробовать свои силы.

Однажды, когда рядом никого не было, он поднялся со своего ложа и постоял, ощущая легкое головокружение, и неуверенно улыбался самому себе, что вот поднялся, что уже может стоять. Немело, как на ходулях в детстве, сделал первый шаг, потом второй. В раненой ноге отдавалось, рана загудела, в ней закололо иголками. Заскрипела дверь, Ваня испуганно и резко оглянулся, ногу прострелило пронзительной болью, и перед глазами все поплыло...

Очнулся он от встревоженного шепота. Альма держала его обеими руками, прижимая к себе и подставив свое плечо для поддержки. Он слабо и извинительно улыбнулся. У него кружилась голова и к горлу подкатывала тошнота. Альма что-то говорила успокаивающим голосом и ле-

гонько вела его к постели. Помогла лечь. Гладила по волосам, а сама все говорила и говорила что-то одобрительное и все улыбалась милой, теплой улыбкой. Ваня, подчиняясь возникшему порыву нежности и благодарности, взял ее руку и поцеловал. Альма вспыхнула, замерла, посмотрела длинным вопрошающим взглядом. Вдруг она протянула руку и легонько провела пальцем по шраму на брови у Вани, смущенно и тихо засмеялась и убежала. Ваня смотрел ей вслед и улыбка не сходила с его губ.

Прошло несколько дней.

Альма и Ваня были охвачены той чуткой теплотой друг к другу, тем счастливым праздничным чувством, которые возникают при внезапном обоюдном и радостном влечении. Теперь у них была тайна, и они были объединены этой сладкой тайной, были счастливыми и немного ошалевшими от счастья заговорщиками. Теперь каждый взгляд, каждый жест были полны потаенного значения и смысла. Альма носилась, как на крыльях, и все время напевала. Харальд с молчаливым удивлением наблюдал за ней. Но однажды он увидел, как Альма и Вяйно смотрели друг на друга, и потемнел лицом. Он был ошеломлен.

Оставшись с Альмой дома наедине, спросил не предвещавшим добра тоном:

— И давно это?

— Что? — ясно взглянула на отца Альма, хотя отлично поняла все сразу.

— Он русский.

Альма промолчала.

— Он встанет на ноги и уйдет. Ты это понимаешь?

Альма, всегда тихая и уважительно-покорная перед отцом, на этот раз вся напряглась и окаменела. И Харальд взорвался. Он кричал, что не позволит в своем доме распорядиться какой-то соплячке, у которой не все в порядке в голове. Вне себя он топал ногами. Впервые в жизни ударил дочь по лицу и сам испугался этого.

Альма молчала, серые губы ее вздрагивали. И Харальд вдруг увидел, что перед ним стоит не девчонка, какой он привык видеть дочь, а взрослая семнадцатилетняя девушка.

— Он же русский, он уйдет к своим, — повторил Харальд бесцветным голосом. — Он обязан...

Встретив твердый взгляд дочери, остановился на полуслове, будто наткнулся на что-то непреодолимое, и замолчал. Понял, что тут он бессилён.

Харальд сидел перед камином, смотрел на языки огня и думал о том, что Ингер сумела бы отговорить Альму. Они нашли бы общий язык. Ингер тоже была упряма. Альма в нее. И такая же красивая, русоволосая и синеглазая. Боже праведный, как быстро летит время! Альма уже взрослая. А давно ли сама Ингер была такой же. Ингер вышла за него вопреки воле родителей. Он на лодке подплыл к тому берегу фиорда, где жила Ингер, и тайно увез ее. Увез без всякого приданого, и свадьбы не было, ибо никто бы не захотел идти на свадьбу тех, кто обманул родителей. Да разве стал бы Харальд противиться, если бы Вяйно был норвежцем! Харальд знает, что такое любовь. И парень Вяйно работающий, руки у него умелые. Сегодня с ним чинили сеть. Харальд все присматривался. У Вяйно были по-мальчишески оттопыренные уши и худая шея. Он совсем не похож на Эдварда. Сын был белокурый, Вяйно — черный. Но все равно что-то есть у них общее, наверно худоба, порывистость и неточность мальчишеских движений. Когда Вяйно наколот палец рыбацкой иглой и стал сосать его, у Харальда дрогнуло сердце: вот так же всегда делал Эдвард. Деловой парень Вяйно, от работы не бежит. От такого зятя он не отказался бы. А что дети часто поступают против воли родителей, так это испокон веков так. Разве Ингер по воле родителей поступила? Они ушли тогда из поселка вот сюда, на вершину сопки, выстроили домик, покрасили его в красный цвет, и свое гнездо Харальд видел далеко с фиорда, когда возвращался с моря. Домик, как красное яблочко, светился среди зелени; зимой же — среди снегов — был еще заметнее и наряднее. Знакомые из поселка сперва не ходили к ним, а потом все забылось, улеглось, и поселяне зачастили. Завидовали, что они так хорошо живут. Недолго длилось это счастье...

Альма расцвела, поет, глаза счастливые. Счастье у нее, а того не понимает, что короткое оно, счастье это, ворованное. У кого только ворованное — неизвестно. У войны ли, у себя ли?

Внезапно Харальд вспомнил прошлый

приход Людвигсена. Людвигсен что-то заподозрил, долго сидел тогда. Пил шнапс и Харальду подливал. А сам все говорил, какую награду обещают немцы, и все щупал взглядом, стремился заглянуть в глаза. Вяйно надо отправлять отсюда. Это выход для всех: и для Альмы, и для Харальда, и для самого Вяйно в первую очередь. Завтра же Харальд сходит в поселок и переговорит с друзьями-рыбаками. Они помогут переправить Вяйно на ту сторону...

А Ваня лежал в своем укрытии и тоже думал. Они совсем как русские, Альма и Харальд, только язык другой. Хотя и березы растут, и сосны, как на Алтае. Только лето прохладнее, и ночи светлее. На Алтае лето жаркое, небо — бездонная голубизна. Здесь же небо низко прижато к горизонту. На Алтае озера синие, теплые, а тут вода стылая, серая, с металлическим отливом. Этот серый цвет то светлеет и растворяется в небе, то сгущается до свинцового в воде, то темнеет и становится зловещим и напряженным в скалах. Ваня любил свой Алтай. Любил лето, когда степь оживает людьми, стуком комбайнов и напряженным гудением тракторов. Но больше всего любил покос. Еще задолго до косьбы деревенские мальчишки только об этом и говорили, все собирались в свои знакомые места, где знали всякий кустик, каждое гнездо, где были облюбованы берега для рыбалки. На покосе их ждали кони, на которых они с гиканьем и разбойничьим свистом носились на водопой, ждали заросли смородины и кислицы у тенистых речных берегов, ждали поляны, богатые клубникой. Ребята избегались по степи до такой худобы, что ребра просвечивали сквозь почерневшую, сползающую от солнца кожу. И как же было хорошо после жаркого дня выкупаться в парной озерной воде и долго глядеть в степь, видеть, как угасает закатное небо, слушать, как бьют перепела в высоком духмяном разнотравье: «Спать пора, спать пора!» А у них здесь Ваня что-то ни разу не слышивал перепелок. Поди, и не водятся. Птиц тут много, но все чайки, бакланы, гаги. И такой гвалт на скалах, что и впрямь — птичий базар. А там!..

«Спать пора, спать пора!» А спать не хочется. Ребята льнут к костру, где поют девки и играет гармошка. Так бы и сидел до утра, слушал бы разговоры мужиков о сене, о погоде, о земле. А то еще заве-

дет кто-нибудь о ведьмах и водяных. И верили, дрожали, боялись от костра отлучиться по надобности...

Приступ острой и сладкой грусти о недавнем детстве, об огромной, залитой солнцем родной степи охватил Ваню. Говорят: родина. Что такое родина? Может, это и есть родина: степь, березы, стога сена, полынный ветер и перепелиный бой в траве.

Ваня вспомнил, как любил ходить на рыбалку. Истаивает, бледнеет тонкий серебристый серпик луны на едва голубеющем предрассветном небе, а он идет к реке, которая белеет туманом, идет мимо спящих домов по прохладной дорожной пыли. А потом сидит у знобкой воды и слушает, как тишина полна шорохов, невнятных звуков, бормотанья и всплесков. Туман поднимается все выше, бесшумно оголяя темную гладь воды и мутно темнеющие деревья.

А сверху, сквозь розовато-желтую пелену, уже пробивается большое оранжевое солнце и в прибрежных кустах сухо скрипит коростель.

Росистое, ясное, наступает утро. Предельно чистыми звуками заводит где-то счет кукушка. И Ваня, забыв про поплавок, считает, сколько же он проживет. Кукушка щедра и, перелетая все дальше и дальше, все затихая, продолжает отсчитывать года, и Ваня уже сбивается со счета, но знает, что жить будет долго, очень долго и жизнь прекрасна...

Ваня считает вслед за кукушкой, не тот Ваня, мальчишка, а этот, разведчик, и погружается в сон все более глубокий и оздоравливающий.

Прошла еще неделя.

Ваня поправлялся. Он все время с нетерпением ждал прихода Альмы, еще издали улавливая легкий шелестящий звук ее шагов. Затаив дыхание, ждал, когда она, звякнув замком, откроет дверь и вместе с солнечным потоком вырастет на пороге, быстро и спрашивающе обежит радостно-смущенными глазами его самого и все вокруг него и, удостоверившись, что все в порядке, скажет что-то сдержанно-звонким голосом и мягко, ласково проведет рукой по его лицу, задержит чуткие пальцы в волосах, перебирая их. И он задохнется от нахлынувшего чувства нежности и благодарности.

Ваня уже мог ходить и, тренируясь,

ходил подолгу из угла в угол сарайчика под ее тревожным и радостным взглядом. А однажды, хорошо зная, что немцы в это время не патрулируют, она вывела его из сарайчика и они пошли по росистой траве, оставляя дымчатый, темный след.

Альма привела его на озеро, в сокровенное место, где тихими вечерами любила мечтать в ожидании сказочного принца. Маленькая светлая чаша воды с серебристой дымкой у самой поверхности была обрамлена невысокими скалами в зарослях вереска. Бессильного цвета вода была тиха и таинственна, загадочно хранили безмолвие скалы. Призрачная, будто нереальная белая ночь была полна удивительной тишины и первозданного покоя. И чудилось, что в слабом рассеянном свете таких ночей выходят из заколдованного озера русалки и, заплетая длинные косы, тихо поют о жемчужном подводном царстве.

На Алтае Ваня привык к буйству и густоте красок, к резким переменам цвета, к четким формам, а здесь все было мягко, расплывчато, на полутонах, и от этого нереально и сказочно, и сердце замирало перед этой необыкновенной красотой.

Альма и Ваня зачарованно молчали и смотрели, смотрели на земную красоту, забыв о войне, об опасности, которой они подвергаются сейчас. Полные особой светлости и чистоты, боясь расплескать то прекрасное чувство, которое овладело ими сейчас, они перевели взгляд друг на друга и Ваня увидел побледневшее Альмы с огромными мерцающими глазами. И он поцеловал ее, поцеловал осторожно и легко, как целуют самое дорогое и заветное в жизни. Альма прижала его руку к своей груди и что-то сказала едва слышно. И Ваня понял ее. О любви на всех языках говорят одинаково.

Они держались за руки, как дети, и стояли в просветленной оцепенелости, полные звонкой светлости и тихого счастья. И Ваня видел в серо-синих глазах Альмы отблеск бледных северных звезд, их чистоту и загадочность. И Альма не закрывала глаз, не гасила звезд.

Потом они пили из родника, который бил из скалы. Они пили, прикасаясь губами к струе, смотрели друг на друга и смеялись глазами. Они задерживали воду во рту, словно холодный диковинный плод, и глотали, с невыразимой сладо-

стью охлаждая гортань. И снова набирали воду в рот и прикасались губами друг к другу и были счастливы. Они пили щедрую, никогда неиссякаемую светлую кровь земли, и такого счастья у Вани не было в жизни ни до этого, ни после.

Они забыли о том, что есть на свете война, страдания, боль и смерть. Затаив дыхание, смотрели они на земную красоту, на то, что дано человеку от рождения, что должно быть с ним каждый день, каждую ночь, каждый час, всю жизнь.

30 Шла война, горели и рушились города, умирали в страданиях люди, планета, залитая кровью, корчилась в муках, а они

были счастливы. И чуткая огромная светлая ночь пела для них, и звезды пели, и призрачная даль пела, и руки их пели.

Они были люди. Они были дети земли. И у них была любовь. А разве может быть на свете что-нибудь сильнее, чище и непобедимее человеческой любви.

Наступил август.

Однажды Ваня стоял у окна и смотрел в щель ставни, как вдруг увидел нескладного и голенастого парня. Он видел его впервые и не знал, что это Людвигсен. Людвигсен шел к дому. В доме никого не было. Альма с утра ушла на работу, а Харальд вскоре направился в сторону рыбацкого поселка.

Людвигсен подошел к дому, постоял, настороженно и внимательно оглядываясь, и вошел в дверь. Это Ваню не удивило, он знал, что дома здесь не запираются. Да и кто тут будет воровать? Народу мало, все знают друг друга с пеленок.

Людвигсен довольно долго был в доме. Потом он появился на крыльце и полез на чердак по наружной лестнице. Вернувшись с чердака, он спустился в погреб, и Ваня понял, что этот голенастый что-то ищет. А если не что-то, а кого-то? — кольнула тревожная мысль. А Людвигсен тем временем направился к сарайчику.

Ваня, затаив дыхание, наблюдал в щель. Он слышал, как Людвигсен потрогал замок, потоптался у дверей и тихо направился к окну. «Если вздумает забраться в окно...» — Ваня взял в руку рыбацкий нож, прижался к стене сбоку.

Людвигсен легонько потрогал ставню, и все стихло. Ваня ждал. Сердце напряженно ухало в груди.

Тихо. Ваня прислушался, не понимая, куда делся этот голенастый. Вроде, ушел. Ваня не слышал этого, но ему показалось, что ушел, и он пододвинулся к окну и заглянул в щель. И в ту же секунду встретился с глазами Людвигсена. Оба замер-

ли и какое-то мгновение прикованно смотрели в глубину глаз друг другу. Ваня отшатнулся. Услышал, как зашуршали шаги под окном.

Когда он снова заглянул в щель, то увидел, что голенастый торопливо покидает двор Харальда. Неужели догадался! — лихорадочно билась мысль. — Надо уходить, немедленно уходить! Но как? Ни Альмы, ни Харальда. Заперт на замок. В окно? Нет, нельзя. А вдруг этот долговязый ничего не заметил или усомнился и, чтобы удостовериться, наблюдает сейчас откуда-нибудь. А если уже побежал за немцами?

Ваня лихорадочно соображал, что делать, как увидел, что разбитой походкой возвращается Харальд. Ваня тихо окликнул его.

Когда Харальд отпер сарайчик и вошел, Ваня стал говорить и показывать жестами, что ему, Ване, надо немедленно уходить отсюда, что приходил какой-то длинный и тощий и везде шарился.

Слушая торопливую и тревожную речь Вяйно, Харальд проникался тревогой русского. Сначала он не понимал, что так взволновало его, но когда тот жестами описал Людвигсена, Харальд сообразил: дело плохо. Харальд и раньше подумывал о том, что Людвигсену, пожалуй, закралось подозрение в сердце, когда он увидел бинты в камине. Но после того случая Людвигсен долго не приходил, уезжал куда-то с немцами. А теперь появился и приходил проверять. Значит, подозревает. Вяйно надо уводить. В поселке Харальд уже договорился со своими друзьями насчет него. Правда, договаривался совсем по другим причинам: чтобы побыстрее разлучить его с Альмой, а тут вон как все обернулось.

Альма пила из родника, из которого они пили по ночам с Вяйно, улыбалась и думала о нем. Вдруг она почувствовала на себе чей-то взгляд. Она оглянулась, еще не погасив счастливого блеска глаз, и вздрогнула. Перед ней, бесшумно, позерину, выскользнув из-за скалы, возник Людвигсен.

— Кто там у вас? — спросил он.

— Где? — сразу же поняла она, о чем идет речь.

— В сарае.

Альма побледнела, чувствуя, как подкашиваются ноги.

— Никого нет, — выдавила она под острым и все понимающим взглядом Людвигсена.

— Я сам видел, не отпирайся.

— Тебе показалось, никого там нет, — слабо защищалась она.

— Это русский! Тот, кого ищут! — Пестрые глаза Людвигсена сузились, недобро повеселели.

— Никого там нет. — Альма собралась с духом и попыталась перевести разговор на другую тему: — Ты почему вчера не приходил, опять дежурил?

— Бесполезно, — усмехнулся Людвигсен, давая понять, что напрасно пытается она уйти от серьезного разговора.

Альма поняла это.

— Его расстреляют, — умоляюще сложила она руки.

— И тебя, — жестко досказал Людвигсен.

Об этом она меньше всего думала и мотнула головой, будто отмахиваясь от лишних, ненужных слов.

— Сделай вид, что ничего не знаешь. Что тебе стоит! Его уже скоро не будет.

— Не будет? — прищурился Людвигсен. — Что-то прикинув в уме и помолчав, вкрадчиво сказал: — Ладно... если... согласишься...

Альма отшатнулась.

— Нет, никогда! Нет!

— Тогда его расстреляют, — спокойно и холодно сказал Людвигсен. — И отца тоже.

Альма помертвела, огромными глазами смотрела на Людвигсена.

— Подумай, — убедительно и даже сочувственно сказал он. — Завтра вечером придешь сюда. А не придешь...

Домой она бежала, не видя ничего, и сердце готово было выскочить из груди. Ее встретил отец.

— Ты что? — встревоженно спросил он.

— Людвигсен видел Вяйно! — выпалила она, едва переводя дыхание.

— Знаю.

— Надо спасать!

— Знаю.

Твердыми пальцами он набил трубочку. Испытующе взглянул на дочь.

— Что еще говорит?

— Говорит, что может и выдать, — тихо сказала Альма, и щеки ее заалели.

Харальд понимающе кивнул.

— Сколько дал времени?

— Завтра вечером у ручья.

— Хорошо, дочка, — облегченно вздохнул Харальд. — Времени еще много.

— Как много! — воскликнула Альма, недоуменно глядя на отца.

— Много, — твердо сказал Харальд и положил руку на плечо дочери. — Не волнуйся, я все сделаю. Иди к Вяйно.

Белые северные ночи кончились, и теперь от вечерней до утренней зари стоял над землею плотный сумрак.

Они пришли на озеро, пришли в последний раз. Низко тянулись короткие тучи, то заслоняя, то обнажая глубокий омут неба, где плавали слабо мерцающие звезды и недавно прорезавшаяся луна. На спокойную гладь озера падал тускло-серебристый отблеск.

Альма смотрела на звезды и страстно, всем сердцем хотела, чтобы упала из них хоть одна. Когда падает звезда, надо только успеть загадать желание, и оно исполнится. Но звезды не падали. Альма показала на самую большую и зеленую, светившую ярче всех.

— Там, где ты родился, там, куда уйдешь, там видно Полярную звезду?

— Видно, — понял Ваня.

— Я буду глядеть на нее здесь, а ты там, и мы будем думать друг о друге. Да?

— Да, — одним дыханием ответил он.

Альма провела пальцем по белому рубчику на его брови.

— Твои глаза как звезды, — тихо сказала она и, привстав на цыпочки, поцеловала их легко и отрешенно.

— И твои, — сказал он.

— Они лучше звезд.

— И у тебя.

Заморосил дождь. Они спрятались под навес скалы. Ваня обнял Альму, она доверчиво положила голову ему на грудь и они замерли, боясь расплескать то прекрасное, неповторимое чувство благодарной нежности и родства, которое охватило их.

Дождь расходился все сильнее, ровно шумел по траве, по кустам, по озеру. Сплошная серая стена воды отгородила их от мира, от всего, что есть на земле. И они стояли, прижавшись друг к другу, слушали радостно-смятенный стук сердца, стояли в светлой и грустной оцепенелости, полные тихой нежности, чистоты и надежды. Беззащитные дети земли, они могли так простоять вечность, лишь

бы быть рядом, чувствовать тепло и жизнь друг друга.

Дождь перестал так же внезапно, как и начался. Мерный шум стих, пахнуло свежестью, и вдруг откуда-то сверху ударил непонятный свет и все озарилось вокруг. Заблестели обильно омытые водой скалы, засверкало озеро, блеклый отсвет лег на траву и листья.

Ваня выглянул из укрытия и замер в восхищении. Над озером сияла радуга. Но совсем не такая, какие привык он видеть на Алтае, — радуги-семицветки, размашистые, от края до края неоглядной степи. Эта радуга была невелика, крута и упруго опрокинута только над озером. Она источала сильный ровный матово-серебристый свет, и лишь концы ее, не касаясь земли, расплывчато исчезали в синеватой дымке.

Альма и Ваня, затаив дыхание, боясь спугнуть это чудо, завороченно глядели на радугу. Она была совсем рядом, рукой подать, и все вокруг нее мерцало, переливалось призрачно и невесомо. Зачарованный мир был напоен серебристо-голубоватым светом, и этот свет становился все ярче и ярче. Глянцевым белоголубым огнем горело озеро, голубовато отблескивала прибрежная галька, обрызганная дождем трава переливала перламутром. Мир охватила безмолвная ясность и зачарованная тишина. Только слышно было, как с листьев падали отяжелевшие капли и разбивались о траву, и от этого стоял едва внятный затаенный шепот. В неясном свете за краями радуги проступали туманно-сизые скалы противоположного берега, маячили серые кусты, брезжила мерцающая бездонность неба, слабо подсвеченная звездами.

Ваня и Альма, держась за руки, во все глаза смотрели на светлое чудо, которым природа одарила их. Впереди их ждала горечь разлуки и неизбывная тоска, может быть, на всю их жизнь, но в этот миг они были счастливы.

Харальд сидел перед камином. Он знал, что Альма и Вяйно на озере, и в сердце его были самые противоречивые чувства: и боль за дочь, за ее безнадежную, не ко времени, любовь, и тревога за Вяйно — как бы не попался немцам в лапы, и желание помочь им обоим, и глупое недовольство на Вяйно за то, что смутил покой Альмы, сломал их жизнь. Они

жили с Альмой тихо, мирно, никому не попадаясь на глаза. Рано или поздно немцы убрались бы восвояси. Да, если говорить откровенно, то не очень-то они и мешали Харальду. Он сам по себе, они сами по себе. Теперь все рухнуло. И не только спокойный распорядок жизни в доме Харальда, но и в сознании что-то изменилось. И все из-за Вяйно. Надо же было ему заползти именно к Харальду во двор, и надо же было ему, Харальду, спасти его! «Помоги страждущему!» Эта заповедь вот как оборачивается...

Харальд перебирал годы своей жизни, как монах четки. С появлением Вяйно Харальд все чаще и чаще задумывался о своей жизни, о событиях на родине. Как часто он отступал, уходил подальше от греха, становился в сторонку. И сейчас он закрывает глаза на то, что творят немцы. А есть партизаны, и в партизанах — друзья Харальда, старые рыбаки и их сыновья. Говорят, в Киркенесе в железорудных копиях от гитлеровцев скрывается не одна тысяча людей и ждут часа. А совсем недавно, в мае, в день сто тридцатой годовщины принятия норвежской конституции, в городке были расклеены листовки, где писали, что пусть фашисты чувствуют себя на норвежской земле так же, как и на советской. В этот день во многих местах Норвегии взорвались здания, в которых квартировали немцы, сошли с рельс и поезда. Харальд знал, что в поселке скрываются несколько русских военнопленных, бежавших из концлагеря. Рыбаки помогают лагерникам: оставляют на дороге хлеб, рыбу. Пленные подбирают пищу, когда идут на работу. Харальд же ни во что не вмешивался, думал всех перехитрить: вы как хотите, я как хочу.

Харальд горько усмехнулся своей наивности. Сколько раз он пытался обхитрить саму жизнь. И вроде бы удавалось, да на этот раз не удалось... А сын погиб — разве в этом нет его вины?

На другой день, в сумерках, Харальд пришел к озеру. Ярко сияла луна, и озеро горело белым отраженным светом.

Людвигсен сидел на валуне. Когда увидел Харальда, выпрямился.

— Я пришел поговорить с тобой, как мужчина с женщиной, — глухо сказал Харальд.

Людвигсен выжидательно молчал.

— Как ты мог предложить Альме такое?

— У вас русский.

Этого Харальд боялся больше всего. Направляясь сюда, он собирался вести разговор только о дочери, но Людвигсен сразу же обрубил разговор об Альме.

— У вас русский, — повторил Людвигсен.

— Да, — прямо ответил Харальд.

Людвигсен не ожидал, что Харальд так быстро сознается, и растерянно взглянул на старого рыбака.

— Да, у нас русский, — снова сказал Харальд. — И что же?

— Мы давно его ищем.

Он так и сказал: «мы». Людвигсен уже не отделял себя от немцев.

— Неужели ты бы сам не подобрал умирающего? — все еще на что-то надеясь, спросил Харальд, хотя уже понял, что разговор о русском будет бесполезным.

— Он русский, они убили Эдварда, — сказал Людвигсен.

— Да, — тихо согласился Харальд. — Они убили Эдварда, твоего друга.

— Вот видите, — в голосе Людвигсена послышались торжествующие нотки.

— Они убили Эдварда, — повторил Харальд, — потому что он послушал тебя, а я промолчал тогда.

Прямо и сурово Харальд взглянул на Людвигсена, Людвигсен вильнул глазами в сторону.

— В его смерти виноват ты... и я. А русский... Русского сегодня не будет здесь.

— Сегодня? — вырвалось у Людвигсена. — Когда сегодня?

Харальд понял, что зря сболтнул об этом, он почувствовал, как Людвигсен заспокоился.

— Ладно, дядя Харальд, — примирительно сказал Людвигсен. — Поговорим потом. Мне идти надо.

— Куда? — насторожился Харальд.

— Тут, в одно место. А то опоздаю. Людвигсен повернулся.

— Стой! — сказал Харальд, поняв, что Людвигсен идет к немцам.

— Некогда, некогда, — отмахнулся Людвигсен.

— Стой! — повторил Харальд и схватил Людвигсена за рукав.

Людвигсен резко рванул руку, зло ощерился:

— Ну, ты!..

Харальд не отпускал. Людвигсен с силой оттолкнул старика и поспешно пошел прочь.

— Стой! Куда ты? — вскричал Харальд и шагнул вслед. Он чуть не упал, запнувшись о камень. И еще не отдавая себе отчета, он схватил эту увесистую булыгу и с силой бросил ее вдогон. Послышался глухой стук, Людвигсен коротко вскрикнул и схватился за голову.

— Предатель, негодяй! — кричал Харальд, полный ненависти, подбежав к Людвигсену.

Людвигсен, неловко подгибая ноги, падал на бок.

— Подлец, какой же ты подлец! — повторял Харальд, задыхаясь. — Ты не смеешь ходить! Не смеешь!

Людвигсен не отвечал.

— Ты что? — испуганно спросил Харальд.

Людвигсен молчал.

Харальд нагнулся, схватил его за плечи. Людвигсен икнул, изо рта хлынула темная жидкость.

— Ты что? Ты что? — В предчувствии беды у Харальда обморочно похолодело сердце. Он приподнял неожиданно легкую, залитую кровью голову Людвигсена и в ужасе отшатнулся.

— Что ты наделал! Что ты наделал, Людвигсен! — закричал он. — Боже, что же это такое!

Харальд упал на колени, быстро расстегнул мундир и приложился ухом к груди Людвигсена. Сердце молчало. Ухом Харальд почувствовал смертную испарину, которой уже покрылось тело Людвигсена.

— Людик, Людик! — звал Харальд, как называл его в детстве, но Людвигсен не отвечал.

Харальд судорожно, на что-то еще надеясь, рвал траву и подкладывал ее под голову Людвигсена. Потом поднялся, зашпешил на непослушных ногах к озеру, зачерпнул воды в свой кожаный картуз, задыхаясь, принес и стал обмывать лицо Людвигсена. Но вдруг бросил все это и, сжав свою голову руками, застонал.

Он долго так стоял на коленях и тупо раскачивался из стороны в сторону.

Потом, плохо сознавая, что делает, взял Людвигсена за ноги и потащил, как

тащили ТЕХ. Подтащил труп к воде, нашел тяжелый и удобный камень, привязал его своим ремнем к трупу и толкнул в воду. Тело с шумом погрузилось. На светлой воде долго расходились черные круги...

А кругом стояла чистая, первозданная тишина. И Харальд рухнул на колени, и, вздев руки к небу, закричал:

— Господи, за что караешь!

И зарыдал, страшно, дико...

Потом он отмывал руки. Отмывал долго, тщательно, остервенело тер песком, сдирая кожу. К горлу все время подкатывала тошнота...

Старый рыбак сидел в лодке. Харальд и Вяйно пойдут тихо, на веслах. На том берегу фиорда их встретят верные друзья, чтобы переправить Вяйно дальше. И так, передавая друг другу, норвежцы доставят русского до линии фронта.

Харальд тупо смотрел под ноги, ничего не слыша, ничего не видя. Равнодушно ждал, когда дочь простится с русским.

— Вяйно,— выдохнула Альма и столько боли было в этом слове, ставшим его вторым именем, что Ваня вздрогнул.

— Вяйно-о,— простонала она и, крепко схватив его за шею, горячо, иступленно целовала его в губы, в глаза, в лоб, в щеки. И все что-то шептала, торопливо, горько, прощально.

— Вяйно, Вяйно!

— Прощай,— сказал он рвущимся голосом.

Ваня оторвал ее от себя, вдруг ставшую безвольной, обмякшей, и подержал, боясь, что она упадет.

Альма потерянно стояла с опущенными вдоль туловища неживыми руками. Слез у нее не было.

Он в последний раз провел рукой по ее холодному беззащитному лицу, поцеловал остывшие губы и резко повернулся. От поворота пронзительной, острой болью прострелило раненую ногу. И чтобы боль в сердце была меньше, он остервенело нажимал и нажимал на раненую ногу, и это приносило ему облегчение.

И вдруг его настиг шепот, тягуче-жаркий, смертельно-тоскливый, шепот, который не имел права сейчас вылиться в облегчающий душу крик, шепот, от которого умирало сердце:

— Вяйно! Вя-й-но-о!

Последний раз хрустнула галька под ногой, стукнули уключины лодки, и стихло все...

Яркое солнце ворвалось в большую комнату. Его лучи пробегают по стенам, освещая то витрину с пионерскими галстуками, то ярко раскрашенные стенды. Вот они задержались на стеклянной дверце одного из шкафов, за ней стоят книги. Много книг. А посмотрите-ка на эту полку: красные, синие, зеленые обложки чем-то очень похожи между собой. И не удивительно, ведь перед нами буквари. Вот по этому букварю учатся читать украинские школьники, а по этому дети из Чехословакии, здесь букварь на молдавском языке, а вон там на венгерском, на болгарском... Но тут не только буквари многих стран мира: газеты, журналы, книги на разных языках рассказывают о жизни своих стран.

В центре комнаты флаги — национальные флаги стран мира и СССР. И именно здесь собираются члены интернационального общества «Факел» интерната № 1 города Свердловска.

Общество ребята создали еще в 1963 году. Ирину Фаер-

ман выбрали президентом. Ларису Косареву — вице-президентом. Есть своя эмблема, флаг, устав. Девиз: крепить дружбу разноцветных галстуков.

Каждый находит дело по душе. Тут и клуб дружбы народов, и клуб переписки, и свой пресс-центр, и клуб интересных встреч. Выбирай любое!

Ребята знакомятся не только с жизнью в нашей стране, но и за рубежом. Переписываются со школьниками союзных республик и стран мира. Обмениваются сувенирами, рассказывают о своих делах. Побывали они в Закарпатье, в столице Латвии Риге, приглашают к себе в гости людей, побывавших в различных республиках и странах.

Очень интересно проходят кинолектории «По странам мира» и «Путешествие по родной стране». Киноаппарат помогает перенестись из города в город, из страны в страну, путешествовать по всему земному шару.

Ежегодно 8 февраля «Факел» проводит в школе День юного антифашиста. Под зву-

ки траурного марша на общешкольной линейке склоняются к земле знамена многих стран мира. Ребята вспоминают юных героев, погибших в борьбе за счастье людей: Джимала и Даниэля Фили, Митка Палаузова и Лилю Карастоянову.

Запомнилась ребятам интернациональная игра «Спешите в Москву» и игра-путешествие на самолете ТУ-104 на Кубу, по курсу Свердловск — Москва — Прага — Гавана; провели вечер «Встреча с Индией», праздник монголо-советской дружбы.

Много внимания члены общества «Факел» уделяют Болгарии. И это понятно. Ведь им интересно узнать как можно больше о стране международного фестиваля.

Оживилась переписка с болгарскими друзьями, читаются болгарские газеты, раньше других в «Факеле» познакомились с новой эмблемой Софийского фестиваля, с новой песней.

Особенно интересных людей ребята принимают в почетные члены своего общества. Среди них учителя Софийской школы имени Шилимана Лозан Дамьяков и Татьяна Божан. Обо всем, что узнают, школьники рассказывают своим друзьям. Для самых маленьких они готовят октябрятский утренник, на котором расскажут об их ровесниках — болгарских чавдарчатах. А уроки истории и географии стали для них самыми любимыми. Девиз общества: «Пусть наш «Факел» горит, не угасая! Пусть на его огонек приходят все новые и новые друзья».

Э. ФИЛИПОВА

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ

В прошлом году в одиннадцатом номере «Уральского следопыта» был напечатан очерк «Легенда о танкистах». В нем следопыты города Вольнянска Запорожской области рассказали о том, как они восстановили одну из легендарных страниц Великой Отечественной войны — прорыв в тыл врага 25-го танкового корпуса под командованием генерал-майора П. П. Павлова.

Следопытам Вольнянска редколлегия журнала присудила приз «Уральского следопыта». В мае мы вручили его.

Очерк «Легенда о танкистах» вызвал многочисленные отклики читателей. И в редакцию, и в Вольнянск пришло много писем от родных, друзей, однополчан погибших танкистов, от участников рейда. Вот одно — от Валентина Желанкова из Владимирской области.

«Дорогие ребята! В одиннадцатом номере «Уральского следопыта» я прочитал ваш рассказ о героях-танкистах и среди опубликованных фотографий увидел снимки воинов, имена которых неизвестны. Крайний слева на девятнадцатой странице очень похож на моего дядю, и, чтобы убедиться, что я не ошибаюсь, я тут же написал в деревню к матери и тете (сестрам дяди). Они тоже сказали, что сходство большое, но... ведь прошло двадцать пять лет.

Мой дядя, Новиков Василий Ефимович, родился в 1923 году. Взят был на фронт вскоре после начала войны. Последнее письмо прислал в 1942 году, где сообщал, что едет на танке очищать дороги от фашистов, обещал, если вернется живым, напишет, но... больше не написал.

Уже после войны мы запрашивали Министерство Обороны. Оттуда ответили, что Новиков Василий Ефимович пропал без вести в феврале 1943 года в районе Белгорода — Харькова,

Я вас очень прошу написать о нем, может быть, живы люди, воевавшие с ним рядом...»

Получили ребята и другие письма, в которых родственники погибших сообщают, что узнали на фотографиях своих близких. Но требуется уточнение.

Следопыты Вольнянска продолжили переписку, проверили по собранным материалам факты и установили, что на снимке действительно танкист Василий Ефимович Новиков.

Мужественно боролось с фашистами и местное население. Так, в «Легенде о танкистах» рассказывалось о комсомолке Гале Волох и ее брате пионере Володе, которые прятали у себя дома раненого офицера. Фашисты расстреляли патриотов 25 февраля 1943 года.

Спустя четверть века, 25 февраля 1968 года, ребята установили обелиск на могиле юных героев и замученного офицера-танкиста в селе Труд, недалеко от Вольнянска. На обелиске высечены слова: «Гаяля Волох, Владимир Волох, неизвестный воин-танкист. Вечная слава вам, герои! Память о вас никогда не угаснет в наших сердцах».

Поиск вольнянских следопытов продолжается. Нынче они провели поход по местам боевого пути 25-го танкового корпуса. За отличную работу наш журнал наградил значком «Следопыт» Бабарыгу Петра, Белецкого Владимира, Деменкову Тамару, Кицюка Владимира, Коротченко Наташу, Коньшина Владимира, Лукьянову Людмилу, Миროнова Николая, Мошлата Николая, Недозирного Виктора, Нечипоренко Владимира, Сердюка Владлена, Терлыка Анатолия, Тимофееву Галину, Улиценко Олега.

Е. КОНСТАНТИНОВА

ПУТЬ К

• Ольвия – греческие города-колонии.
 - - - - - путь греческих торговцев
 - - - - - примерные границы народов на пути - скифских торговцев.

Аргиппеям

Мы часто говорим: «Седой Урал». А каков возраст этих «седин» с точки зрения историка?

Обычно историю Урала, основанную на письменных источниках, начинают со времен новгородских ушкуйников, с периода освоения русскими пермских земель и с походов Ермака. Между тем эта история уходит намного глубже в толщу времен: ее следует начинать примерно с V века до нашей эры. Таким «стажем» писаной истории может похвалиться далеко не каждая европейская страна.

В это время, в V веке до н. э., знаменитый античный историк Геродот, «отец истории», как его еще называют, составил описание торгового пути, ведущего из Северного Причерноморья куда-то далеко на северо-восток, к загадочным аргиппеям, обитавшим у подножия гор. Интереснейший рассказ Геродота об этом пути в последнее время почему-то мало привлекал внимание наших ученых; в сводной двухтомной «Истории Урала», изданной в Перми в 1963 году, о нем нет ни слова.

Но вообще-то над ним трудится, изучает его и толкует уже не одно поколение историков¹. О нем писал Василий Никитич Татищев, организатор горного дела на Урале в 20-х и 30-х годах XVIII века и основатель Екатеринбурга.

Высказывал свои соображения выдающийся немецкий ученый Александр Гумбольдт, совершивший в 1829 году путешествие на Алтай через Средний Урал. Тем не менее рассказ этот до сих пор задает много загадок историкам и археологам. Даже сам маршрут торгового пути все еще вызывает споры.

Итак, вернемся к Геродоту. Этот неутомимый путешественник во время одного из своих многочисленных странствий побывал и в Ольвии. Ольвия, расположенная близ устьев Южного Буга и Днепра, была тогда одним из крупнейших греческих поселений на северном берегу Черного моря. А за Ольвией, за узкой полоской прибрежной земли, занятой греками, простирались обширные степи, где обитали скифы; много их было и в самой Ольвии. Здесь Геродот вполне мог удовлетворить свою постоянную страсть: собирать сведения об обычаях и преданиях далеких племен, чтобы использовать все это впоследствии в своей «Истории». Сведения Геродота о скифах и поныне являются нашим главным источником знаний об этом древнем народе.

Однако историк не ограничился тем, что узнал о скифах. Скифы, по представлению греков, — обитатели самых окраин земли. Но Геродот-то понимал, что Скифией земля не кончается! А что же находится еще дальше?

¹ См. мой обзор различных толкований «пути к аргиппеям» в журнале «Вестник древней истории», 1967, № 4, стр. 175—177.

Ответа на этот вопрос Геродот стал искать на многолюдной рыночной площади Ольвии. Толпившиеся тут греки и скифы могли кое-что поведать ему о далеких северных странах. Но Геродот искал таких людей, которые сами побывали в них, были бы очевидцами того, о чем рассказывали.

И ему посчастливилось. Он нашел скифских торговцев, ходивших с караванами далеко за пределы Скифии. Минуя земли многих народов, они достигали удивительного племени «лысых» аргипеев, но здесь горы и обильные снегопады преграждали дальнейший путь.

Сначала, рассказывали торговцы, их караван шел по знакомой, скифской, земле. Но, переправившись через реку Танаис (теперь Дон), они вступали в чужую страну савроматов. Геродот так передает их рассказ:

«За рекой Танаисом уже не скифская земля; первая из тех областей принадлежит савроматам, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев».

Савроматы, кочевавшие со своими стадами по степям Поволжья, вели образ жизни, очень похожий на скифский. И говорили они на скифском языке, только «издавна искаженном», — по мнению скифов. Это, очевидно, следует понимать так, что оба родственные народа говорили на близких диалектах (североиранских, как теперь установлено наукой).

Очень интересно в рассказе скифов указание на длительность пути — пятнадцать дней. Один день пути сам Геродот в своем описании Скифии определяет в 200 стадиев. Стадий — древнегреческая дорожная мера, имевшая разные значения. Геродот мог иметь в виду ионийский стадий (около 210 м) или аттический (около 185 м). Если принять за стадий, грубо приблизительно, 200 метров, то за день пути скифские караваны проходили примерно 40 км. Значит, через пятнадцать дней они должны были от низовьев Дона и «угла Меотийского озера» (т. е. Азовского моря) дойти примерно до широты Саратова. И действительно, на правобережье Волги степь простирается до тех же мест.

А после этого торговые караваны шли по лесам будинов.

«Выше савроматов живут будины, занимающие второй участок земли, сплошь покрытый густым разнородным лесом».

Много интересного рассказывали скифы о будинах и их стране — об обширных лесах и озерах с топкими берегами, заросшими тростником, об охоте на бобров и выдр, о городках, окруженных высокими деревянными частоколами, и, что особенно поражало греков, — с деревянными домами.

Ныне эти места хорошо изучены археологами. Они установили, что во времена Геродота здесь действительно обитал особый народ, оставивший памятники так называемой «городецкой археологической культуры».

Далее на север, на семь дней пути, простиралась безлюдная местность — «пустыня». Определить точно ее местонахождение сейчас трудно, но вполне возможно, что правы те ученые, которые отводят этой «пустыне» правобережье Волги выше Сызрани, начиная с Жигулей.

Здесь торговцы, следуя вдоль берега большой реки Оар (так называли они Волгу), проходили мимо каких-то странных развалин. Они рассказывали, что то были остатки восьми громадных стен, расположенных на равном расстоянии одна от другой, — примерно на 60 стадиев; стены эти, — утверждали они, — построены персидским царем Дарием, который за несколько поколений до них вторгнулся с огромным войском в пределы Скифии.

Что это было на самом деле — сейчас трудно сказать. Может быть, действительно развалины, а может, просто жигулевские утесы, так контрастирующие с окружающими их равнинами.

Если «пустыня» начиналась за Сызранью, то через семь дней пути караваны должны были подойти к месту слияния Волги и Камы. И действительно, выйдя из безлюдных мест, скифы поворачивали «скорее в восточном направлении», то есть, как видно, шли уже вдоль Камы.

Вообще, надо сказать, место слияния двух великих рек было хорошо знакомо древним путешественникам: несколько веков спустя знаменитый географ Птолемей довольно точно указывает даже его координаты на своей карте.

ФИССА-
ГЕТЫ-
ХОЗЯЕВА
ЧУСОВОЙ

Теперь, направляясь вдоль Камы, караваны шли по «обширным лесам» многолюдного народа фиссагетов и по стране иирков.

«За пустыней, более в направлении к востоку, живут фиссагеты, племя многолюдное и особое, живут они охотой. Рядом с ними в той же местности обитает народ, называемый иирками; они так же промышляют охотой».

Как установлено учеными, фиссагеты были создателями очень яркой археологической культуры — «ананьинской» — и, надо сказать, памятники этой культуры наглядно свидетельствуют о тесных торговых связях местных племен со скифами Причерноморья. Эти же памятники говорят нам, что фиссагеты занимались не только охотой, земледелие и скотоводство играло у них гораздо большую роль. Но скифских торговцев интересовала в этом крае главным образом пушнина, поэтому фиссагеты и предстали в их рассказах лишь как охотники.

В лесах фиссагетов текут четыре большие реки. Одной из них Геродот снова дает название Оар.

Может быть, на этот раз так названа Кама, вдоль которой шли караваны? Во всяком случае, средневековые арабские географы считали, что верховьями Волги является именно Кама.

И еще сохранилось одно коротенькое, но интересное известие о фиссагетах: при жертвоприношениях они «жертвуют богам кости, а мясо съедают сами». Откуда взялось предположение о таком странном отношении фиссагетов к своим богам? Но попробуем вообразить путника-скифа, пробравшегося к святилищу, к жертвенному месту фиссагетов. Он увидел бы большую поляну, в центре которой стоит деревянный идол, и с изумлением заметил бы, что вся она покрыта толстым слоем самых разнообразных костей — и домашних, и диких животных. Конечно, он так и должен был решить: фиссагеты жертвуют богам только кости. Такое «костище» археологи обнаружили у деревни Гляденово недалеко от Перми.

Народ фиссагетов давно исчез, но оставил по себе память в названии одной из красивейших рек Урала — Чусовой. Ученые давно уже заметили связь этих названий. Нам, правда, эта связь не кажется столь явной, но так получается потому, что древнегреческие слова в русской графике передаются очень условно. В слове «фиссагеты» первый звук — вовсе не «ф», а нечто вроде «тх», — так греки вполне могли передавать отсутствующий в их языке звук «ч»; а второй звук, обозначенный как «и», на самом деле ближе к «у».

Рядом с фиссагетами жили иирки, тоже интересовавшие торговцев как охотники. Скифы с удивлением рассказывали о них.

«Иирк охотится следующим способом: охотник, взобравшись на дерево, подстерегает зверя, а деревьями изобилует вся страна их; у каждого наготове лошадь, приученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака; когда охотник с дерева увидит зверя, он стреляет из лука, затем садится на коня и пускается в погоню, причем не отстает и собака».

И это описание — не пустая выдумка. Очень похожий способ охоты — гоньба зверей на лошадях и с собаками — был распространен у башкир вплоть до самого последнего

времени.

Но такая охота была бы невозможной в настоящих лесах. Очевидно, иирки жили в лесостепной местности. А это обстоятельство позволяет нам проследить дальнейший путь торговых караванов. Лесостепь подходит близко к Каме по долине реки Белой.

Видимо, вдоль этой реки и шли караваны, когда они выходили из земли фиссагетов, из прикамских лесов, в страну иирков.

Археологи действительно находят здесь памятники особой культуры (правда, близкой ананьинской), названной ими «кара-абызовской». Создателями этой культуры, наверно, и были иирки.

Иирки-
прэдки
баш-
кир?

СКИФЫ В
СРЕДНЕМ
ПРИУ-
РАЛЬЕ

По стране иирков путь торговцев пролегал, примерно, до тех мест, где ныне стоит город Уфа. А отсюда опять начинались земли другого народа — на этот раз скифов, сородичей торговцев.

«Выше иирков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю. До области этих скифов вся пройденная страна представляет равнину с глубоким черноземом. Начиная же отсюда, земля камениста и неровна».

Так говорит Геродот со слов торговцев. Ему вторят, описывая эту «каменистую землю», другие древние писатели — Мела и Плиний:

«Суровая и пустынная страна, на широком просторанстве покрытая непрерывной цепью скал; страна, труднодоступная из-за лесистых ущелий».

Для ученых, определявших маршрут описываемого путешествия, эти «скифы, отделившиеся от царских», — были поистине камнем преткновения. Ведь известно, что скифы — кочевники и скотоводы — не могли жить в лесах. Поэтому их помещали в южноуральских и казахстанских степях или даже в Средней Азии. Но скифы вполне могли обитать и в Среднем Приуралье, скажем в Бирской и Кунгурской лесостепях. Сюда они могли попасть из степного Поволжья, где обитала орда «царских скифов» до переселения ее в Причерноморье. Исследования археологов показывают, что древние поволжские степняки действительно проникали далеко на север.

Что же касается описания страны этих скифов, то оно вполне соответствует тому, что могли увидеть путники, направляясь на восток (или северо-восток) от Уфы. Здесь начинаются предгорья Урала и «глубокий чернозем» действительно сменяется горнолесными почвами. Холмистое Уфимское плато и Нижне-Айское мелкогорье — с глубокими долинами и скалистыми берегами рек, с пещерами и воронками — соответствуют описанию суровой страны «скифов, отделившихся от царских».

АЗЪ ВУКИ ВЪДИ

Немало удивительного и противоречивого в частях речи. Вот, например, имя существительное. Оно, как известно, обозначает предмет в самом широком смысле слова: дом, дерево, дорога, красота, белизна, чтение, побелка... Все это существительные, так как отвечают на вопросы кто? что? и в предложении могут быть подлежащим, именной частью составного сказуемого, дополнением. Но если всмотреться в их значения, то покажется странным, как можно объединять дерево, дом, до-

УДИВИТЕЛЬНОЕ

рога (существительные предметные) со словами красота, белизна, обозначающими качество?

Как известно, качества, признаки предмета выражаются прилагательными. Поэтому здесь существительное вторгается в область, ему не положенную, — в пределы прилагательного. Мало того, существительное проникает и в сферу глагола, ибо что такое чтение, побелка, пиление, вязание, как не обозначение действий?! И так, по-видимому, смысловых границ между частями речи нет. Поэтому нередко части речи переходят одна в другую: рабочий инструмент, но — к станку подошел опытный рабочий; столовое серебро, но — празднично украшенная столовая.

Присмотримся повнимательней к прилагательному. Оно обозначает признак предмета и выступает в предложении

чаще всего в роли определения («прилагается» к предмету). Исчерпывается ли этим роль прилагательного?

Совсем нет. Вглядитесь в него пристальнее, и вы увидите, что его главная роль — отдалять один предмет от другого. В самом деле, если перед нами слово дом, то этим словом мы обозначаем всякий дом, каким бы он ни был, — и каменный, и деревянный, и новый, и старый. Но если мы начнем прибавлять к этому слову прилагательные одно за другим, то дом начнет все более и более отдаляться от массы своих собратьев. Например: каменный дом; пятиэтажный каменный дом; зеленый пятиэтажный каменный дом; новый зеленый пятиэтажный каменный дом. Таким образом, имя прилагательное оказывается не столько прилагательным, сколько отлагательным.

Наконец торговый караван прибывал к народу, последнему на своем пути. Это были аргиппеи.

«Если пройдешь значительное пространство неровной страны, то встретишься с обитателями подножия высоких гор... Называется этот народ аргиппеями».

Об этом народе скифы рассказывали Геродоту намного подробнее, чем о других. Скифов поражала уже сама внешность аргиппеев.

«Все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения, плосконосы и с большими челюстями. Речь у них особая, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами».

В этом описании много неясного. Что означает, например, «плешивость» аргиппеев? Отсутствие волос на голове, на лице? Знаменитый врач Гиппократ, младший современник Геродота, до которого так же доходили слухи об этих людях, пишет: «Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле обитатели [подножия гор] похожи друг на друга».

О причинах этой «плешивости» рассуждали уже в древности: считали ее следствием качества воды тех мест, употребляемой для питья, или признаком «святости» аргиппеев, или просто «объясняли тем, что они стригут себе волосы, ибо считают «иметь на голове волосы как у женщин, так и у мужчин позором».

А что значат «большие челюсти»? Может быть, имеются в виду широкие скулы? Видимо, аргиппеи резко отличались по своему физическому типу от всех остальных народов, знакомых скифам, раз эти последние обратили такое внимание на их внешность. И не сохранился ли этот тип поныне у башкир, живущих в верховьях рек Ай и Белая в районе Кыштымских озер, отличающихся широким и плоским лицом, широким, вдавленным переносьем и слабым ростом волос на лице?

А вот блюдо, которое готовят себе аргиппеи из «древесных плодов»:

В ЧАСТЯХ РЕЧИ

А что творится с местоимениями! Здесь перемешаны признаки существительного и прилагательного. Так, местоимения **я, ты, он, кто, что, это**, то склоняются как существительные, а **мой, твой, свой, чей** — как прилагательные. Значит, грамматического единства здесь нет. Нет и смыслового. Личные местоимения обозначают как бы «предмет», а притяжательные — как бы «качество».

А вот еще одна странная часть речи — междометие. Оно не отвечает ни на какой вопрос и служит не для выражения понятий, а для выражения чувств — радости, горя, удивления, испуга. **Ах! Ох! Ха-ха-ха!** Можно ли к этим словам поставить грамматические вопросы, например — кто? что? Нет. Нельзя. Междометие — это не часть речи, а особая форма речи, отражающая прямую реакцию человека на

то или иное явление, его непосредственные чувства в тех или иных обстоятельствах. В междометиях мы видим и звукоподражание: **мяу-мяу! гав-гав! ммэээ! бац! трах! тарарах!** В междометия попали и некоторые полнозначные слова: «**Батюшки!**» «**Караул!**», «**Черт возьми!**» «**Господи!**»

В русском языке склонение и спряжение настолько различаются своими окончаниями, что спутать существительное с глаголом никак невозможно. Но есть такие языки, в которых различие между именем и глаголом выражено очень слабо или совсем не выражено. Так, например, в финском и в венгерском языках одни и те же окончания часто бывают одинаковыми у существительного и у глагола, а в китайском языке ни имя, ни глагол окончаний не имеют. Значит ли это, что в этих языках вообще нет частей речи? Части

«Дерево, плодами которого они питаются, называется понтиком и по величине более всего подходит к смоковнице; оно приносит плод, похожий на боб, с косточкой внутри; когда он созреет, его выжимают сквозь ткань, причем из него вытекает густой черный сок; название вытекающего сока — асхи; его лижут или пьют, смешав с молоком, а из оставшейся гущи делают лепешки и едят их».

И эта деталь как будто соответствует действительности у современных башкир. Ученые уже давно обратили внимание на то, что башкиры готовят подобное кушанье из плодов дикой вишни и называют его «ачи».

Рассказывали скифы также о занятиях и жилище аргиппеев.

«Скота у них немного, потому что пастбища там небогатые. Каждый из жителей селится под деревом, и всякий раз на зиму он покрывает его плотным белым войлоком, а летом оставляет без войлока».

«Пастбища небогатые» — это вполне естественно в условиях горных лесов; но вот что это за дерево, покрытое войлоком? У башкир бытовал род конического шалаша или балагана с деревянной основой и покрытием из войлока или бересты. Может быть, здесь описывается подобное сооружение? А за «плотный белый войлок» приняли бересту?

И еще кое-какие любопытные сведения об этом народе собрал Геродот у скифских торговцев.

«Их не обижает никто из людей, так как они считаются священными; у них даже нет никакого оружия. Они разбирают споры, возникающие между их соседями, а когда какой-нибудь изгнанник прибежит под их защиту, то его уже никто не трогает».

По поводу этой «святости» аргиппеев современные ученые выдвигали много различных предположений, но к окончательному выводу пока не пришли.

Аргиппеи давно исчезли, но, как видим, оставили много следов. Конечно, этих людей нельзя считать прямыми предками нынешних северо-восточных башкир — тюркских народов в те времена здесь не было. Однако вполне возможно, что часть их позднее влилась в состав башкир, сохранив многие свои обычаи и черты внешнего облика.

речи есть и в них, но, чтобы выделить их, надо прибегнуть к помощи порядка слов — к синтаксису. Так, в китайском языке на первом месте стоит подлежащее (значит, имя), за ним следует сказуемое (глагол), затем — прямое дополнение (снова имя). Определенное стоит перед определяемым (и прилагательное знает свое место); в языках, подобных китайскому, части речи неразрывно связаны с членами предложения.

По-видимому, порядок слов следовало бы учитывать, когда составляется перечень частей речи. Покамест же в нем, как мы видели, полной определенности нет. Мы довольствуемся очень старым, двадцатичетырехвековой давности, набором частей речи, унаследованным еще от древних греков. Он не очень подходил уже тогда и к греческому языку. Но пока еще верно служит для обучения детей.

Может быть, кто-нибудь из вас, юные читатели, захочет заняться этим трудным вопросом?

ОТКУДА ЭТО СЛОВО

В десятом номере «Уральского следопыта» была напечатана статья кандидата филологических наук В. Житникова «Откуда это слово». В ней рассказывалось о синонимах в диалектах. В заключение автор просил читателей написать, что в диалектах означают слова: тупик, ушник, боровик, поперечник, подорожник, чайник, немка, слонина, безработица, жерло, глухота.

Мы получили несколько писем читателей. Наиболее интересную трактовку слов дает столяр из села Шумиха Курганской области В. И. Санников.

Тупик — человек, плохо понимающий. Часто говорят о таких: «Тупой, как колун».

Ушник — тот, кто подслушивает разные разговоры и, преувеличивая, передает другим.

Боровик — полный, упитанный человек, не любящий физического труда.

Поперечник — человек, который не хочет делать, что ему говорят, а делает все наоборот.

Подорожник — хулиган. О таких приходилось слышать: «Вон собрался подорожник, не дают никому ни пройти, ни проехать».

Чайник — быстрый, горячий в разговоре и работе человек.

Немка — тяжкодум, редко говорящий.

Слонина — здоровый, рослый и невежественный парень или дивчина.

Безработица — часто называют людей легкого труда, не имеющих определенной работы, нигде не учащих.

Жерло — горластый человек, одаренный крепкими голосовыми связками, никому не дающий сказать слово.

Глухота — редко выполняющий просьбы и запросы людей. (Обычно говорят о хозяйственных и непосредственном начальстве, нерадивом к запросам рабочих).

«СТАРА ДОРОГА» -ПУТЬ К АР- ГИППЕЯМ

Но где же пролегла дорога, по которой скифские караваны шли к аргиппеям? Мы видели, что торговцы должны были покинуть землю ирков где-то в районе Уфы. Определить их дальнейший маршрут помогает следующее.

В уральских сказах иногда фигурирует некая «старая дорога», которая, как утверждает Павел Петрович Бажов, действительно существовала еще в XVII веке, хотя впоследствии была совершенно забыта. Впрочем, и в XVI—XVII веках — это всего лишь тропа для верховой езды. Однако в сказах говорится о большой дороге, существовавшей еще до прихода русских, по которой шли обозы с разными товарами. Дорога эта пролегла от Уфы на восток, пересекала Уральский хребет, проходя через Нязепет-

ровск, Полевской, мимо гор Азов и Думной, и шла через Катайский острог на Исети далее на восток. Может быть, по этой же дороге тянулись и скифские караваны, проходя по «каменистой стране» и земле аргиппеев?

Вместе со «старой дорогой» приходят на память и «старые люди» — один из образов уральских сказов, связанный как раз с теми местами, где проходила упомянутая дорога, — с районом Полевского и горы Азов. В одном из сказов («Дорогое имячко») есть такое: изгнанник находит приют у мирных, не знавших раздоров «старых людей». Не перекликается ли этот мотив с рассказами скифов об аргиппеях? Не будет ничего невероятного, если окажется, что образ «старых людей» — смутное воспоминание о тех же людях, которых скифы называли аргиппеями. Ведь сюжеты уральских сказов могут быть очень древними. Многим читателям, наверно, знаком сказ «Жабреев ходок», но использованное там предание о «муравьином золоте» было хорошо известно уже в античности.

Память о древнем населении этих мест жива не только в старинных преданиях; сохранились, так сказать, и «материальные следы» его жизни. Оно оставило после себя памятники так называемой «гамаюнской археологической культуры», известные, между прочим, и в окрестностях Свердловска. Эти памятники изучала известный уральский археолог Елизавета Михайловна Берс.

Однако далее начинаются трудности в толковании Геродота: если дорога скифов действительно пролегла здесь, то как согласовать с этим утверждение, что аргиппеи обитали «у подножия высоких гор»? Те же горы Геродот называет еще «высокими и недоступными», причем представляет их себе тянущимися в широтном направлении. Это, пожалуй, наиболее трудное для объяснения место в геродотовом описании скифской дороги. Может быть, Геродот описал так горы аргиппеев под влиянием распространенных у греков представлений о мифических Рифейских горах? Эти горы, высокие и непроходимые, будто бы ограничивают с севера всю известную землю. Действительно, Гиппократ и многие более поздние античные писатели так и называют горы аргиппеев «Рифейскими».

Возможно, что здесь и кроется причина преувеличенного представления Геродота о высоте гор аргиппеев и неправильного определения их направления. Скифы же, наверно, просто упоминали, что, следуя своей дорогой на восток, они подходили к горам. Ими могли быть горы Бардымского и Уфалейского хребтов.

Торговые караваны скифов вряд ли шли дальше этих гор; здесь была их последняя остановка и торжище. Однако скифы знали, что дорога ведет дальше на восток, — поэтому-то Геродот и говорит:

«В точности известно, что земля к востоку от аргиппеев населена исседонами». Эта дорога, как я уже упоминал, выходила к Исети. Вот за Исетью, видимо, и начиналась земля исседонов, или исседов (их называли и так); ученые уже давно сопоставили названия реки и этого древнего народа, толкуя «Исеть» как «Исседскую реку». Как видим, еще одна уральская река оставила нам память о древнем,

давно исчезнувшем народе. Скифы не ходили к исседонам, но все-таки общались с ними, ибо Геродот утверждает, что кое-что из слышанного им от скифов эти последние «повторяют со слов исседонов». Наверно, исседоны сами посещали торжище в стране аргиппеев и там встречались со скифами.

Исседонов древние писатели называют «скифским» народом — в том смысле, что они были такими же степняками-скотоводами, как и скифы. Исседоны обитали не только в Зауралье; они кочевали со своими стадами и по обширным западноказахстанским степям. Памятники, которые они оставили здесь после себя — остатки поселений, курганы и т. д., — археологи включают в обширный круг так называемых «сарматских культур». Такие же памятники распространены и по берегам Исети, Синары, Миасса и далее на восток, — то есть в тех местах, где древняя торговая дорога, как я уже говорил, могла бы вывести к исседонам.

НА ЗЕМ- ЛЕ ИССЕ- ДОНОВ

Из исседонских обычаев больше всего поражал торговцев следующий:

«Если у кого умрет отец, то все родственники пригоняют к нему скот, затем, убив животных и разрезав на куски их мясо, разрезают на части и труп отца своего хозяина, потом смешивают все мясо и устраивают пиршество. Голову покойника обнажают от волос, вычищают изнутри, покрывают золотом и затем употребляют в качестве священного сосуда при совершении ежегодных больших жертвоприношений».

Такая чаша из человеческого черепа нашлась. Ее обнаружили в кургане около одного из исседонских поселений, в Курганской области¹. По краю ее еще виднелся ряд сквозных отверстий — видимо, следов золотой оправы.

А ЧТО ВЫШЕ
ТОЙ ЗЕМЛИ
НИКТО
НЕ ЗНАЕТ

На описании аргиппеев и исседонов рассказ скифов о своем путешествии кончался. По ту сторону гор, близ которых жили аргиппеи, скифы уже не ходили. Но, видимо, не потому, что эти горы были непроходимы, как думает Геродот, а по другой причине. Те же скифы говорили Геродоту, что в самой северной части известных им краев идут непрерывные снегопады: хлопья снега, похожие на перья, «наполняют там землю и воздух», так что «нельзя ни смотреть вперед, ни пройти». Наверное, скифские караваны добирались до аргиппеев уже к зиме, и углубляться дальше на север в зимнее время скифы не решались.

Как бы там ни было, но все попытки Геродота найти людей, которые видели бы еще более далекие страны на севере, остались безуспешными. «О том, что находится выше той земли... никто в точности не знает; я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает те страны как очевидец», — пишет он.

Пришлось Геродоту довольствоваться тем, что рассказывали скифам аргиппеи. А рассказывали они настолько невероятные вещи, что даже сам Геродот им не верил.

«По рассказам этих плешивых, для меня невероятным, на горах живут люди с козлиными ногами, а дальше за этими людьми живет другой народ, который спит в течение шести месяцев. Я совсем этому не верю».

Относительно «людей с козлиными ногами» было выдвинуто очень много разных догадок. Может быть, это просто плод фантазии аргиппеев, как-то связанный, например, с их религиозными воззрениями? Упоминание же «людей, спящих шесть месяцев» — очень любопытно. Видимо, здесь содержится туманный намек на долгие полярные ночи Крайнего Севера.

Вот все, что сумел разузнать об этих землях на шумном рынке Ольвии «отец истории». К сожалению, его сведения лишь на очень короткое время приоткрывают завесу над далеким прошлым Урала. Затем история Урала снова погружается в полное «безмолвие», и только через несколько веков после Геродота в письменных источниках появляются новые сведения об этом крае.

¹ Описание этой чаши можно найти в книге К. В. Сальникова «Древнейшие памятники истории Урала» (Свердловск, 1952, стр. 110).

И. В. ПЬЯНКОВ,
кандидат исторических наук

Рисунки С. Киприна

ЛЕС НА КАМНЕ

Несколько лет тому назад, бродя по лесу, я увидел на плоском монолитном валуне, на метр поднявшемся над землей, сосновые деревья. Тогда я пожалел их: «Вот выдастся засушливое лето, и погибнут молодые сосенки».

С тех пор каждый год, бывая летом в тех местах, я спешу к знакомому лесочку. Он же, как ни в чем не бывало, тянется своими колючими ветвями к солнцу и вовсе не собирается погибать. Только вот странное дело: время идет, а деревья все такие же маленькие.

Да так ли уж молод этот лесок, каким кажется на первый взгляд? Пришлось, да простят мне хранители леса, спилить одно деревцо. Его высота была 1,65 метра, а диаметр ствола у комля — 2,6 сантиметра. Возраст же оказался довольно солидным — 32 года!

Наиболее крупное дерево в этом миниатюрном бору имеет высоту 2,25 метра и диаметр ствола у комля 6 сантиметров. Почвенная подстилка по глубине не превышает 7 сантиметров и нигде не сообщается с окружающей землей.

Для наглядности посылаю фотографии: общий вид карликового соснового бора; пенек срезанного дерева и рядом с ним линейка.

Хотелось бы узнать мнение специалиста: чем же живет этот удивительный лес?

Н. ЯКОВЛЕВ, Свердловск

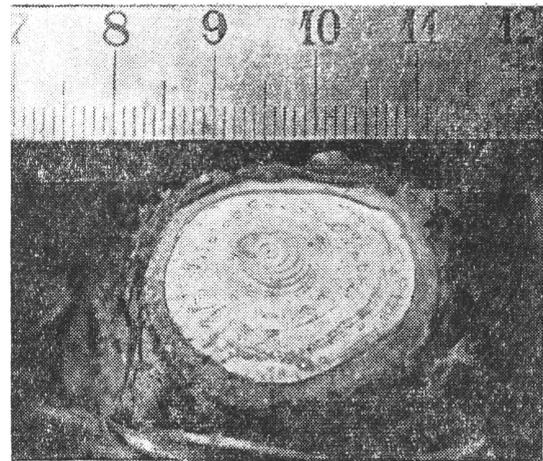
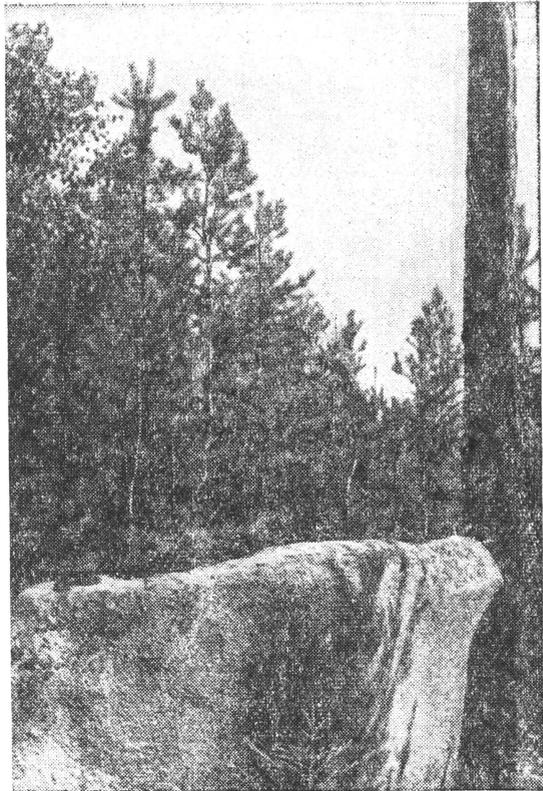
Отвечает заведующий лабораторией экспериментальной экологии и акклиматизации растений С. А. Мамаев.

Случаи, когда деревья поселяются на камне, не так уж редки. Ботаники хорошо знакомы с примерами довольно удовлетворительной жизнедеятельности растений, причем в течение длительного времени, на скалах, едва покрытых почвенным слоем, на развалинах каменных строений.

Я, например, часто видел березки, живущие на крышах и карнизах старинных зданий, церквей...

Дело в том, что растение чрезвычайно пластично. В соответствии с имеющимися условиями минерального питания оно сокращает свои потребности, значительно снижает прирост вегетативной массы. Если в 30 лет сосна на хорошей почве вырастает до 12—15 метров, то на тонком слое земли (на камне), ее рост всего лишь полтора-два метра. Такая приспособляемость позволяет дереву жить в очень тяжелых условиях. Люди используют ее для выращивания карликовых деревьев. Так, карликовые сосны очень распространены в Японии.

Дерево получает такой «питательный рацион», что существует на краю гибели, почти не растет (лишь по несколько миллиметров в год),

но живет. За 100—200 лет сосна поднимается всего лишь на один-два метра.

Что же происходит с растением? Слабые обменные процессы в камбии и других тканях. В результате нехватки азота, фосфора и других питательных веществ, а также воды, медленно происходит синтез белков, нуклеиновых кислот, образование в тканях. Дерево вырастает с более мелкими, чем обычно, клетками.

Е. ВОЙСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ

Рисунки С. Киприна

„Слава царю Эхиару!“

— Во имя царя Аргантония, на работу!..

День начался, как обычно — долгий, безрадостный, беспросветный. Мерзкая похлебка при свете костра. Ругань стражников, привычная скороговорка Козла, отсчитывающего, сколько рабов на какие работы. Опять ворочать глыбы камня, тесать и тесать до седьмого пота. Опять кашель и проклятия Диомеда, надоевшая болтовня Полморды...

Тордул сегодня работал с ними, каменотесами. Вышел у Козла из милости. Был он мрачен, тесал как попало, и ни единого слова не слетело с его плотно сжатых губ.

Около полудня в ущелье въехал, скрипя колесами, обоз. Повозки остановились подле оружейного склада. Рабы побросали работу — все равно погонят сейчас грузить на повозки сделанное за неделю оружие. Но стражники на этот раз не торопились. О чем-то шептались с возчиками, сутились. Быстрым шагом прошел блистательный Индибил со своими телохранителями.

Отовсюду — из плавильни, из каменоломни, из кузнечных сараев — стягивались к повозкам рабы. Пронирыливый Полморды подслушал разговор старшего обозного со стражниками. Вернувшись, громко зашептал:

— Ну, дела! Царь Аргантоний умер!

Весть мигом облетела ущелье. Рабы заволновались.

— Как же теперь? Он хоть кормил нас...

— Может, в Тартесс отпустят?

— Жди, отпустят тебя! Прямо к покойнику!

— Сынок-то Аргантония давно помер, не дождался очереди. Кто ж теперь царем будет?

— Кто будет царем? — все громче раздавался голоса.

Расталкивая рабов, из толпы вышел Молчун. Главный над стражей недоуменно посмотрел на него. Молчун выпрямился, сказал:

— Я — царь Тартесса. Везите меня в город.

Гребень над шлемом главного заколыхался. Коротко размахнувшись, главный ударил Молчуна между глаз. Старик упал мешком на каменную землю. Под гогот рабов и стражников («вот так царь объявился!») Горгий оттащил Молчуна в сторону. Опустился на корточки, затормошил старика, как бы невзначай стянул рубище с его левого плеча. Под выпирающей ключицей был тускло-синий знак — трезубец с широко расставленными острями. Молчун перехватил напряженный взгляд Горгия, забормотал что-то, поправил на плече одежду. Медленно стал подниматься. По его изжелта-седым вислым усам растекалась струйка крови.

— Эхиар! — прошептал Горгий ему на ухо.

Молчун тихонько засмеялся. Глаза его были безумны. «Еще больше, — пробормотал он, — еще немного, еще... и тогда конец...». Сутулясь, ни на кого не глядя, он побрел к своему сараю. Диомед дернул Горгия за руку.

— Слыхал, хозяин? Говорят, наш друг Павлидий стал царем.

— Отвяжись...

Горгий озирался, отыскивая Тордула. Он протолкался вперед, но тут стражники двинулись, наставив копья, на рабов. Толпа притихла.

— Эй, вы! — заорал главный над стражей. — Разобраться по дюжинам! Порядок забыли, пища червей? Начать погрузку! Во славу Павлидия, царя Тартесса, Ослепительного!

Горгий таскал к повозкам тяжелые связки мечей и секир. Стражники сегодня прямо озверели, гоняли рабов, дух не давали перевести. Горгий все посматривал, не видно ли Тордула. Не терпелось ему рассказать про тайный знак на

груди Молчуна. Куда запропастился Счастливец? Ни у повозок, ни в оружейном сарае его не видеть. Может, дрыхнет где-нибудь за горном, в тепле? С него станется.

Вечером в сарае к Горгию подсел Полморды. Его так и распырало от новостей.

— Ну, горбоносый, — затараторил он, — дела творятся..

— Постой, — прервал его Горгий. — Ты дружка моего, Счастливика, не видел? Куда он исчез?

— Счастливец? Ме-е! — жизнерадостно проблеял Полморды. — Уехал твой Счастливец с обозом в город Тартесс.

— Как это уехал? — растерянно переспросил Горгий.

— А так, сел рядышком со старшим обозным — и будь здоров. Сам видел. А перед тем он с самим Индибиллом разговаривал, запросто, вот как я с тобой. Сам видел. Счастливец! — Полморды повздыхал, поскреб в голове. — Должно, уже в городе он. Мне бы так..

Тоскливо стало Горгию от этой вести. Вот тебе и Тордул. Бедовали вместе, а вырвался юнец на волю — и его, Горгия, из головы вон. Видно, сильный у Тордула заступник в Тартессе..

— ...Успел со знакомым возчиком перекинуться, — продолжал меж тем Полморды. — Карфаген, говорят, пошел на нас войной!

— Правильно! — проворчал Диомед, прислушивавшийся к разговору. — Я бы на вас все, какие есть, государства напустил, чтоб от вашего Тартесса одна пыль осталась.

— Но-но! — Полморды помигал на матроса. — Ты что же это?.. За такие слова, знаешь... Я честный гончар, не слыхал я твоих слов.

— Давай дальше, — сказал Горгий. — Значит, война?

— Война! Ихние корабли подступились к самому Тартессу. — Полморды взял себя за нос, мучительно сморщился. — Не припомню только: то ли наши их побили, то ли они наших... И еще он говорил... Ага! Будто Карфаген захватил какой-то город.

— Это какой же?

— Да вот, из головы выскочило... Будто бы, говорил он, не наш город. Погоди, погоди... А! Вспомнил: греческий. Ваши там живут, фокейцы.

— Майнака?! — криком вырвалось у Горгия.

— Верно, Майнака!.. Эй, что с тобой? — добавил Полморды, обеспокоенно глядя на Горгия. — Воды тебе принести?

Он не мог понять, почему горбоносый, всегда такой спокойный, вскинулся вдруг, словно его кипятком ошпарили. Заломив руки, задрав сверху искаженное лицо, Горгий выкрикивал что-то по-гречески, завывал, с силой втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Жаловался немилосердным богам на злую судьбу, лишившую его последней надежды..

Смоляной факел, воткнутый в расщелину, не горел, а чадил. Но рудокопы, давно отвыкшие от дневного света, видели все, что им надо увидеть. Их темные, блестящие от пота лица были страшны.

Они жили в вечной темноте. Многие поколения рабов до них прорубили в горе лабиринт узких извилистых лазов. Они рубили новые ходы, следуя по направлению рудных пропластков. Руда тускло поблескивала в изломах. Ломать ее

было трудно, мотыга то и дело вязла, как в смоле.

Лишь один ход вел наружу. Каждый день перед закатом стражники там, у входа, били в медную доску. Услышав звон, рабы вытаскивали корзины с дробленой, перетолченной ручными жерновами рудой. Взамен стражники заталкивали корзины со скудной едой и смоляными факелами. Воды не давали — было ее там, в руднике, больше, чем нужно.

Не будет корзин с рудой — не будет и корзин с пищей. Хочешь не хочешь, а работай, вгрызайся в камень, делай то, что заповедано богом Нетоном, — добывай голубое серебро во славу великого Тартесса.

Здесь, в горе, они жили, здесь и умирали. Мертвых наружу не выносили. Мало ли на руднике старых выработок, куда можно поместить того, кто отлучился, и завалить пустой породой.

Долго здесь никто не тянул. Горные духи стерегли голубое серебро и жестоко мстили рудокопам, вселяя в них веселую болезнь.

К одним приходила она раньше, к другим позже, но начиналась всегда одинаково: становился человек веселым, возбужденным, точно волю попил неразведенного вина. Потом его тошнило. Только после вина проспится человек — и все, а тут несколько дней прямо наизнанку выворачивало и по телу шли язвы. Затем пораженный веселой болезнью вроде бы успокаивался и внешне походил на здорового, но все знали, что ему уже нет спасения, что горные духи нарочно дразнят его здоровьем. Недели через две снова начиналась страшная рвота, и кровь шла даже сквозь кожу. Несчастный метался, бился в лихорадке и, наконец, затихал.

Никто не вел здесь счета рабам. Раз в два месяца пригоняли новых обреченных, и так шло из года в год.

Но однажды случилось нежданное.

Били два рудокопа узкий ходок вдоль тоще-го пропластка руды. Никто их не подгонял: не было на руднике ни стражников, ни надзирателей. Подгонял только страх, вечное беспокойство: не будет корзин с рудой, не будет и пищи. И потому сами рабы делили работу: одни выкалывали руду, другие толкли, мельчили ее, а третьи разведывали новые места. И ведь знали, что обречены, что больше полугода здесь не протяжешь, — а все же цеплялись за каждый день жизни..

Били два рудокопа узкий ходок. Показалось им, что звонче отдаются удары мотыг о камень. Должно быть, пустота, трещина в теле горы. Ударили еще разок-другой, у одного мотыга застряла в камне. Расшатал рудокоп мотыгу, вырвал ее — и тут брызнул в глаза свет. Замерли рабы, зажмурили непривычные к свету глаза. Потом, не сговариваясь, забили отверстие камнем и скорей — где ползком, а где согнувшись, привычно находя в темноте дорогу, — направились к выработкам разнести весть.

Смоляной факел, воткнутый в расщелину, не горел, а чадил. В широкой старой выработке и прилегающих ходах сбились рабы, слушали, как спорят вожаки, признанные за силу или же быстроту ума.

Заросший шерстью великан-кантабр горячил-ся пуще всех:

— Ожидай — плохо. Здесь остался — все подыхать. Быстро-быстро ломай камень — самый сильный вылезай — убивай стражника — воля!

— Нельзя торопиться, — возразил рябой догвазыый раб из городских. — Сперва надо узнать, куда выходит дыра. Осторожнее надо. Вдруг там стражники рядом? Перебьют всех поодиночке!

— Правильно говорит Ретобон! — выкрикнул другой, светловолосый.

— Вот как надо, — быстро заговорил Ретобон, блестя зубами. — Ждать вечерней пищи, потом будет ночь, темнота. Расширить дыру — бить потихоньку, маленькими кусочками отламывать камень, да так, чтобы наружу не сыпалось. А потом...

Горные духи стерегли голубое серебро, а стража стерегла рудокопов. Шестеро стражников похаживали у входа на рудник. Шесть копий, шесть мечей, шесть щитов. Пища хорошая, работы никакой. Два часа посторожил — сутки отдыхай, а то ведь как бы не вынесли горные духи из дыры веселую болезнь. Только этого и боялись. А так — что ж: дыра в скале — как выход из собачьей конуры. Сунься оттуда раб — ткнуть копьем, вот и вся недолга. Только по-одному из этой дыры и можно выползти.

Похаживали шестеро около темной дыры. Далеко от нее отходить не велено. Ближе копейного удара подходить тоже не велено, а то был случай: схватили близко подошедшего стражника за ноги, уволокли в дыру — только его и видели. Не лезть же за ним туда.

В черной дыре зашуршало. Послышался не то стон, не то смех. Шесть колен выставились вперед, шесть копий устремились остриями, шесть пар ушей прислушались. Холодком обдало стражников от этого смеха: знали они, что это такое, не раз слышали. Стихло там. Из дыры, как всегда, тянуло гнилью и влажностью.

Для бодрости один из стражников заорал песню.

— Эй, заткнись! — прикрикнул на певца другой стражник. — Вроде ветка под ногой треснула, — сказал он, указывая на темные кусты у подножья горы. — Слыхали? Опять!

— Кролик, наверно, — сказал третий.

Некоторое время они прислушивались, гляделись в темноту. Шесть копий, шесть мечей, шесть щитов.

А судьба одна...

Снова зашуршало в дыре. Стражники живо оборотились, наставили копыя. Нет, все тихо. По небу шли тучи, луна то ныряла в них, то, сбросив с себя дымное покрывало, заливала землю желтым светом. Трое стражников остались у дыры, а трое, волоча длинные тени, направились к кустам — посмотреть на всякий случай, не притаился ли там кто.

И тут из кустов поднялся во весь рост великан, обросший шерстью, с тяжелой мотыгой в руке. Стражники оцепенели, ужас запер рвущийся из глоток крик. Сам горный дух встал перед ними... Великан с хриплым ревом прыгнул, мотыга, просвистев, обрушилась на шлем ближайшего стражника. Двое других побежали назад. Великан погнался следом, а за ним мчалась еще — полуголые, длинноволосые, размахивающие мотыгами и молотами.

Вмиг все было кончено. Луна опять занавесилась тучами, не пожелала глядеть, как лезут сплошным потоком рабы из недр рудника, как неистово орут они, как жадно вбирают в отравленные легкие свежий ночной воздух.

Стража, стоявшая на полпути от рудника,

услыхала гомон, кинулась в поселок поднимать тревогу. Но уже катилась в ущелье толпа рабов, и впереди бежал гигант-кантабр с копьем в одной руке и с тяжелой мотыгой в другой.

Страшен был ночной бой в поселке. Стражники были хорошо обучены, их тела, укрепленные хорошей пищей, были сильны. Они знали, что если враг не облачен в панцирь, лучше бить копьем в живот, а если облачен, то в шею. Свистели пращи, осыпая бунтовщиков свинцовыми «желудями». Падали рабы под ударами стражников. Но рабов было много, и жизнь стоила им недорого: проткнул ли копьем или подышать от язв веселой болезни. Бесстрашно и яростно бились они, тесня стражу к воротам, и вот уже передние с криками прорвались к дому самого Индибила, окружили его.

На гладко утопанной площадке перед домом отчаянно рубился главный над стражей. Свирепый кантабр кинул в главного копыя, промахнулся. Взревев, он обхватил ручищами врытый в землю столб, вывернул его и пошел на главного, крутя столб перед собой. Главный попятился, пытаясь уклониться. В следующий миг страшный удар разможил ему голову.

Бой закончился лишь на рассвете. Смолкли крики и звон оружия, стал слышен шум горной речки. Сотни трупов устилали землю. Небольшая кучка уцелевших стражников, окруженная восставшими, жалась, затравленно озираясь, к крыльцу. Из дома выволокли Индибила в изодранной одежде. Его бил озноб, толстые щеки были словно мелом залиты. Под ненавидящими взглядами Индибил бессильно опустился на ступеньку, ноги не держали его.

— Что будем с ним делать? — спросил Ретобон, отирая пот с грязного лица. Так уж получилось само собой, что оказался он вожаком.

— На рудник! — выкрикнул кантабр. — Завалить камни — пусть подыхай, собака!

— Правильно! — загалдели рабы. — На рудник его! Пусть отведаст веселой болезни!

Ущелье бурлило. Вырвавшиеся на волю рудокопы, плавильщики, камнетесы опустошили сарай с запасами продовольствия. Из погреба Индибила вытащили пузатые пифосы с вином. Целиком жарились на вертелах бараны из стада, принадлежащего стражникам. Тут и там горланили песни. Непривычная сытость и выпивка валили рабов с ног.

Ретобон и его друзья понимали, что это опасно: стоит прискакать сейчас в ущелье отряду стражников с какого-либо из ближних рудников, и они перебьют восставших, как кроликов. Но ничего Ретобон не мог поделать. Он переходил от костра к костру, уговаривал рабов опомниться, доказывал, что нужно выставить у входа в ущелье сильный заслон... Напрасно!

За Ретобоном плелся пьяненький гигант-кантабр, нацепивший на голову шлем с высоким гребнем. У одного из костров кантабр увидел старых знакомых — Горгия и Диомеда.

— Грека! — рявкнул он и хлопнул Горгия по плечу так, что тот чуть не подавился бараньей костью, которую как раз обглаживал. — Грека — воля — хорошо!

Он размахнулся, чтобы и Диомеда по-приятельски хлопнуть, но тут его занесло и, потеряв равновесие, кантабр свалился рядом с Горгием. Он и не сделал попытки подняться на ноги, почти сразу же захрапел.

Ретобон пристально посмотрел Горгию в лицо. Ухмыльнулся.

— Здорово, грек. Не помнишь меня?

— Где-то видел я твои рябины, — сказал Горгий, — а где — не помню.

— В порту в кабаке однажды сидели, — напомнил Ретобон. — Тордул еще заставил тебя пиво пить...

— Верно! Еще задушили вы там кого-то.

— Соглядатая, — кивнул Ретобон. — Как же ты тут очутился? Тебя же Аргантоний на обед к себе позвал. Поругались вы, что ли?

Горгий коротко рассказал печальную свою историю.

— Вот как, — задумчиво проговорил Ретобон. — А я и не знал, что Миликона прикончили... Предательством тут пахнет, клянусь Быком. — Он почесал одной ногой другую, ноги у него были босы и черны от грязи. — Похоже, что Миликон предал нас. Уж очень быстро нас похватили... будто поджидали у крепостных ворот...

— Ты бунтовал вместе с Тордулом? — спросил Горгий.

— Дрались у ворот вместе. А потом... Нас всех сразу повезли сюда, бросили, как собак, на голубой рудник. А куда Тордул подевался, не знаю.

И тогда Горгий рассказал про Счастливику-Тордула. Ретобон, присев на камень, слушал его, неподвижно уставив взгляд в пляшущий огонь, опираясь обеими руками на меч.

— Значит, уехал в тот самый день, как папа-

ша его стал царем? — переспросил он, когда Горгий умолк.

— Царем? — изумился грек. — Да ты шутишь, рябой!

— Какие там шутки. Он — сын Павлидия. Сам он уехал или силком увезли? Не знаешь... Хотел бы я знать...

Рядом затеяли игру с шлемом, свалившимся с головы кантабра. Рабы с хохотом поддевали шлем ногами, перекидывались, как мячом.

Вот кто, значит, покровительствует Тордулу, думал Горгий. Сам Павлидий! Ну и ну, с царским сынком, можно сказать, хлебал из одной миски... Но как теперь быть? Одно ясно: надо поскорее отсюда убираться, пока выход из ущелья открыт, пока снова не заневолели. Вот только куда идти? Путь в Майнаку закрыт. Пробраться тайком в Тартесс, разыскать Тордула, попросить, чтоб замолвил перед папашей словечко? Опасно, опасно... Если даже и доберемся, простит ли Павлидий? Простить — это значит признать, что сам он, Павлидий, велел убить Миликона. Вот если бы Эхиар стал царем Тартесса...

Горгий испытующе посмотрел на рябого. Ретобон все сидел перед огнем, глаза у него слипались, острый подбородок уткнулся в раздвоенную рукоять меча.

— Ты спишь? — сказал Горгий. — Послушай, есть тут в плавильне один старый раб...

И он рассказал Ретобону, как Тордул всюду искал раба с царским знаком на груди и как он, Горгий, обнаружил этот знак у Молчуна.

С Ретобона мигом слетела сонливость. Он вскочил, потребовал немедленно разыскать Молчуна. Хорошо, что Полморды был тут как тут, слушал по привычке чужие разговоры.

— Молчун в своем сарае, — сообщил Полморды. — Сам видел, как он туда пошел.

Дверь сарая оказалась на засове. Ретобон навалился плечом — дверь заскрипела, поддалась. Тут же перед вошедшими выросла темная фигура.

— Назад, — глухо сказал Молчун.

За его спиной дымил горн. В красноватой мгле Горгий успел заметить сколоченный из досок стол и на нем несколько сосудов разной величины.

— Я Ретобон. Я вывел рабов из рудника голубого серебра. Мы свободны. Ты тоже теперь свободен, старик.

Да пошлют ему боги просветление, подумал Горгий, всматриваясь в бесстрастное лицо Молчуна.

— Назад, — повторил Молчун, надвигаясь.

Ретобон и Горгий попятились. Молчун вышел вслед за ними из сарая, плотно прикрыл дверь и прислонился к косяку.

— Кто станет теперь добывать голубое серебро? — спросил он.

— Никто, — ответил Ретобон. — Горные духи не будут больше губить людей.

— Плохо. — Молчун покачал головой. — Надо копить голубое серебро.

Один из друзей Ретобона зло выкрикнул:

— Тебе надо, так иди добывай сам!

— Еще мало накоплено, — упрямо сказал Молчун.

— С нас хватит, — отрезал Ретобон. — Послушай, как твоё имя?

Старик не ответил. Бормотнул что-то под нос, толкнул дверь, намереваясь войти в сарай. Горгий понял, что наступило решительное мгновение. Он заступил старику дорогу и быстрым движением рванул рубище с его плеча. Молчун выпрямился, в его тусклых, как бы мертвых глазах сверкнул гнев.

Ретобон впился взглядом в знак — трезубец под выпирающей ключицей.

— Царь Эхиар! — закричал он радостно. — Истинный царь Тартесса! Мы тебя нашли!

От костра к костру переходили Ретобон и его друзья. Рассказывали рабам, как много лет назад верховный жрец Аргантоний не дал вступить на престол законному наследнику Эхиару, обманом и силой захватил трон тартесских царей, а самого Эхиара, лишив имени, навеки бросил на рудники. Теперь Эхиар найден по тайному знаку на груди. Настало время восстановить справедливость: Павлидий — не царского рода, он не имеет права на престол.

Рабы слушали, поплеывая и почесываясь. Кто соглашался, а кто и возражал:

— Может, оно и так, да гнилая рыба не слаще тухлого мяса. Нам-то что за дело, кто будет сидеть на престоле?

— Вы, лишенные разума! — горячились друзья Ретобона. — Царь Эхиар сам изведал рабской доли, он будет благоволить рабам. Он отпустит вас по домам и даст вам вдоволь пищи!

— Так уж и отпустит, — опять чесались сомневающиеся. — Кто-то ведь должен добывать медь и серебро?

— Верно, — ответил Ретобон. — Царь Эхиар разгромит гадирцев и их заставит работать на рудниках.

— Это еще разгромить надо...

— Какое нам дело до вашего Тартесса!

— По дома-ам!..

Гигант-кантабр, окруженный горцами-соплеменниками, ревел во всю глотку, что надо идти на проклятый Тартесс, разграбить его и разрушить до основания. Рабы-тартесситы, опасаясь за свои семьи, истошно кричали:

— Не пускать дикарей в Тартесс! Лучше перьбем их на месте!

Страсти накалялись. Уже какой-то горячий лузитанин в войлочной шапке замахнулся секирой на столь же пылкого тартессита. Тартессит схватился за меч — с самого утра рабы разобрали оружейные склады. И хотя Ретобон и его друзья срывали голос, пытаясь унять драчунов, драка неминуемо переросла бы в страшное побоище — если бы не случай. В ущелье на рысках влетел отряд стражников с ближайшего рудника: кто-то, видно, донес туда весть о бунте. Распря прекратилась сама собой. Рабы встретили стражников градом камней и метательных копий. Мало кому из стражников удалось ускакать, да и за теми пустились вдогонку рабы, улюлюкавая и колотя коней босыми пятками.

— Вы сами видите, — надрывался Ретобон, — нам спокойного житья не дадут! Все погибнем, если не покончим с распрей! Эй, запрягайте лошадей, грузите оружие и пищу! Разбирайтесь по дюжинам, выбирайте старших! Царь Эхиар поведет нас на Тартесс! Слава царю Эхиару!

— Сла-ва-а-а-!.. — вторили одни.

— Долой! — орали другие. — Он чокнутый!

— Я честный гончар, — слышалась скороговорка Полморды. — Я никогда не шел против законов. Зачем нам другой царь? Вот если, упаси боги, помрет Павлидий, тогда, конечное дело, и Молчуна можно... этого, то есть, Эхиара...

А в это время царь Эхиар, далекий от страстей, кипевших вокруг его имени, в своем сарае раздувал огонь в горне ручными мехами, помешивал горячий расплав в глиняном сосуде.

— Еще больше, еще немного... Отделить огонь от земли... силу от огня... Помогите мне, тени царей Океана, будьте со мной!..

К сараю подошел Ретобон — в многослойной льняной кирасе, с тяжелым двуручным мечом на

плече. Ногой, обутой в поножи и боевую сандалию, ударил в дверь, сорвал ее с ветхих кожаных петель.

— Царь Эхиар, — сказал он решительно, — веди нас на Тартесс, твой трон ожидает тебя.

Старик вскинул на него затуманенный взгляд, отблески огня играли на его лице, изуродованном старым ожогом.

— Еще мало голубого серебра, — внятно сказал он. — Надо больше... еще немного...

— Хватит, — отрезал Ретобон. И закричал, обернувшись: — Эй, царские носилки сюда!

Шла, катилась с гор, громыхала повозками, гомонила многоязычной речью лавина взбунтовавшихся рабов. Рудник за рудником, поселок за поселком вливались в войско. Скакали во все стороны гонцы на запаренных лошадях, громкими криками сзывали людей:

— Истинный царь Тартесса Эхиар, Слепительный, прощает долги и записи! Он дает волю рабам! Идите к нам, идите вместе с нами на Тартесс! Смерть Павлидию, слава царю Эхиару!

Неудержимо и грозно катилось с гор воинство — к устью реки, к синему Океану, к великому городу Тартессу. Впереди, конь о конь с Ретобоном, ехал с тяжелым копьем наперевес могучий волосатый кантабр. Далеко окрест разносился рев тысяч охрипших глоток:

— Слава истинному царю Эхиару!

Гонец Павлидия

Ретобон сидел на каменистой осыпи и поджидал гонца Павлидия. Отсюда, с холма в северо-западной части острова, был хорошо виден Тартесс. Прямо на юг — крепостные стены, за ними мрачный, увенчанный гребнями царский дворец, серебряный купол храма, темно-серая башня Пришествия. На востоке, за лесом, — главная дорога, что бежит от мостов в северной части острова к торговым рядам, причалам и верфям. По ту сторону дороги — беспорядочная россыпь жалких домишек: квартал горшечников, квартал медников, дальше дымят горы в квартале оружейников, еще дальше, на оконечности острова, — богатый купеческий квартал.

Тартесская гавань забита кораблями — нет им теперь хода в океан. Если хорошенько присмотреться, можно увидеть в утренней дымке неясные черточки на воде — корабли карфагенян. Они-то и заперли гавань. Угрожают великому Тартессу...

На душе у Ретобона было невесело. Минувало две недели с той поры, как восставшие рабы, смяв заслоны Павлидиевых стражников, хлынули по трем мостам в северную часть острова, с ходу ворвались в городские кварталы. Тут-то и столкнулись повстанцы с главными силами Павлидия. В узких кривых улочках квартала горшечников несколько дней шла свирепая сеча. Стражники были хорошо обучены воинскому искусству, и рабы дрогнули, несмотря на численный перевес. Ретобон велел отходить в северо-западную часть острова, рассчитывая закрепиться там в лесу, в загородных домах тартесской знати. Много людей было потеряно при отходе — и не только от копий и секир страж-

ников. Кое-кто из городских, побросав оружие, предпочел скрыться в лабиринте лагун и мастерских. Но главный урон нанес кантабр. Видя, что дело затягивается и в открытом бою царское войско не одолеть, он увел своих соплеменников, а за ними потянулись и рабы из других иберийских племен.

На открытом песчаном берегу у мостов людей кантабра встретили пращники и тяжелая конница. Много здесь было порублено рабов, много трупов унес в океан желтый Бетис, и лишь небольшой группе удалось прорваться к мостам, уйти на север, в далекие дикие горы.

Поредешнее войско Ретобона раскинулось лагерем, укрепились в лесу у подножия холма. На ветвях по-осеннему облетевших деревьев засели отборные лучники. Полукольцо из перевернутых повозок окружило лагерь, другой стороной он выходил к морскому берегу. Много раз кидались стражники на приступ, но неизменно откатывались. Рабы отбивались с ошеломляющей яростью — теперь им и вовсе нечего было терять. Но шел день за днем, запасы еды, взятые в погребках загородных домов, угрожающе таяли. Теперь стражники, окружив лагерь повстанцев, выжидали. Видно, решили взять измором.

А сегодня утром, только встало солнце, в лесу загремела боевая труба. Глашатаи зычными голосами принялись выкрикивать, что царь Павлидий пожелал вступить в переговоры с вожаком рабов и шлет своего гонца. Ретобон велел крикнуть в ответ, что согласен принять гонца.

Со склона холма увидел Ретобон: из северных ворот крепости выехали на лошадях двое. Один из всадников держал копье, увитое виноградной лозой, — знак мирных намерений. Ретобон спустился к подножию холма, поросшему ивняком, прошел на полянку с колодцем и коновязями — здесь ожидали его ближайшие друзья и помощники.

Из-за деревьев шагом выехал Павлидиев гонец, сопровождаемый пожилым стражником и несколькими повстанцами. Взгляд Ретобона скользнул по лиловому гиматию гонца, стянутому широким ремнем, потом поднялся выше и — замер.

— Не ожидал? — спросил Тордул, спешиваясь.

— Знал бы я, какого гонца шлет Павлидий, не принял бы, — хмуро ответил Ретобон.

— Я сам напросился. — Тордул сунул руки за пояс, спокойно оглядел сподвижников Ретобона. — Как-никак мы старые дружки, легче будет столкнуться.

— Шелудивый пес тебе дружок, а не я, — отрезал Ретобон.

У Тордула сжались твердые губы, на скулах проступили красные пятна. Однако он поборол вспышку гнева.

— Ладно. Сейчас ты поймешь, что ссориться нам нечего. Слушай! Мы шли против Аргантония, потому что хотели покончить с Неизменяемым Установлением, верно? Теперь Аргантония нет, да сожрут его кости шелудивые псы, которых ты тут упоминал.

— Дальше.

— А дальше вот что. Павлидий стал царем Тартесса, и он тоже хочет перемен. Клянусь Нетоном, он согласился почти со всем, что я ему толковал... с тем, чего мы с тобой добивались.

— Дальше.

— Будут пересмотрены законы. Все звания,

кроме блистательного, будут отменены. Блистательные будут жрецами или военачальниками, а кто не захочет принять обязанности — пусть убирается из Тартесса. — Тордул повысил голос: — Пища для рабов улучшится. Ремесленникам возвратят долговые записи. Царь Павлидий намерен поощрять искусства и ремесла. Так что, Ретобон, самое время нам помириться.

Ретобон угрюмо молчал, опершись обеими руками на меч.

— Если хочешь, — продолжал Тордул, — можешь прямо сейчас собрать свое храброе войско и...

— Ты ничего не сказал про голубое серебро, — перебил его невысокий раб с копной жестких светлых волос.

Тордул посмотрел на него.

— Ага, это ты, Нирул, — сказал он. — Клянусь Нетоном, я рад, что ты жив. Теперь все пойдет по-новому. Может, не сразу, но пойдет. Я много говорил с отцом о голубом серебре. Не простая это штука — единым духом отменить Накопление, на котором столько лет стоял Тартесс. Народ этого не поймет. Здесь придется действовать постепенно.

— Ты, как я посмотрю, ходишь в главных советниках, — язвительно сказал Ретобон. — Уж не назначил ли тебя папаша верховным жрецом?

— Нет, — спокойно ответил Тордул, — эту должность Павлидий пока сохранил за собой. Так вот. Отец предлагает вам мир. Не такое сейчас время, чтобы драться между собой: с суши Тартессу угрожают гадирцы, а с моря карфагеняне. Они выжидают, чтобы мы тут передрались насмерть. Мы должны сплотиться.

— Иначе говоря — сдать оружие? — Ретобон ослabился.

— Не сдать, а повернуть против общего врага. Командование отрядом сохранится за тобой, и никто из рабов не понесет наказания. Им будут платить, как воинам. Подумай, Ретобон, говори с людьми. Павлидий не хочет лишней крови, он рассудил по-государственному. И только одно у него условие: вы должны выдать сумасшедшего, который нагло зовет себя Эхиаром.

Ретобон переглянулся с Нирулом, невесело улыbnулся.

— Недорого просит Павлидий, — сказал он. — За одного сумасшедшего — свобода для всех...

— Недорого, — согласился Тордул.

— Значит, так, — заключил Ретобон. — Выдать проходимцу законного царя Тартесса. А когда с нашей помощью вы одержите победу, нас переловят, как кроликов: ведь на каждом из нас выжжен рабский знак. И не миновать нам нового рабства. Верно я говорю? — он повысил голос и пристально оглядел своих помощников.

— Послушай! — закричал Тордул, выкатывая глаза. — Заклинаю тебя прежней дружбой: забудь обиду! Ты пострадал от верховного жреца Павлидия, но царь Павлидий будет милостив к тебе. Сейчас не время для обид: Тартесс в опасности!

— Не верю я Павлидию! А тебе — еще меньше, предатель! Уходи!

Тордул круто повернулся, пошел к лесной опушке.

— Эй ты, блистательный! — крикнул вслед Ретобон. — Верно ли говорят, что твой отец отравил Аргантония?

Погруженный в мрачное раздумье, Тордул прошел галерею Венценосной Цапли и через зал Серебристого Овна направился к царским покоям. У колоннады стояла группа придворных, от нее отделился Сапроний, побежал навстречу Тордулу. Толстое брюхо его тряслось, прыгали подбородки.

— Заступись за меня, блистательный Тордул, — задыхаясь, проговорил он. — Это все — наветы Кострулия...

— В другой раз. — Тордул попытался обойти толстяка, но тот вцепился в его гиматий.

— Когда я читал оду на восшествие Слепительного Павлидия, — быстро заговорил Сапроний, — все слушали с восторгом, да, с восторгом. Я сам видел у многих слезы на глазах. А злопакошный Кострулий слушал и загибал пальцы — считал слоги...

— Говори короче, мне некогда.

— И он расчислил по слогам, что имя «Павлидий» вставлено в оду вопреки размеру. Будто по размеру стиха получается «Миликон»...

— Не надо заготовлять оды впрок, — посоветовал Тордул.

— Да посуди сам, блистательный, — взмолился Сапроний. — Оду надо прочесть в день восшествия на престол, а на ее составление и шлифовку у меня уходит три-четыре месяца...

— Шел бы ты в волопасы, если не поспеваешь, — бросил Тордул и быстрым шагом пошел дальше.

Стражники, стоявшие у царских дверей со скрещенными копьями, посторонились, и Тордул шагнул в покои отца. Павлидий, в роскошном белом гиматии с золототканными изображениями Нетона, сидел в кресле с любимым длинношерстным котом на коленях. Перед царем стояли верховный судья Укруф в черной простой одежде и дородный военачальник, весь в серебряных пряжках и браслетах.

Павлидий поглядел на сына сквозь финикийское стеклышко.

— Они отказались, — отрывисто сказал Тордул, кидаясь на мягкую скамью. — Опасаются, что ты их обманешь.

— Рабы — они и есть рабы, — презрительно сказал Укруф.

— Слепительный, дай мне подкрепление и — кланюсь громами Нетона — мои воины сегодня же поднимут их всех на копья! — прорычал военачальник. Серьги и браслеты звякали в такт его словам.

Павлидий покачал головой.

— Гадирская конница стоит у восточного рукава Бетиса, — сказал он. — Они только и ждут, чтобы мы оттянули заслон от реки.

— Да я и не прошу снимать оттуда воинов. Дай мне отряд дворцовой стражи — и сегодня вечером я сложу головы бунтовщиков к твоим ногам.

— Нет, — сказал Павлидий. И, помолчав, повторил: — Нет.

— Твоя воля. — Военачальник потерял завитую бороду. — Тогда придется ждать, пока они околеют от голода.

— Ждать тоже нельзя. Через три дня праздник Нетона, к этому дню с бунтовщиками должно быть покончено. — Зеленое стеклышко снова уставилось на Тордула. — Ты узнал, где они держат самозванца?

— Я ходил гонцом, а не согладатаем, — резко ответил Тордул.

Павлидий поджал губы. Промолчал.

— Слепительный, — сказал военачальник, — сегодня ночью к нам перебежал один из бунтовщиков. Если пожелаешь, я его допрошу.

— Вели привести его сюда.

Тордул хотел было выйти следом за военачальником, но Павлидий остановил его:

— Мне может понадобиться твой совет. Останься.

— Не очень-то ты прислушиваешься к моим советам, — проворчал Тордул, глядя в узкое оконце.

— Все мое время, сынок. Прежде всего нужно покончить с бунтом. Тогда мы сможем отбросить гадирцев и дать бой карфагенянам. Сам видишь, положение трудное. А все потому, что Аргантоний слышать ничего не хотел о Карфагене. Он был уверен, что никто не осмелится напасть на Тартесс.

— Слышал я, будто Аргантоний помер не своей смертью. Верно это?

— Кто тебе сказал?

— Слух такой ходит.

Павлидий почесал kota за ухом.

— Укруф, — тихо произнес царь, — вели своим людям прочистить уши. Шептунов — хватать и лишать свободы. Пусть глашатаи прокричат мой указ: у распространителей недозволенных слухов будут вырваны языки.

— Исполню, Слепительный.

Тордул живо встал перед Павлидием.

— Отец, ты обещал, что твое правление не будет жестоким.

— Да, обещал. Но сейчас военное время. Ты еще не искушен в государственных делах и не знаешь, что жестокость бывает вынужденной. Подданные сами не знают, чего им надо, и когда языки у них слишком развязываются, правитель обязан примерно их наказать. Без этого никак нельзя. — Павлидий пощекотал kota под мордой. — Но ты не беспокойся, сынок, как только в Тартессе станет спокойно, я сделаю все, что обещал тебе.

— Ты бы мог уже сейчас отменить все титулы, кроме блистательного.

— При первой возможности я это сделаю.

— И улучшить пищу для рабов.

— Обязательно, сынок. Сразу же по окончании войны.

Тордул схватил kota за хвост, дернул. Кот озлился, завопил нехорошим голосом.

— Зачем мучишь животное? — Павлидий легонько ударил сына по руке.

— Кош-щечка, — прошипел Тордул сквозь зубы. — Не кричи, а то оторву хвостик.

Он круто повернулся, выбежал из царских покоев.

— Немножко горяч, — сказал Павлидий. — Я бы хотел, Укруф, чтобы ты почаще с ним беседовал. Ты и Кострулий.

— Кострулий, как и все ученые, недостаточно терпелив, — ответил Укруф. — Я сам займусь Тордулом. Мысли его опасны. Малейший слух об отмене титулов может вызвать брожение в умах. Это — расшатывание Основы Неизменяемого.

— Мальчик переберется и станет спокойнее. Как думаешь, не следует ли его женить? Впрочем, ты? Не...

— Да, я далек от этих забот. Но полагаю, что семейная жизнь отвратит его от вольнодумства.

Между тем Тордул, бормоча проклятия, неся через зал Серебристого Овна. Навстречу, гремя доспехами, шел военачальник, за ним мелко семенил, трясая козлиной бородкой, пожилой оборванец. Он удивленно глянул на Тордула, его гибкая спина почтительно согнулась.

— А, Козел! Так это ты перебежчик? — небрежно бросил на ходу Тордул.

— Вслед за тобой... — Козел взглянул на серебряные пряжки Тордула. — Вслед за тобой, блистательный.

Тордул в сердцах плюнул Козлу под ноги и побежал дальше.

Непрерывно кланяясь, Козел вошел за военачальником в царские покои, распластался на полу и пополз к Павлидию.

— Можешь встать, — сказал Павлидий, поднося к глазу стеклышко. — Кто ты такой?

— Разве ты не узнаешь меня, Ослепительный? — сладчайшим голосом проговорил Козел, умиленно глядя на царя. — Меня, недостойного раба твоего, зовут Айнат...

Тонкие губы Павлидия сжались в нитку. Некоторое время он внимательно разглядывал Козла.

— Значит, ты остался в живых, — медленно сказал он, не то вопросительно, не то утвердительно. — Не знал я; не знал...

— Только с помощью богов, Ослепительный. — И, уловив нечто в выражении царского лица, Козел поспешно добавил: — Я давно уже ничего не помню, клянусь карающей рукой Нетона!

Павлидий сбросил кота с колен, потянулся вбок, к треножнику с горящим углем, потер внезапно озябшие руки.

Когда-то, в давние годы, оба они были жрецами при храме — Айнат и Павлидий. И случилось так, что на одном из праздников Нетона верховный жрец — мужчина отменного здоровья — упал мертвым, испив жертвенного вина. Тогда-то Павлидий и стал верховным жрецом, правой рукой царя Аргантония. Айнат же, обвиненный в отравлении, был приговорен к смерти. Видно, и впрямь благоволили боги к Айнату, если вместо него на казнь повели другого...

«Как же это я проглядел? — подумал Павлидий. — Ведь знал же, как хитер и изворотлив Айнат...»

А в слух сказал:

— Это хорошо, что ты помнишь о карающей руке Нетона. Известно ли тебе, где бунтовщики прячут самозванца?

— Как не знать, Ослепительный! В загородном доме твоего придворного поэта.

— В доме Сапрония? — Павлидий задумался. — Вот что. Если ты окажешь мне услугу — будешь щедро награжден.

— Сочту за счастье, Ослепительный, исполнить твою волю.

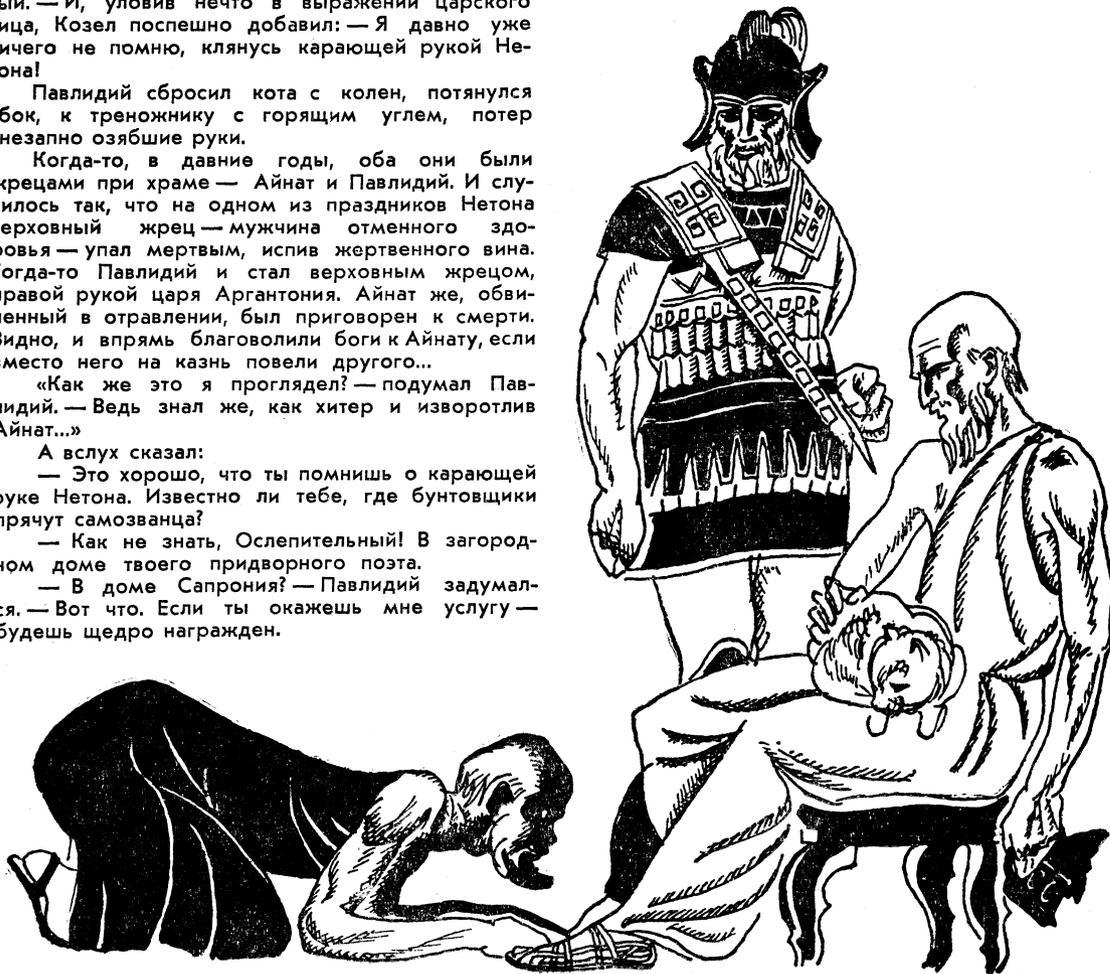
— Так вот. Сегодня ночью ты должен проникнуть в этот дом...

— Не утруждай себя, Ослепительный. Я все понял, — сказал Козел, сладко улыбаясь.

Снова в доме Сапрония

Был ли Молчун истинным царем Тартесса, Горгий не очень задумывался над этим. Просто Эхиар был последней надеждой для Горгия. Если старик и в самом деле сядет на трон Тартесса, то он, Горгий, спасен. Они с Диомедом смогут безбоязненно жить на воле и ожидать удобного случая для возвращения в Фокею. Не век же будет продолжаться война с Карфагеном. Надо полагать, царь Эхиар велит вернуть ему, Горгию, корабль. Да, это будет первое, о чем он попросит царя...

Поначалу все шло хорошо. Но потом богам

стало угодно даровать военную удачу Павлидию. И вот Горгия и Диомеда — обоих — Ретобон определил в охрану Эхиара. Хотя то хорошо, что не надо драться там, у повозок. Не любил Горгий махать копьем — не купеческое это дело. Что до Диомеда — хоть и задиристый он, да теперь, с отбитыми внутренностями, какой из него вояка, с каждым днем слабеет...

В доме Сапрония все носило следы поспешного бегства хозяина и бесчинств дворовой челяди, оставшейся без надзора. Из ларей и сундуков все было повытаскано, разбросано по комнатам. В пиршественном зале дорогие скатерти залиты вином, пол загажен, со скамей содраны узорные ткани. Кошек кто-то выпустил на волю, они точили когти о деревья во внутреннем дворе.

Кое-кто из сапрониевых рабов попросил оружие, примкнул к повстанцам, защищавшим лагерь. Но десяток рабов-музыкантов, как только уехал Сапроний, вытащили из погреба господское вино и пили до тех пор, пока оно не пошло из них обратно. Перепуганные танцовщицы заперлись, затаились. Пьяные музыканты, шляясь по дому, обнаружили их убежище, стали с хохотом ломиться. Женщины подняли такой визг, что у конюшай тревожно заржали, забили копытами лошади. Дверь затрещала, рухнула. На шум прибежали воины из охраны Эхиара, с ними и Горгий.

Так-то и свели снова всемогущие боги Горгия с Астурдой. Без разбора тыча древком копья в пьяные лица и потные тела, Горгий проложил себе дорогу, вывел Астурду во двор.

Как бы не веря своим глазам, Астурда провела ладонью по щеке Горгия. Он поймал ее руку, задержал — и тогда она несмело улыбнулась сквозь невысохшие слезы.

— Ты поседел, — сказала она. — Я слышала, в городе говорили про тебя плохое.

— А ты и поверила? — усмехнулся Горгий.

— Я плакала. Боялась, не увижу тебя больше. Ты свободен? Бежал с рудников?

Она засыпала его вопросами, а он не знал толком, что ответить. Вроде бы свободен, а далеко не уйдешь. Потом она принялась рассказывать про свое племя, про кочевую жизнь на приволье.

Горгий пытался объяснить ей, что идет война и сейчас никуда из окруженного лагеря не уйти. Но разве что втолкуешь перепуганной женщине?

Он взял ее за руку и повел во внутренние покои. Им навстречу высочил Диомед. Прищурился на Астурду, сказал:

— Где тебя носит, хозяйин? Иди скорее, с Молчуном неладно.

Эхиар смеялся. Он сидел на груде мягких подстилок в спальне Сапрония, раскачиваясь из стороны в сторону, и слезы текли по его щекам, по спутанной бороде. Смеялся, тряс головой, а глаза у него были тусклые, мертвые. Нехороший это был смех. Хоть и не работал он на руднике голубого серебра, но много лет подряд выплавлял его по криупцам из очищенной руды, и горные духи, видно, настигли Эхиара здесь, вдали от его потайного горна.

Горгий поцокал языком, сказал:

— Принеси воды.

Астурда выбежала во двор, к бассейну, вернулась с кувшином. Эхиар вертел головой, вода не попадала ему в рот, лилась на белую одежду.

Астурда опустилась на колени, гладила его по голове, как ребенка, приговаривала что-то ласковое. И понемногу старик успокоился, взгляд его, устремленный на женщину, прояснился. Смех перешел в икоту, потом Эхиар повалился на подстилки, затих. Дыхание его было хриплым, прерывистым.

— Кто этот дедушка? — спросила Астурда. — Что с ним?

— Веселая болезнь...

Со двора донесся сердитый голос Ретобона — он распекал рабов за бесчинства, угрожал кому-то плетью. Тяжелые шаги, звон оружия — Ретобон, сопровождаемый помощниками, вошел в спальню. Его худое лицо помрачнело, когда Горгий рассказал о болезни Эхиара.

— Никому об этом ни слова, — распорядился Ретобон. — Ты, грек, отвечаешь головой. Никого сюда не пускать. — Он посмотрел на Астурду, отрывисто спросил: — Что за женщина?

Горгий ответил не сразу. Потом решился.

— Моя жена... — И, встретив недоуменный взгляд Ретобона, добавил: — Она умеет ухаживать за больными.

К вечеру Эхиару полегчало, разум его прояснился. Он стоял у зарешеченного окна, глядел на темнеющий лес, прислушивался к голосам воинов, ржанию коней, воплям дерущихся котов. Горгий подошел к старику, стал объяснять, где они находятся, чей это дом и что происходит вокруг.

— Хочу посмотреть на Тартесс, — сказал Эхиар. — В какой он стороне?

— Отсюда не увидишь. С крыши, может быть...

— Проведи меня, — властно сказал Эхиар.

Вдали, за верхушками деревьев, розовел в закатном солнце, сверкал серебряный купол храма. Чуть левее вырисовывался многозубчатый верх башни Пришествия. Опершись темными, в синих переплетениях вен, руками на перила, Эхиар долго смотрел на вершины тартесских святынь. Глаза его слезились, должно быть от ветра.

Горгию наскучило торчать на крыше.

— Пойдем вниз, — сказал он. — Астурда хочет напоить тебя кислым молоком. А то ты уже третий день...

Он умолк, прислушиваясь к бормотанью Эхиара, пытаясь разобрать слова. Но, видно, Эхиар говорил не по-тартесски. Молится, что ли, подумал Горгий и, присев на корточки, стал терпеливо ждать.

— Какой нынче день? — спросил Эхиар, не оборачиваясь.

— Я веду счет времени по-гречески, — ответил Горгий, поднимаясь. — Но слышал от ваших, что через три дня будет праздник Нетона, или как там вашего главного бога зовут...

— Нетон — великий бог богов, — резко сказал Эхиар. — Имя его надо произносить со страхом.

Горгию стало обидно за своих богов.

— Наш Зевс-керавногерет¹ главнее всех богов, — сказал он. — Он может такую грозу настлать, что...

— Замолчи, неразумный младенец, — прервал его Эхиар. — Откуда вам, грекам, знать, как

¹ Собиратель молний (греч.).

ужасен гнев Нетона... как вспучивается и разверзается земля, поглощая дворцы и города... как вырываются из недр огненные реки, сжигая, испепеляя целые царства... как уходят в морскую пучину огромные острова и только волны выше гор ходят там, где прежде была земля...

Горгий воззрился на старика.

— Где ты видел такую катастрофу? — недоверчиво спросил он.

— Никто из ныне живущих не видел. Это было много веков назад. — Эхиар простер руку в ту сторону, где за деревьями пылал закат. — Там лежали эти земли. В Океане. Когда-то им принадлежал весь мир.

— Чем же они разгневали Нетона?

— Ненавистью.

— Ненавистью? Они возненавидели своего бога?

— Ты задаешь глупые вопросы. — Эхиар вытер полую слезящиеся глаза. — Нетон дал им все, чего мог пожелать смертный. Их земли процветали, их женщины были прекрасны, а рабы искусны и послушны. Их оружие было непобедимо. Их мудрецы научились копить голубое серебро и старались проникнуть в его суть, ибо Нетон вложил в голубое серебро великую тайну. Но в своем тщеславии они переступили черту дозволенного. Они накопили голубого серебра сверх меры и стали украшать им не только храмы, но и оружие. Царство пошло войной на царство, посева были вытоптаны и залиты кровью, и люди обезумели от крови и ненависти. И тогда Нетон жестоко покарал их. Великие царства погибли от огня и погрузились в Океан. Позже других погибла земля, что лежала недалеко отсюда. Спаслась лишь ничтожная горстка людей.

Эхиар умолк надолго. Небо на западе стало меркнуть, с моря повеяло вечерней прохладой. В лесу зажгли костры.

— Они приплыли к этому берегу, — сказал Эхиар, — и подчинили себе племя турдетанов, которое поклонялось Черному Быку и даже не знало, что зерно, брошенное в землю, прорастает и дает новые зерна. Они научили диких турдетанов строить дома и корабли, и добывать металл, и возделывать посева. Так возник Тартесс. С тех пор прошли века, и сыны Океана стерлись из людской памяти. Только цари Тартесса, которые ведут от них свое происхождение... — Эхиар вдруг схватил Горгия за руку. — Видишь башню напротив храма?

— Вижу, — сказал Горгий, осторожно высвобождая руку. — Мне говорили, это башня Пришествия. В нее нет входа...

Эхиар засмеялся, и Горгий невольно отшатнулся: уж не начинается ли у старика опять веселая болезнь? Но Эхиар резко оборвал смех.

— Через три дня, — пробормотал он озабоченно.

— Послушай... царь Эхиар, — с запинкой сказал Горгий. — Если ваш бог покарал за ненависть великие царства, то... почему же люди не помнят об этом?

— Забыли люди. Все забыли... ничего не хотят помнить...

От непривычно долгого разговора старик изнемог. Тяжело опираясь на Горгия, спустился вниз, в спальню, растянулся на подстилке.

У ворот Сапрониева дома Козла остановил рослый повстанец. Приблизив секиру к самому носу Козла, лениво осведомился:

— Куда прешь, убогий?

— К царю Эхиару, котенок, — ласково сказал Козел. — Велено мне доставить ему хорошую пищу.

— А ну, покажи. — Воин потянулся к мешку, что был у Козла за плечом.

— Нельзя, котенок. Все куски считаны.

Все же после недолгого препирательства Козлу пришлось раскрыть мешок. На разговор подошло еще несколько воинов. Щупали, нюхали, качали головами: пища и впрямь была хороша, особенно еще теплый, духовитый пирог с тыквой.

— Ну, иди, — сказал рослый повстанец и, вздохнув, добавил. — Жена у меня была мастерица такие пироги печь.

У дверей царской спальни Козла ожидала неприятная встреча: на пороге сидел Диомед, строгал кинжалом палочку. На сладкие уговоры Козла отвечал одно: «Мешок передам, а сам — проваливай, пока цел». Тут выглянул Горгий, хмуро выслушал Козла, мотнул головой: «Пройди».

Диомед вошел вслед за Козлом, молча отнял мешок, аккуратно выложил припасы на стол. Тем временем Козел тихонечко направился к двери, что вела в соседнюю комнату, приоткрыл. Горгий мигом подоспел, оттер любопытного от двери.

— Нельзя к царю, — сказал он. — Сами управимся. Астурда!

Козел удивленно посмотрел на молодую длинноносую женщину, выбежавшую из царской спальни.

— Посмотри, что он там принес, — сказал Горгий, кивнув на стол.

Не понравилось это Козлу. Уже и бабу к самозванцу приставили, не проберешься к нему.

— Обижаете меня, — жалобно протянул он. — Не чужой я ему... Эхиару нашему. Много лет мы с ним на рудниках душа в душу...

Никто не ответил ему. Астурда, со вниманием осмотрев еду, певуче сказала:

— Пирог ничего, а мясо пережарено. Поставь, Диомед, в холодильник. На ночь дам ему кусок пирога с кислым молоком.

— На ночь кислое молоко — в самый раз, — подхватил Козел. — Где оно у тебя, красавица? Дай-ка отнесу, не чужой я ему человек. Сколько мы одной похлебки вместе...

Он не договорил. Из-за двери раздался хриплый хохот с подвыванием. На пороге спальни появился Эхиар. Был он без верхней одежды, всклокочен, глаза безумно расширены. Сутулясь, пошел он прямо на Козла, перемежая лающий смех бормотанием: «Огонь от земли... Еще немного... Еще немного...» Горгий и Астурда кинулись к нему, подхватили под руки.

И только когда старика водворили на место и Астурда, ласково поглаживая его по голове, зашептала успокоительные слова, Горгий с Диомедом заметили, что Козел исчез.

— Нехорошо получилось, — сказал Горгий, поцокав языком. — Про веселую болезнь никто не должен знать.

Диомед сорвался с места, побежал к воротам.

— Э, да его и след простыл, — ответил караульный на его вопрос и махнул секирой в сторону леса. — Я думал, вы его кипятком ошпарили.

Диомед закашлялся, побрел в дом.

В лесу Козел отдышался, осмотрелся. Снял с шеи тугую кожаный мешочек, висевший на шнурке. Боги помогли обойтись без снадобья. Да и как было бы подсыпать, когда его, Козла, и близко не подпустили к самозванцу. А заранее отравить пищу Козел побоялся: могли и самого заставить попробовать. У Молчуна веселая болезнь, долго он не протянет...

Козел закопал мешочек в землю, притоптал ногой. Жаль снадобья, нелегко его приготовить, — но если с ним попадешься... Кто сам осторожен, того и боги берегут.

Стемнело. Козел выждал момент, когда повстанцы занялись вечерним варевом, бесшумно прополз между повозок и, пригибаясь и подобрав полы, побежал на ту сторону. Раз или два колючие ветки кустов больно хлестнули его по лицу.

— Стой!

Тяжело дыша, Козел остановился перед широкими лезвиями двух копий.

— А, это опять ты, козлиная борода, — сказал один из стражников, присмотревшись. — Дождешься, что проткнут тебя насквозь.

— Придержи язык! — прикрикнул Козел. — Проведи меня к начальнику, живо!

— Живо можно и нос набок, — буркнул стражник.

Однако не стал спорить: старшой велел пропустить лазутчика туда и обратно беспрепятственно. Высморгался, повел Козла по трескучей от сухих веток тропке к северным крепостным воротам, где был раскинут шатер начальника.

Военачальник, сидя на мягких подушках, ел рыбу, зажаренную целиком. Зубы его ходили по

рыбьей спине от хвоста к голове и обратно — будто на дудке играл, — жир стекал по бороде на желтый нагрудник, на серебряные пряжки. Возле масляного светильника двое телохранителей играли в кости.

— Ну что? — Военачальник взглянул на вошедшего Козла.

— Считаю, что самозванец готов, — небрежно ответил Козел. — У него веселая болезнь. Завтра помрет, самое позднее к вечеру.

Военачальник перестал жевать.

— Веселая болезнь? Ты уверен?

— Подвинься, — сказал Козел и, усевшись, поднес к носу пузатый пифос с медовым вином. — Доброе вино! — Он сделал несколько больших глотков, крякнул, обтер ладонью усы и бороденку. Военачальник ошалело хлопал глазами. Телохранители перестали играть в кости. — Доброе вино, — повторил Козел, — давно не пивал.

— Может, дать тебе закусить? — Военачальник вдруг развеселился. — Не каждый день увидишь такого нахального раба.

Телохранители, ухмыляясь, подошли ближе.

— Так вот, — сказал Козел. — Веселая болезнь — это посильнее, чем порошок подсыпать. Посылай, начальник, крикунов — пусть прокричат бунтовщикам, что ихний царь помирает.

Военачальник отшвырнул рыбий скелет, хлопнул себя жирными руками по нагрудным пряжкам, гаркнул:

— Будет исполнено, почти-блестательный!

Телохранители заржали. Зрелище было хоть куда.

— Ах ты, котеночек мой, — снисходительно проговорил Козел. — Скоро ты будешь подползать ко мне на брюхе. Царь Павлидий, Слепительный, уж подберет для своего старого приятеля Айната хорошую должностишку. Ну, ладно. — Он не спеша поднялся, хрустнув суставами. — Поговорили и хватит. Вели этим жеребцам проводить меня во дворец. Я сам доложу Слепительному.

— Верно! — Военачальник тоже встал, почесал под мышкой. — Как раз такое повеление я и имею. Эй, вы! Проводите почти-блестательного во дворец. Да смотрите у меня — чтоб с почестями! Дорогу перед ним расчищайте!

Козел вышел из шатра, телохранители двинулись за ним. Военачальник придержал одного за гребень шлема, коротко бросил:

— Удавить!

Праздник Нетона

На рассвете лес огласился криками.

— Ваш самозванный царь помирает! — кричали глашатаи.

— Боги покарали его веселой болезнью!

— Сдавайтесь, бунтовщики! Царь Павлидий помилует тех, кто бросит оружие.

Воины Павлидия начали штурм. Их встретил град камней и стрел, но кое-где повстанцы дрогнули: что толку сопротивляться, если тот, на кого они надеялись, умирает от веселой болезни? В образовавшиеся бреши хлынули желтые нагрудники. Рубили наотмашь, не щадили и тех, кто побросал оружие. Ретобон сам повел в бой отряд, оставленный про запас.

— Не верьте желтым собакам! — кричал он, срывая голос. — Царь Эхиар жив! Клянусь Черным Быком!..

Кровавая сеча в лесу шла до полудня. Потом бой притих. Пронесся слух, что карфагенские корабли прорвались к гавани и осыпают причалы камнями и горшками с горючим снарядом. И еще говорили, что гадирские воины перешли Бетис и устремились к мостам, ведущим в Тартесс.

Лес был полон встревоженных голосов, дымом костров, звоном оружия.

Солнце клонилось к закату, когда у шатра военачальника остановились носилки, богато украшенные серебром. Из носилок вылез Павлидий, хмуро глянул сквозь зеленое стеклышко на военачальника, упавшего ниц. Голос не повышал, но пообещал отделить голову военачальника от плеч, если тот не покончит до темноты с бунтовщиками. И еще тише добавил: «Или, может, ты ожидаешь поутру гадирских собак?» Нехорошо стало военачальнику от царских слов. Тут же разослал он гонцов по отрядам с грозным повелением возобновить бой и закончить его лишь тогда, когда последний бунтовщик будет поднят на копьё.

И снова в лесу загремело оружие. Начальники остервенело гнали воинов вперед, чтобы быстрее сломить оборону повстанцев. Повстанцы отходили, оставляя поляну за поляной, цепляясь за чащобы, где легче можно было задержать противника. А задержать надо было во что бы то ни стало. Ретобон, понимая, что сражение проиграно, послал часть людей на берег — резать камыш, вязать большими пучками, готовиться к переправе на материк. Сам же он с кучкой отборных бойцов отчаянно пробивался к дому Сапрония, чтобы вывести к берегу Эхиара. И уже пробившись к опушке, уже увидели за деревьями белые стены — и поняли, что опоздали: перед домом сутились стражники в желтом, бухали тяжелым бревном в окованные медью ворота.

«Не пробраться», в отчаянии подумал Ретобон и велел возвращаться.

Задыхаясь от быстрого бега, Ретобон сквозь заросли камыша выскочил на берег. Переправа уже началась. Вцепившись в камышовые связки, бойцы наискось пересекали широкий рукав Бетиса. Ретобон остановился, поджидая Нирула. Тот ковылял, тяжело опираясь на копьё, волоча раненую ногу.

— Быстрее! — Ретобон шагнул ему навстречу.

В камыше зашуршало. Замелькало желтое. Ретобон рывком взвалил Нирула на спину и, увязая в песке, пошел к воде. Просвистели металлические копьё. Ретобон ощутил, как вздрогнул Нирул. Послышался хриплый стон. Вода резанула холодом. Ретобон поплыл, загребая одной рукой и поддерживая другой неподвижное тело товарища.

— Он весь горит, — сказала Астурда и беспомощно взглянула на Горгия.

Лицо Эхиара налилось кровью, рвота сотрясала тело.

Горгий понимал, что возмущенная многими горестями кровь старика сгустилась, а печень не может ее вместить, и кровь распирает все естество. И он решился. Вынул кинжал, обтер лезвие полой, велел Астурде подать чашу. Затем обнажил костлявую руку старика, приглядевшись к переплетению синих вен на сгибе,

— Держи его руку покрепче, — крикнул Диомеду.

Кончиком лезвия он осторожно надрезал набухшую вену. Брызнула черная кровь. Астурда послушно подставила чашу.

Старик дернулся, застонал, но потом дыхание его стало легче, лицо посветлело. По знаку Горгия Астурда перевязала ранку.

Горгий поднялся на крышу, ноздри его сразу ощутили запах гари. Он осторожно выглянул. На поляне перед домом стражники в желтом теснили повстанцев, отжимали к лесу. У самых ворот шла яростная схватка. Горгий опрометью кинулся вниз.

— Надо уходить, — крикнул он. — Астурда, есть еще какой-нибудь выход из дома?

— Можно через погреб, — испуганно ответила женщина. — Это у задней стены сада.

Горгий с Диомедом приподняли старика с ложа.

— Оставьте меня, — ясным голосом сказал Эхиар.

— Сейчас в дом ворвутся люди Павлидия, — нетерпеливо сказал Горгий. — Они убьют тебя!

— Не все ли равно... Сегодня или завтра...

— Завтра праздник Нетона, ты хотел дожить до этого дня!

— Праздник Нетона?.. — пробормотал старик. — Праздник Нетона...

Он умолк. Опираясь на плечи греков, поднялся. Следом за Астурдой они вышли в сад. Дом гудел и сотрясался от ударов: воины Павлидия, перебив охрану Эхиара, ломились в ворота. Было слышно, как они орут и обещают Эхиару казнь, какой еще не видывали в Тартессе.

Погреб был в дальнем конце сада, у самой стены, возле помойных ям. Астурда стала осторожно спускаться в прохладную темноту; натываясь на бочки и ящики, беглецы пересекли погреб и поднялись по крупным каменным ступеням к наружной двери. Потихоньку Горгий отодвинул скрипучий массивный засов, чуть-чуть приоткрыл дверь.

Здесь, на задворках, было тихо. Белела в сумерках тропинка, уходившая влево. Сразу за тропинкой начинался пологий откос. По этому откосу, цепляясь за кусты шиповника, они скатились в овраг. Прислушались. Диомед шепотом ругался, щупая ткань гиматия, разодранную кустом, — гиматий был новенький, просторный, не иначе как с плеча самого Сапрония. Горгий цыкнул на матроса. Покрутил головой, вслушиваясь в отдаленные звуки боя. Куда пойти? Как разыскать Ретобона в этом окаянном лесу, набитом стражниками? Может, лучше затаиться в овраге, в густом кустарнике, выждать, пока кончится бой и лес опустеет, а уж потом тайком выбраться... Выбраться, но куда?

Эхиар вдруг выпрямился, задрал голову к темнеющему небу — свалывшаяся борода торчала унылыми клочьями, — но звезд не увидел: низкие облака медленно плыли над Тартессом.

— В какой стороне море? — спросил Эхиар.

— Там, — сказала Астурда.

Старик встал, хватаясь за кусты, ноги плохо его держали, но все-таки он сделал несколько шагов.

— Погоди, — остановил его Горгий. — В той стороне идет бой, не слышишь разве?

— Мне нужно на берег. Я выведу вас в безопасное место.

Однако осторожный Горгий решил дождаться полной темноты. Ночь наступила быстро. В просвете меж облаков прорезался тоненький полубодок новорожденной луны. Горгию вспомнилось, как неудачно он соврал Литеннону по прибытии в Гартесс, что прошел Столбы безлунной ночью. С этого-то вранья и начались все мои горести, сокрушенно подумал он.

Овраг кончился. Горгий первым выбрался наверх, осмотрелся. Прямо перед ним, в пяти плетрах¹, чернела крепостная стена. Такая близость была опасна: с башен могли заметить дозорные.

Пока Горгий раздумывал, Эхиар с кряхтением выбрался из оврага и, согнувшись, опираясь на подобранный по пути сук, побрел направо, вдоль стены.

— Что стоишь? — шепнул он, проходя мимо Горгия. — Теперь я знаю дорогу, иди за мной.

На прошли они и полусотни шагов, как сзади послышался голоса и звон оружия. Видимо, Павлидиевы воины, закончив сражение, направлялись в крепость через северные ворота. Пришлось залечь, переждать. На Диомеда напал кашель, и он давился, зажимал рот горстью.

Потом до самого берега густо пошли кусты. Встречный ветер донес до слуха беглецов звук воды, разбиравшейся о скалы. Здесь крепостная стена круто поворачивала на юг, вдоль берега. На повороте стены высилась угловая башня. Смутно доносились голоса стражников.

Берег здесь был высок и скалист. Повернувшись к башне спиной, Эхиар начал спускаться к узкой полоске песка у самой воды.

Откуда в нем силы берутся, подумал Горгий, переступая вслед за стариком с камня на камень и поддерживая Астурду под локоть. Не иначе, бог Океана ему покровительствует.

Спустились. Горгий с наслаждением вдохнул запах моря, водорослей и выброшенной на берег рыбы.

Астурда стояла рядом. Ночное море ее пугало, и она обеими руками держалась за руку Горгия. Они не сразу заметили, что Эхиар исчез. У Горгия дух захватило при мысли, что океан унес старика. Да, так оно, наверно, и было, бог Океана взял его к себе, недаром старик так спешил сюда. Астурда тихонько заплакала.

— Может, по нужде отошел? — сказал Диомед. — Пойду посмотрю.

Он разглядел черные вмятины следов в плотном мокром песке: они вели к скалам, каменным мыском врезавшимся в море. Эхиар ползал по расщелинам, вид у него был такой, будто он что-то потерял и теперь разыскивает. На вопросы он не отвечал, только бормотал, как обычно, себе под нос. Вылез на самый край мыска — здесь шумела вода, разбиравшаяся о камни и обдавая брызгами.

Все-таки он не в себе, подумал Горгий, ведь свалится сейчас со скалы — и душа вон. Он пробрался к старiku и потащил его назад. Отыскали меж камней место, достаточно защищенное от ветра и брызг. Некоторое время сидели молча, отдыхая. Горгий пытался представить себе, далеко ли отсюда до того рукава Бетиса, через который перекинута мосты на материк. Там, как он помнил, — густые камышовые заросли. Нарезать камыш, сделать связи потолще — и переправиться на них на тот берег. А дальше? Уйти

¹ Плетр — около 25 метров (греч.).

с Астурдой к этим... как их там... ну, к ее соплеменникам...

— Хозяин, — сказал Диомед. — Ты когда в Фокею вернешься, пойди на улицу Дикого Кабана, там дом стоит винодела Анаксилая. Может, знаешь?

— Знаю. А что?

— Ему в доме женщина прислуживает — Кайя. Ты ей скажи: мол, Диомед, матрос, кланяется и просит... и просит, чтоб вспоминала иногда.

— Перестань, — строго сказал Горгий. — Сам ей привет передашь.

— Нет, — Диомед замотал головой. — А если у тебя найдется десяток лишних обол¹, ты ей купи, хозяин, украшение какое-нибудь. Очень она украшения любит. Скажи — от Диомеда...

Холодно было здесь, у моря. Астурда продрогла в легкой своей одежде, свернулась клубочком, прижалась к Горгию.

Ясное дело, надо идти по берегу в сторону, противоположную крепости, обогнуть холм — там, должно быть, и есть северный рукав Бетиса и заросли камыша. Горгий стал излагать свой план.

— Нет, — сказал Эхиар. — Скоро море отойдет, и я проведу вас в безопасное место. — И, помолчав, добавил: — Мы увидим все, а нас никто не увидит.

Истинно как царь сказал он это — не допуская возражений. Горгий и сам не понимал, что заставляет его подчиняться старику. Ладно, подумал он, может, и впрямь выведет в безопасное место?

Начинался отлив. Волны, набега на скалы, уже не так высоко взметывали пенные гребешки. Вода отступала, обнажая камни и песок.

Эхиар поднялся, снова полез на каменный мысок. Бродил, пригнувшись, среди мокрых камней, отыскивал что-то. Со стороны крепости донеслось отдаленное протяжное завывание — это перекликались дозорные на сторожевых башнях.

— Идите сюда, — позвал Эхиар.

Они подошли к нему, оскользаясь на водорослях. Эхиар указал на один из выступов скалы. Велел сдвинуть огромный камень. Он был очень тяжел, не сразу удалось Горгию и Диомеду раскатать и свалить этот камень. Эхиар шагнул к открывшемуся в скале черному зеву.

— Идите за мной, — сказал он и полез в дыру.

Несколько скользких замшелых ступеней вели вниз, в крошечную тьму, в пронзительный, застоявшийся холод. Под ногами хлюпала, чавкала жижа. Медленно шли они узким лазом, то сгибаясь в три погибели, то с трудом протискиваясь меж сырых каменных стен. Впереди Эхиар, следом за ним Горгий, потом Астурда, крепко вцепившаяся в его руку, последний — Диомед. Подземный ход свернул вправо, стало суше и немного просторней, можно было идти в рост.

Так они шли час или больше, пройдя, по расчету Горгия, добрую дюжину стадий.

— Далеко еще? — спросил он.

Эхиар не ответил, и Горгий повторил свой вопрос громче. Ему вдруг показалось, что старик ведет их куда-то в Океан, откуда нет выхода, — ведь старик-то был не в себе. Но тут же он подумал, что ход заметно повышается, значит — не может вести под океанское дно. Тут Эхиар остановился, и Горгий с ходу налетел на него.

¹ Обол — мелкая монета в Древней Греции,

Эхиар шарил в темноте по стенам. Глухо прозвучал его голос: «Лезьте за мной... сюда, вправо». Один за другим они пролезли на четвереньках в дыру и поняли, что подземный ход кончился. Теперь крутыми зигзагами шла вверх лестница, зажатая меж тесно сдвинутых каменных стен. Поднимались долго, Эхиар часто останавливался перевести дух, лица у всех были мокрые от пота.

— На небо, что ли, лезем? — проворчал Диомед. — Мне туда не надо...

Немного посветлело, стало легче дышать. И вот подъем кончился. Они вылезли на небольшую площадку, огороженную зубчатой стеной, над ними распахнулось ночное небо — безлунное и беззвездное, но все же показавшееся светлым после долгой слепой темноты. Тучи плыли над самой головой.

Подошли к стене, выглянули из-за каменных зубцов.

— Вот это да, клянусь рогами коровы Ио! — вырвалось у Диомеда. — В самую середку попали!

Внизу под ними была широкая храмовая площадь. Вот и серебряный купол храма, он вобрал в себя весь слабый свет ночи и тускло поблескивал. Мрачно чернела поодаль громада царского дворца...

Башня Пришествия — вот куда Эхиар привел их.

— Как же так? — изумился Горгий. — Мне говорили, что в эту башню нет хода.

— Верно, — откликнулся Эхиар. — Ход в башню известен только царям Тартесса.

— Значит, ты асамделишный царь, — тихонько сказала Астурда.

Внизу, возле дворца и храма, расхаживали стражники с факелами. Им и невдомек было, что с башни Пришествия на них глядит важный государственный преступник. А если б они и знали — как достанешь? Ближко ухо, а не укусишь.

Далеко на севере, за мостами, клубился в красном отсвете дым — что-то там горело. Видно, гадирцы перешли-таки Бетис, под самым Тартессом разбили лагерь. А на юге, если присмотреться, можно было различить в море тусклые огоньки — то, верно, горели факелы и площадки с маслом на карфагенских кораблях, осадивших Тартесс.

Спал великий город. Он разгромил восставших рабов, он двинет поутру свежие силы на гадирские отряды, он попытается отбросить за Герракловы Столбы карфагенский флот — и опять поплывут его корабли тайным путем на Оловянные острова, на очень далекие Касситериды...

А он, Горгий, не спит, и душу его гложет тревога. Полжизни прошло, а он так и не знает ни семьи, ни собственного дома. Мотает его судьба по Ойкумене из конца в конец. Что нужно ему на чужбине, в очень далеком Тартессе? Всюду видит он вражду и кровь, ненависть и обман... Да что же это вы, милосердные боги, никакой жалости нет у вас к сыну человеческого?..

Он ощутил тепло прикосновения, легкая рука легла на его плечо. Астурда! Он притянул ее

к себе, крепко обнял, зажмурил глаза, поднятые к небу. Одна только ты и осталась у меня, чужеземка...

Половину башенной площадки занимало какое-то сооружение. Диомед ходил вокруг него, трогал холодный металл, цокал языком — у Горгия перенял смешную привычку. Низко над головой шли тучи, и казалось, что не тучи, а башня плывет по океану ночи.

Хорошо, что Горгий перед уходом велел Диомеду припасти побольше гранатов. Теперь пригодились. Диомед развязал мешок, каждому дал по гранату. Мяли дивные плоды пальцами, высасывали терпкий кисло-сладкий сок, утоляющий и жажду, и голод.

— Зачем ты привел нас сюда? — спросил Горгий.

Эхиар ответил не сразу. Он отбросил выжатый гранат, прислонился спиной к стене.

— Вы мне больше не нужны, — тихо сказал он наконец. — Сейчас уже поздно, море скоро начнет прибывать... А завтра, в час отлива, вы уйдете. Сделай, как хотел. Нарежьте камыша и переплывите Бетис...

— А ты? — спросил Горгий.

— Я останусь здесь. Хоть я и не закончил свое дело... Нетон сжалился над последним царем Тартесса... позволил перед смертью увидеть праздник...

— О каком деле ты говорил?

— Тебе не понять. — Эхиар помолчал, а потом забормotal: — Еще немного... еще немного — и свершилась бы моя месть...

— Ну, не надо, дедушка, успокойся! — воскликнула Астурда.

— Он не слышит тебя, — сказал Горгий. — Боги затмевают ему разум.

Как только стало светать, Горгий поднялся, заходил по площадке, хлопая себя руками по груди. Голова была тяжелой от бессонья, зуб на зуб не попадал от холода. Астурда протянула ему гранат. Лицо у нее было бледное, глаза огромные, тревожные.

Эхиар не спал. Сидя на корточках, вертел в руках длинную черную палку, — откуда только он ее взял?

Медленно светлело небо на востоке. Над кварталами ремесленников полплыли дымы ранних очагов. Тусклой желтизной обозначились рукава Бетиса, обнимавшие остров. Горгий смотрел на гавань, пытался в слабом свете серенького утра различить среди десятков кораблей свой. Цел ли он?.. Странно и страшно было представить себе чужую команду на его палубе... Чужого человека в дощатой каютке...

Он обернулся, хотел позвать Диомеду: у матроса глаз зоркий, быстрее высмотрит. Диомед лежал, накрывшись с головой, возле непонятной машины, занимавшей полплощадки. Его била дрожь. Горгий тронул матроса за плечо.

— Попей сок граната, легче станет. Слышишь, Диомед?

Рыжая голова матроса высунулась из складок гиматия. На торчащих скулах красные пятна, в глазах пугающая тоска.

— Помираю, хозяин...

— Не дури! — прикрикнул Горгий, а у самого сердце захолонуло.

Помял гранат, заставил матроса выпить сок. Дождь перестал. Развиднелось и немного по-

теплело. Гелиос сегодня, вроде бы, не собирался взглянуть на Тартесс. Пасмурный день рождался, не праздничный.

— Теперь поспи, и полегчает тебе, — сказал Горгий. — А вечером уйдем из Тартесса.

— Нет, — прошептал матрос. — Вы с Астурдой бегите. А я уж здесь, к богам поближе... — Он опять накрыл голову мокрой от дождя тканью.

Эхиар, шаркая, вышел из-за машины, в руках у него была не палка, как раньше показалось Горгию, а стрела. Тут только Горгий заметил, что еще несколько черных стрел, бронзовых с виду, лежало у массивной стойки машины. Он поднял одну, подивился ее тяжести. Такая самому Гераклу была бы впору...

Повнимательнее осмотрел машину — и вдруг догадался. Погоди-ка, сказал он самому себе, да ведь это катапульта! Ну да, вот поперечные доски-перитреты с пучками веревок... Вот бронзовый желоб сиринкса...¹ Почему-то он смотрит не вверх, а склонен к низу стены.

Немало видывал Горгий стрелометных машин на своем веку, но такую огромную увидел впервые.

— Для чего здесь катапульта? — спросил он Эхиара.

— Это орудие царского возмездия, — ответил тот, и по его голосу Горгий понял, что старик чем-то взволнован. — Плохо, плохо... — Эхиар озабоченно разглядывал обрывки веревок меж перитретов. — Все сгнило...

— А ты что, собираешься стрелять? — Горгий потрогал станок катапульты. — Ничего у тебя не выйдет. Она не поворачивается.

— Ей не нужно поворачиваться, — последовал странный ответ. — Катапульта нацелена навечно.

Горгий поднялся по ступенькам, вделанным в бронзовый антибасис — заднюю опору катапульты. Посмотрел в прицельную щель... Вот оно что! Опушенный сиринкс, оказывается, смотрит в квадратное отверстие в ограде. Катапульта и верно нацелена... Нацелена, как уразумел Горгий, на ступени храма... Нет, выше... Вон меж двух центральных колонн возвышение, за ним в храмовой стене ниша, закругленная сверху. Ну да, катапульта как раз на эту нишу нацелена...

— В кого ты хочешь стрелять? — спросил Горгий.

Эхиар сидел, прислонясь к стойке катапульты, руки были устало опущены, стрела валялась рядом.

— Ременные пучки сгнили, — сказал он. — Стрелять нельзя.

Горгий посмотрел вниз, на площадь. Перед храмом суетились люди в черных одеждах. Раскатывали по ступеням ковер. Устанавливали треножники с курильницами. Выносили из боковых дверей храма какие-то деревянные колоды. Прощел к восточным воротам отряд стражников в желтом.

— Выпей... господин... — Астурда протянула Эхиару гранат.

Старик не шевельнулся. Он неподвижным взглядом смотрел на нее, и девушка смущенно отвернулась.

— Подойди ко мне, цельбиценка, — сказал вдруг Эхиар. — Сядь.

Он схватил ее за косы, Астурда испуганно вскрикнула, выставила перед собой тонкие руки.

¹ Сиринкс — неподвижный ствол орудия.

— Не бойся. Твои волосы длинные и крепки. Отрежь их.

— Ни за что! — Астурда вскочила дикой кошкой, выдернула косы из руки Эхиара, отбежала к стене. — Не подходи: брошусь вниз!

Через восточные крепостные ворота по коридору, образованному двумя шеренгами стражников, тек народ на храмовую площадь — на праздник Нетона.

Стражники, тыча древками копий, теснили толпу подальше от храма, отжимали ее к башне Пришествия. Люди вытягивали шеи, глядя на торжественный выход высококоротенных.

Грянули приветственные крики: по ковру поднимался на верхнюю ступень царь Павлидий, в белой одежде с золототканными изображениями бога Нетона. Его сопровождали ближайшие придворные.

Младшие жрецы зажгли курильницы, в безветренное небо потянулись столбы благовонного дыма.

Павлидий поднялся на возвышение, обернулся к толпе...

Площадь ликующе заревела:

— Щит Нетона! Щит Нетона, бога богов!

— Слава царю Павлидию!

Тонкие губы Павлидия растянулись в улыбке. Щит, висевший у него на груди, был невелик, но тяжел, ремни врезались в шею, но Павлидий заставил себя стоять прямо. От щита шло тепло. Щит из голубого серебра всегда был теплым на ощупь — знак того, что он угоден Нетону.

Павлидий улыбался. Он мог себе позволить довольную улыбку. Бунтовщики разгромлены. Освободившиеся отряды, конные и пешие, двинуты на помощь войскам, сдерживающим гадирцев. Сегодня гадирцы будут отброшены за Бетис, их погонят на восток, за пределы Тартессиды; и если карфагеняне не успеют прислать им подмогу, то надо с ходу ворваться в Гадир. Надо, наконец, стереть с лица земли этот город — занозу в глазу великого Тартесса. А потом придется дать решительный бой карфагенскому флоту. Трудное это будет сражение. Добраться бы только до их кораблей, завязать рукопашную — и тогда тартесские чернобронзовые мечи и секиры сделают свое дело.

Нетон, бог богов, получит сегодня хорошую жертву — было бы странно, если бы, приняв ее, он не даровал своим верным тартесситам военной удачи.

Павлидий улыбался, глядя, как ликует народ Тартесса при виде святыни — щита Нетона, щита из голубого серебра. Пусть знают тартесситы, что их правители не сидят, сложа руки, что они неутомимо ведут Накопление, выполняют священные заветы предков.

— Слава-а тысячелетнему царству!

— Бог богов Нетон, помилуй нас!

Павлидий простер руки — шум на площади умолк. Павлидий стал выкрикивать слова молитвы — слова, которые люди не понимали, потому что принадлежали они древнему языку сынов Океана.

А когда молитва была сотворена, настал черед жертвоприношению. Из восточных ворот потекла длинная вереница оборванных, испуганных людей. Крепко привязанные друг к другу, они бежали, подгоняемые стражниками, на площадь, на расчищенное место между ступенями храма

и толпой горожан. Сбились в кучу. Стражники отделили от них десятка три обреченных, связанных особой веревкой.

Снова заговорил Павлидий, и глашатаи зычными голосами повторяли каждое его слово. Это презренные бунтовщики, поднявшие оружие на великий Тартесс, сейчас их главари будут принесены в жертву Нетону, богу богов, а остальные — отправлены на рудник голубого серебра.

К деревянным колодам подошли палачи, погрявая топорами.

Крики негодования слились в протяжный рев. Обреченные вжимали головы в плечи. Лишь один из них, долговязый, с изрытым оспой лицом, стоял прямо и спокоен. Он в упор смотрел на одного из царских приближенных — молодого, в лиловом гиматии с серебряными пряжками.

И Тордул, ощутив на себе пристальный взгляд, забеспокоился. Он повел глазами — и встретился с ненавидящим взглядом Ретобона. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, потом Тордул опустил глаза. Вдруг он встретился, побежал, расталкивая придворных, вниз по ступеням храма. Он что-то кричал, но голос его тонул в реве толпы...

Горгий и Эхиар плели тугие пучки из длинных каштановых волос. Астурда сидела у стены и плакала, уткнув лицо в колени. Она стыдилась своих остриженных волос и голова ее была покрыта.

Не устояла, поддавалась уговорам Горгия: у греков бывало, что молодые, не знавшие болезней женщины отдавали свои волосы для тетивы катапульта. Так вот всегда: мужчины дерутся, а женщинам — слезы...

Эхиар был необычно возбужден.

— Не плачь, цельбиценка, — говорил он, скручивая прядь волос. — Ты поклоняешься другим богам, но есть бог богов, и ему угодна твоя жертва... Ты увидишь сейчас... увидишь, как падет недостойный... Только истинным царям известно орудие возмездия. Бывало и в прошлом, что верховные жрецы пытались завладеть троном, и тогда мудрый царь поставил на башне катапульту... Раз в году верховный жрец подставляет сердце карающей стреле... ни о чем не ведая... Хрип-лый смех вырвался у Эхиара. — Я хотел уйти в могилу вместе с Тартессом, но мне не удалось... не удалось накопить голубого серебра... Пусть так... Но зато я увижу, как падет недостойный... Павлидий — так его зовут? Ах-ха-ха-а...

От его лихорадочной речи, от жуткого смеха Горгию было не по себе. Сейчас он хотел лишь одного: пусть скорее выстрелит катапульта, пусть будет все, что угодно богам. Вечером он спустится на берег, и они с Астурдой уйдут... доберутся до гор... и пусть, пусть кочевая жизнь — только бы жизнь...

Четыре пучка волос попарно натянуты меж перитретов. Эхиар поднялся по ступенькам, нагнулся к прицельной щели.

— Ага, стоишь на месте... на правильном месте... Стрелу — сюда! — крикнул он Горгию.

Горгий повиновался. Положил тяжелую стрелу в желоб, зацепил спусковой крючок.

Снизу, с площади, доносился рев толпы. Горгий выглянул меж каменных зубцов. Море голов... Каких-то связанных людей тащат к деревянным колодам... Павлидий в белой одежде стоит перед нишей — той самой, на которую нацелена катапульта...

— Погоди! — крикнул Горгий Эхиару. — У него щит на груди! Это тот самый?.. Из голубого серебра?.. Его не пробьет стрела!

— Замолчи, грек! Не видишь разве, что у этой стрелы наконечник тоже из голубого серебра?

Горгий уставился на массивный тускло-серый наконечник стрелы. Так вот оно какое...

— Берись за ворот! Быстрее!

Горгий завертел рукоятку. Со звенящим скрипом закручивались пучки волос. Желоб со стрелой, оттягиваясь, пополз по бронзовому ложу сиринокса.

— Так! Ну, а теперь...

Безумный хохот потряс Эхиару. Он потянул рукоять. Крючок освободился, и вся сила, сжатая в пучках волос Астурды, рванула рычаги... Стрела понеслась вниз, к храму...

Горгий не видел мгновенного полета стрелы, но знал, что она сейчас с силой врежется в щит Павлидия. Пробьет ли?..

Последнее, что он увидел, было сияние солнца, небывало ослепительное... Будто Гелиос приблизил светлый лик к самой земле...

В заезжем дворе на берегу желтого Бетиса купец-массалиот потребовал у хозяина еще вина. Хотя был он уже пьян, хозяин не стал перечить: знал крутой нрав массалиота. И когда только уберется отсюда этот упрямый осел со своим товаром? Сидит, выжидает, пока в Тартессе станет спокойно. Одним богам ведомо, какого спокойствия ему нужно для торговли... и бывает ли оно на свете...

Тяжкий грохот — будто земля разверзлась — заставил массалиота выскочить из двери. Грохот шел со стороны Тартесса.

Массалиот мигом протрезвел от страха. Он выбежал на дорогу, теряя плохо привязанные сандалии, и во весь дух помчался прочь, прочь... подальше от Тартесса...

В ПОИСКАХ ЖИВОГО СЛОВА

Вероятно, это была самая необычная новогодняя проповедь, какую за всю свою жизнь слышали прихожане церкви села Першино. Хотя бы потому, что очень уже необычно она началась.

— С Новым годом! С новым счастьем! Прошлый год, несмотря на это доброе пожелание, был несчастлив...

Становой пристав и церковный староста хмуро переглянулись: кровавый 1907 год действительно принес много горя. Порки, массовые расстрелы, виселицы, тысячи брошенных в тюрьмы, угнанных в ссылку, на каторгу.

— В чем же истинное счастье, братья и сестры! — с увлечением продолжал кудрявый юноша в костюме семинариста, стоя за амвоном.

И оказалось, что царство божие на земле осуществится тогда, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда все будут трудиться, а земля станет общим достоянием. При этом молодой человек ссылался на евангелиста Луку, на Иоанна Златоуста. Все было вроде по священному писанию и в то же время явно крамольно. Становой видел, что крестьяне слушают семинариста с величайшим вниманием, и это больше всего убеждало его в том, что сегодняшняя проповедь — не что иное, как пропаганда социалистических идей. В тот же вечер становой написал в Пермское жандармское управление донос на сына дьячка семинариста 6-го, богословского, класса Владимира Бирюкова, а заодно и на настоятеля першинской церкви, разрешившего семинаристу произнести эту проповедь.

Началось следствие, но духовные власти, соперничавшие с светскими в «уловлении душ», решили не выносить сор из избы и дело замяли. Семинарское начальство не знало, что Владимир Бирюков печатал на гектографе и распространял подпольный журнал «Наши думы». В этом случае на защиту надеяться было бы нечего, пришлось бы распрощаться с духовной семинарией, так и не закончив последнего курса, посидеть в тюрьме и по большому Сибирскому тракту отпра-

виться в места не столь отдаленные, на суровые берега Иртыша или Енисея. То было время столыпинской реакции.

Владимир Бирюков участвовал в общероссийской семинарской забастовке. Его юность была озарена пламенем революционных событий 1905 года. Отгремели баррикадные бои в Мотовилихе, в Центральной пермской тюрьме вешали лбовцев. Но перед глазами еще шумели революционные демонстрации, реяли красные флаги, звучала Марсельеза. Он не пошел по окончании семинарии в священники. В университет дорогу закрыл императорский указ, осталось поступать в Казанский ветеринарный институт, куда принимали, так как мало было желающих стать ветеринарами. И он, в буквальном смысле, «сменил алтарь на конюшню».

Есть такая русская пословица: «Где родился, тут и сгодился». В родное Першино Владимир Павлович приехал с женой Ларисой Николаевной, верным другом и помощником во всех начинаниях. А начинаний было немало. Так, еще в 1910 году он организовал в Першине первый в Зауралье сельский краеведческий музей. По тем временам явление исключительное. Сколько потребовалось энергии, упорства, знаний, чтобы провести такое начинание в жизнь!

Интерес к музейному делу пробудился у Владимира Павловича еще в раннем детстве: все началось с коллекционирования старинных монет. «Неходячих» медяков в деревне было много, и крестьяне всячески старались от них избавиться. Так попадали они и к дьячку, а тот отдавал сыну. Сын с интересом собирал их, а так как за всякое дело он брался с увлечением, то получилась со временем солидная нумизматическая коллекция. Впоследствии музейная работа приобрела у Владимира Павловича и научную основу: он закончил Московский археологический институт.

Другой его страстью, определившей весь жизненный путь, было увлечение фольклором. Оно также зародилось еще в детстве. Отцовский дом был местом, куда прихожане шли за сове-

том и помощью, где рассказывали о своем горьком житье-бытье. Дети слушали бывальщины и сказки, пробуждавшие любовь к живому народному слову. Но одно дело было слушать, другое — собирать, записывать. На это натолкнула книжка о говоре одного села. Сразу пришла мысль: «Значит, это нужно!». Владимир Павлович стал записывать народные слова и выражения, почти всегда характерные и меткие. Начал с родного села. Как-то услышал: спрашивает земляк земляка, сможет ли тот выпить четверть водки.

— Сразу — нет, а впросяд могу.

Интересное слово «впросяд», что значит — «медленно, с перерывами», тотчас попало в блокнот. Начал Бирюков с родного села, потом в орбиту поисков попал уже весь Шадринский уезд. А так как Владимир Павлович по характеру работы объездил и исходил всю губернию, круг наблюдений еще более расширился. Есть у меня его книга «Урал в его живом слове», издание 1953 года. Но это не первая и не последняя.

Первая вышла в 1936 году под названием «Дореволюционный фольклор на Урале». Редактировала ее Блинова, редактор придирчивый и недоверчивый к местным авторам.

— Почему у вас, на индустриальном Урале, нет рабочего фольклора?

— Я человек деревенский и собираю материал у крестьян.

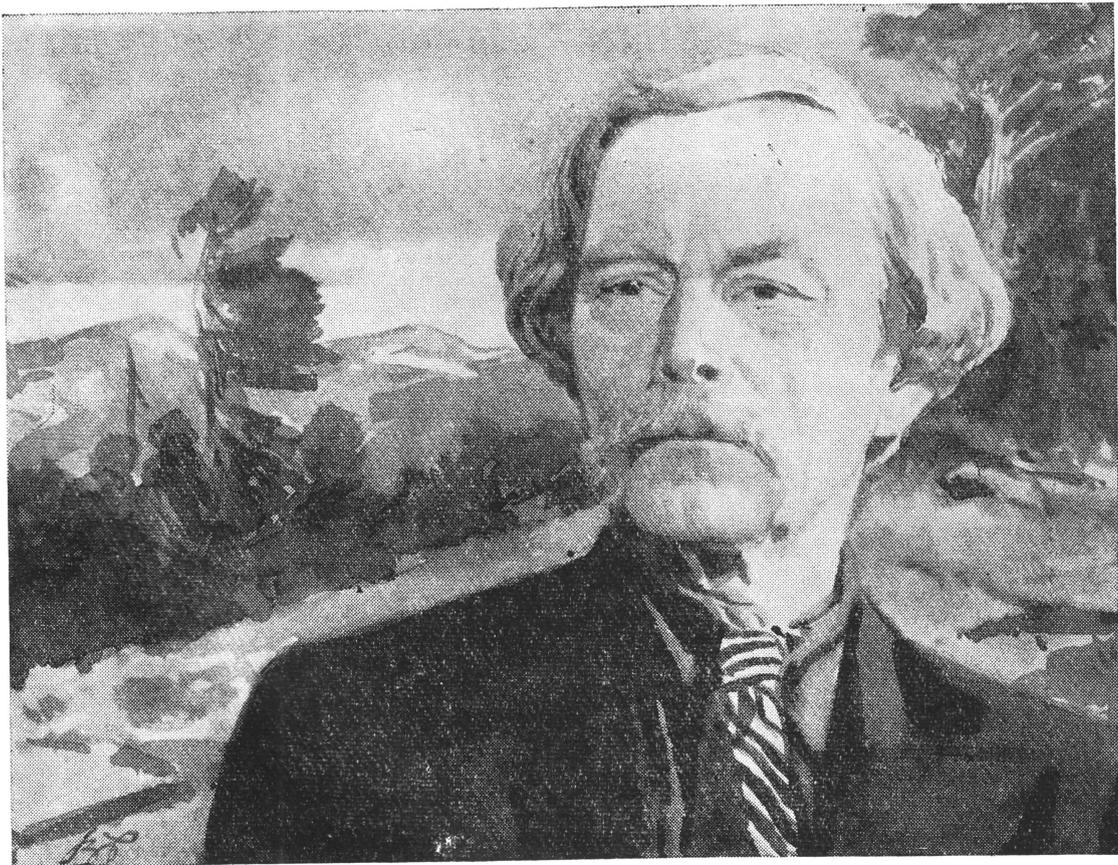
На выручку пришел Бажов. С ним Владимира Павловича связывало давнее знакомство. Сдружил же их общая любовь к живому народному слову, к народному творчеству.

— Как же нет рабочего фольклора на Урале! — возмутился Бажов и предложил в сборник три сказа — о Хозяйке медной горы, о девке Азовке и о великом Полозе. Так впервые уральский читатель познакомился с творчеством знаменитого уральского сказочника. Павел Петрович, кстати, и заканчивал редактирование сборника Бирюкова.

«Дореволюционный фольклор на Урале» открыл не только сокровищницу уральской народной поэзии, но вдохновил и самого автора на дальнейшие поиски. Появилась вторая книга — «Поэты второй половины XIX века», и в ней новые открытия — забытые и полузабытые имена наших земляков-литераторов. Наконец, очень интересная книга — «Записки уральского краеведа», восьмая по счету, вышедшая в 1964 году. В ней автор делится своим полувековым опытом краеведческой работы.

Сколько за это время было интересных знакомств! Вспоминает Владимир Павлович встречу со своим земляком, художником и скульптором Шадром. Произошла она в Москве, в археологическом институте.

— Шадр уже и за границей побывал, в мас-

В. П. БИРЮКОВ

Рисунок В. Васильева

терской Родэна. Почему он попал в археологический институт, я не знаю. Вообще это была уважающаяся натура. В институте он пробыл недолго. Я же был свидетелем его изгнания. Уволили за карикатуру на одну уважаемую персону. А потом пришла громкая слава... Знал я и тех, с кого он писал портреты... Талантливый человек!

В Москве же встречался Владимир Павлович и с писателем Лидиным, с профессором Юрием Матвеевичем Соколовым — крупнейшим ученым-фольклористом. Но основное все же было — собирание уральского фольклора. «Где родился, там и содился».

В предисловии к сборнику «Урал в его живом слове» Владимир Павлович высказал свою заветную мысль:

«Писатель, собравши материал, как-то по-своему перерабатывает его, домышляет и прочее.

Не то в нашем деле. Здесь требуется прежде всего точность записи, умение отобрать ценное и надлежаще изучить его, а потом уже давать читателю. Выходит, что это — работа ответственного секретаря. Да, собиратель устного творчества и материалов по народному языку — именно «ответственный секретарь народа». Какое высокое звание!

Это высокое звание Владимир Павлович Бирюков оправдал многими десятилетиями поистине подвижнического труда. В живом народном слове перед нами встает история Урала, история труда и борьбы его населения. В памяти народной увековечены и столетия крепостного права, и имена вожаков народных восстаний.

К. БОГОЛЮБОВ

БИРЮКОВСКАЯ КОПИЛКА

Когда человеку, работающему над какой-то уральской темой, понадобится что-то такое, что он не смог нигде найти, он говорит: «Надо в бирюковской копилке порыться, уж там-то это, наверное, есть». И редко ошибается — в знаменитом бирюковском собрании, действительно, можно найти такие редкости, каких в других местах не сыщешь.

Владимир Павлович Бирюков собирал его более шести десятилетий и недавно передал тому, для кого и собирал все это — народу.

В «Бирюковской копилке» наш Урал отражен как в зеркале. Здесь можно найти... Да чего тут только нет!

Книги... Их здесь тысяч 30—40. Тут и то, что выходило когда-нибудь на Урале. И то, что печаталось об Урале где-нибудь. От изданий XVIII века до книг, выпущенных совсем недавно. Здесь редчайшие бесцензурные издания 1905 года, иных из которых нет ни в одном книгохранилище мира. Как, например, конфискованная и уничтоженная жандармами брошюра «Шире дорогу...» Р. Николаича (под этим псевдонимом, как оказалось, скрывался екатеринбургский доктор Сергей Николаевич Чернавин).

Книги, изданные богато, да-

же роскошно, и скромные, неприметные с виду издания.

И за каждой из них — своя история. Иногда любопытнейшая, многозначительная...

Хотя бы эта — «Горе от ума» А. С. Грибоедова с датой 1827 года.

Как известно, Грибоедов закончил свою комедию в конце 1823 года, но цензура долго не разрешала печатать ее. Лишь через два года отрывки появились в альманахе «Русская Талия», а отдельным изданием, сильно изуродованная цензурой, пьеса вышла только в 1833 году, уже после смерти автора. (Кстати, и это редчайшее издание есть в собрании Владимира Павловича. Ему посчастливилось приобрести этот раритет на толкучке в Свердловске в начале 1930-х годов.)

За те десять лет, что комедия ждала своего печатного воплощения (да и после тоже — ведь комедия-то была напечатана неполностью, с пропусками «крамольных» мест), по стране успели распространиться многочисленные списки ее.

Разными путями попадали они и на Урал. Тот, что у Бирюкова, достался ему в Шадринске от старожилы города Маркова. А к Маркову он попал из Тобольска, где хранился в семье рыбопромышленника Новицкого.

Это — история одной лишь книги из многотысячного собрания Владимира Павловича.

А комплекты газет и журналов... Они тоже могли бы рассказать многое и о многом. Газеты и журналы — наиболее трудно собираемая категория. Как-то уж так повелось издавна — книгу выбрасывать жалко, а газета или журнал, как только они прочитаны, без сожаления выкидываются. Даже там, где ведут подшивку, и то, смотришь, прошло полгода и все сдали в утиль. И потом старую газету или журнал сможешь найти только в очень редком книгохранилище.

А у Бирюкова есть уральские газеты и журналы и более чем столетней давности. И первых лет Советской власти. И фронтовые газеты красных полков времен гражданской войны. И маленькие районные газеты, о существовании которых забыли и сами жители этих районов...

Таких комплектов здесь сотни. Иные из них уникальны — их больше нигде нет.

Особенно ценно в «копилке» собрание документов, частных архивов и различных реликвий, дорогих сердцу каждого уральца.

Знаете ли вы, например, такого поэта — Ночвина? Не ройтесь понзпрасну в памя-

ти — его и среди литературоведов-то редкий знает. А между тем, это был интересной судьбы поэт-самоучка, которому не довелось увидеть ни одного своего стихотворения напечатанным, но зато его произведения ходили в списках, заучивались наизусть, были широко известны в Уралье в конце прошлого века.

Архив этого интересного человека, его стихи, переписка, дневники и другие документы, хранятся в собрании Владимира Павловича. И благодаря этому мы еще когда-нибудь прочитаем произведения Ночвина, познакомимся с рассказом о его судьбе.

В коллекции писем и автографов — письма Чехова и Горького, автографы Карпинского, Луначарского, Марра, индийского академика Рамана, правнучки Ломоносова — Нины Быковой.

Собственная переписка Бирюкова хранит письма академика Ферсмана, Демьяна Бедного, писателя Телешова, скульптора земляка Шадра, другого его земляка — издателя Горького И. П. Ладыжников, бывшего секретаря Ленина, историка и литературоведа В. Д. Бонч-Бруевича.

Среди невидных, вроде бы, документов, встречаются такие, за которыми стоит интересная история. Один из них Владимир Павлович зовет «диплом-покрышка».

Этот документ и в самом деле был ни больше, ни меньше как крышкой ведра с водой. Дело было так. В октябре 1955 года Бирюков приехал по каким-то там своим делам в Пермь и зашел в университет к знакомому человеку. Прогуливаясь в ожидании его в коридоре, он заметил, что ведро с питьевой водой прикрыто листом бristolского картона. И на нем, вроде, что-то печатное. При-

вычка собирателя толкнуло его любопытствовать — что это такое. Снял с ведра, читает:

«Императорское русское археологическое общество в общем собрании своем 1912 года мая 4 дня избрало Бориса Леонидовича Богаевского в число своих членов-сотрудников.

С. Петербург, 1912 года, сентября 25 дня.

Председатель — Константин. За помощника председателя — Петр Никитин. Секретарь — Борис Фармаковский».

Конечно, картон перекевал, в целях сохранения для потомства, в объемистый портфель Владимира Павловича.

Дома он разобрался с ним поподробнее.

Борис Богаевский — личность для Перми довольно известная. Когда-то он был профессором истории в местном университете и многое сделал для воспитания первых научных кадров для Урала. Разве не интересно уже одно это, и разве ради одного лишь этого не стоило бы сохранить такой документ?

Но это еще не все. Владимир Павлович присмотрелся к подписям.

Первая подпись, пожалуй, мало интересна. Константин — это великий князь Константин Романов, последний дореволюционный президент Академии наук. Другая подпись — профессора Петербургского университета по кафедре классической филологии Петра Никитина, бывшего кроме того еще и «Управляющим отделом древнеклассической, византийской и западно-европейской археологии Русского археологического общества». Личность довольно известная в свое время в научных кругах.

А вот самая последняя подпись — скромная подпись се-

кретаря — наиболее интересна среди этих трех росчерков.

Борис Владимирович Фармаковский — крупный советский археолог, руководитель знаменитых раскопок города Ольвии — древнегреческой колонии на черноморском побережье. Он умер в 1928 году. Но о Фармаковском Владимир Павлович знал еще и другое. Оказывается, Борис Фармаковский был соучеником В. И. Ленина по Симбирской гимназии. Они поступили в гимназию в одном году, только Володя Ульянов — в первый класс, а Боря Фармаковский — в подготовительный. Но это не помешало им подружиться.

В Центральном музее В. И. Ленина, в первом зале вы можете увидеть интересный экспонат: копию шифрованного письма Володи Ульянова своему товарищу. Оно написано в 1882 году красками на бересте. Кстати, кажется, оно до сих пор так и не расшифровано. Товарищем, которому было адресовано это послание, и был Борис Фармаковский.

Так кусок картона, служивший крышкой для ведра, стал дорогой для нас реликвией — после того как он попал в руки собирателя-краеведа, вдумчивого исследователя.

Это история одного лишь экспоната. А в собрании Бирюкова их тысячи.

Несколько лет назад Владимир Павлович передал свое собрание государству. На базе его создан Уральский архив науки, литературы и искусства. Этот архив входит в систему Свердловского областного архивного управления. Люди уже знают и охотно пользуются им. «Бирюковская копилка» служит народу.

Ю. КУРОЧКИН

ИЗ НАШИХ ПРОДЫ

ШАГАЮЩИЕ ДЕРЕВЬЯ

Как-то летом я гостил у друга на Оке под Касимовым. Стоял знойный июль — от солнца некуда было спрятаться. Да мы от него и не прятались, проводя целые дни на реке.

На зорьке рыбачили, потом варили ушицу из всякой мелочи. Жарили на сковороде подлещиков и сазанчиков — когда они попадались на крючок. А потом до седьмого пота пили чай. В полдень же, сморенные духотой, залезали в шалаш, пропахший горьковатым ароматом увядающих тальниковых веток, и спали до вечера как убитые.

Но вот подоспело время отправляться в соседнее село Ольговку за продуктами. Утром мы довели последнюю краюху, разрубив ее на куски топором. Кончился у нас и сахар, а пшена осталось всего-навсего горсточка. Короче — предстояли крупные закупки на целую неделю.

Вход в шалаш догадливый мой друг завесил гремящим брезентом, прикрепив к нему булавкой записку: «Хозяева дворца скоро вернуться. Подождите!»

Из тишайшего заливчика вывели на быстрях нашу лодку с навесным мотором. Течение подхватило ее и понесло, понесло вниз, в сторону Ольговки.

Стоя на носу, я из-под руки глядел на онемевший от жары вольно расхлестнувшийся плес. Выцвело небо, выцвела речная гладь. И уж трудно было угадать, где кончается в недосягаемой дали вода и где начинается небесная безбрежная высь.

— Петро,— сказал я, не оборачиваясь, другу, копошившемуся на корме у беспрерывно чихающего мотора.— Заткни глотку своему зверю! Куда спешить? Течение приличное, через час мы так и так будем в Ольговке.

— Ладно,— буркнул сердито Петро. И заглушил капризный мотор.

Тотчас на легкую нашу лодочку опустилась убаюкивающая тишина.

Поудобнее усевшись, я обнял руками голые колени и смотрел, не отрываясь, то на лесистые отроги правого берега, то на пологий — луговой. Кое-где вдоль левого берега уже протянулись знойные отмели, маня к себе первозданной чистотой.

Где-то за спиной все еще звякал железками неугомонный Петро. Но вскоре и он перестал суетиться, предавшись созерцанию.

То и дело над нами проплывали лениво чайки. Сморенные жарой, они даже не кричали.

Раз мне на руку села большая стрекоза. Слюдяные ее крылышки мерцающе переливались радугой.

Не знаю, сколько прошло времени, когда мы поравнялись с тем местом, где Ока делала крутой изгиб. По склону высоко дыбившегося правого берега стояли могучие сосны.

Вначале я ничего особенного не заметил, любясь столетними богатырями. В их вершинах, мнилось, могли запутаться неосторожные облачка, низко проплывавшие над землей. Вдруг мой взгляд скользнул по песчаному склону, и я вздрогнул, пораженный необычностью увиденного.

Великаны натужно шагали, упираясь неуклюжими, перекрученными корнями-ногами в красноватый песок. Иные из сосен, казалось, даже приподнялись от нетерпения на цыпочки, чтобы увидеть тот, левый, берег.

Были среди великанов и уроды. Они ковыляли раскорякой на своих искалеченных коротышках-культяпках, или ползли, таща за собой перелытые ноги-плети...

Я прикрыл ладонью глаза, думая, что мне все это померещилось. Когда же, спустя некоторое время, отнял от лица руку, сосны все так же напористо, гурьбой, шагали по крутому склону, намереваясь, видно, вброд перейти Оку. Не хотелось думать, что именно движение лодки оживляет по прихоти нашего восприятия этот странный лес.

— Удивлен? — чуть насмешливо заговорил за моей спиной Петро.— Как видишь, природа способна и на разные шутки.— Помолчав, он добавил уже без язвительности в голосе: — Ураганные ветры, весенние потоки, летние ливни — ливни у нас на Оке, эх, и сильнущие бывают! — они-то и размывали из года в год ненадежный песчаный склон. Можно подумать: какое-то чудовище вылизало из-под корней деревьев грунт. Ночью тут страховито, скажу тебе, бывает. Я не из робкого десятка, а вот в прошлом году по осени приподнился тут... С ружьишком шатался, ну и набрел на эти сосны...

Друг принужденно как-то засмеялся. И не проронил больше ни слова до самой Ольговки.

А я все смотрел на удаляющиеся от нас сосны. Грозная эта ватага все шагала и шагала, распустив по сторонам зеленые бородачи. Любую силу, думалось, сокрушат на своем трудном далеком пути шагающие деревья.

ПРОЩАНИЕ

Последние дни сентября. Что ни рассвет — то зазимок. Вышел по утру во двор и не узнал сада. Яблони, вишенник, колючие кусты крыжовника расточительно посеребрили инеем ранний морозец. По хрусткой, присыпанной солью траве ноги скользили будто по льду.

Глухо. От начинающегося через дорогу перелеска воровато крался туман. Прямо-таки на глазах смыло серой волной придорожные осинки, а щеголевато-кокетливая дачка, стоявшая напротив, уже вырисовывалась расплывчатым силуэтом.

Поеживаясь, я прошел в конец сада к тихому, крошечному озерку-пятачку. Над водоемом клубился пар. Уж не грел ли воду темной ночью домойвой, чтобы власть помыться? Да вот замешкался старый: проклонул грустный рассвет, и ему пришлось удирать восвояси.

Присев на корточки, опустил в озерко зябнущие руки, да тотчас обратно их отдернул: обожгла вода, обожгла ломотным холодом. По тусклой стылости поверхности озерка кружились медленно ржавые листья.

Где-то высоко над головой проплыл невидимый самолет. Ноюще-басовитый, натужный гул его мощных моторов еще долго слышался в одичало глухой тишине вяло наступающего дня, точно позывные с неведомой планеты.

И снова ни звука. Но, чу!.. Откуда-то донесся до меня неуверенный, какой-то робкий свист. Оглянулся — никого. А через миг снова — тьюить, тьюить... тью-ю-юить!..

«Неужто скворушка?» — спросил я себя, задирая вверх голову. Вершина стоящей у озерка березы с голубоватым скворечником тоже растаяла в тумане.

Когда родители научили скворчат летать и кормиться, шумливое птичье семейство покинуло свой домок на березе, отправившись в начинавшееся за колком поле. И с тех пор скворцы ни разу не навестили отчий дом.

И вот опять:

— Тью-и... тьюить...

Свист не звонкий и задорный, какой обычно раздавался по весне, а задумчивый, с грустинкой.

«Ну конечно, молодой скворушка прилетел,— подумал я, осторожно разминая отсиженные ноги.— А иначе и быть не могло. Перед отлетом на чужбину птицы всегда прилетают к своему гнездовью попрощаться до будущей весны».

Не скоро ушел я от озерка. Все слушал и слушал грустную, неслаженную еще песенку молодого скворца, в душе досадуя на туман, липкими космами опутавший вершинку березы.

На другое утро моросил дождь. Но едва проснувшись, я тотчас принялся потеплее одеваться. А выйдя на крыльцо, сразу же услышал скворчинный посвист.

Гибкие ветви березы облепила стайка скворцов. Похоже, всем выводком прилетели. Трепеща крылышками, скворцы свистели, перебивая друг друга, будто спешили куда-то. На коньке скворечника сидел, нахохлившись, отец семейства. Видно, невеселые мысли его одолевали.

Дождь усиливался, барабанил по крыше все хлеще и хлеще. Подгоняемый ветром, он уже нахально стучался в окно.

Внезапно скворцы сорвались с березы, как бы по команде, и полетели к гудевшему ворчливо мрачноватому лесу. Опаленные осенним жаром березки, стоявшие на опушке, впереди вымахавших ввысь елей, за одну ночь потеряли весь свой червонный наряд, и теперь уж ничто не веселило принахмуривший бор.

«До свиданья, скворушки! — помахал я рукой дружному семейству.— Прилетайте завтра!»

Но скворцы не появились ни на другой день, ни на следующий. Наверно, в то дождливое ветреное утро они прощались с отчим домом перед долгой разлукой.

В теплых краях они переждут морозы и вьюги, а по весне вернутся на родину. Ведь без родины ни человеку, ни птице не прожить.

НОЧНЫЕ ВЗДОХИ

С утра моросил мелкий нудный дождик. Ветер трепал березы на просеке. Ему, непутевому, не терпелось оборвать с красавиц все золото. Но шуршащие листья пока еще крепко держались на ветках, не поддавались буйану.

Под окнами у меня стояли три яблони. Они тоже, казалось, не собирались расставаться с летним своим нарядом, будто не стучался в двери октябрь.

День был серый, как сумерки. И совсем не тянуло на улицу. Но под вечер, когда зануда-дождь перестал, я пошел к ручью за ключевой водой. Пестрая от листьев тропинка петляла между кленами вперемешку с осинками. Стоило задеть плечом за низко опустившуюся ветку, отяг-

ченную крупными жемчужинами, как тебя всего окатывало холодным душем.

Возвращался я от говорливого ручья с двумя полными ведрами воды. В одном из них плавал большой кленовый лист — весь-то огненный-огненный. Лишь набухшие прожилки отливали вороненой сталью.

Вышел на опушку и чуть не ахнул от изумления: поселок был залит мягким оранжевым светом. Сверкали деревья, скворечники, коньки крыш, лужи. А в голубеющую промоину заглядывало низкое нежаркое солнце.

Стрелочник Отекин, сутулый, неопределенных лет человек, направляющийся на станцию, поздоровался и сказал:

— К ночи как есть вызвездит.

Немного погодя Отекин оглянулся и прибавил веско:

— Ждите под утро заморозка.

Посмотрев на курчавый дымок над крышей дома врача-пенсионера, я подумал: «А Отекин, пожалуй, не врет. Вполне может ночью морозец ударить».

Вскоре солнце заслонила дегтярно-черная тучка, но серая ветошь, нависшая над поселком, расплзлась уже в разных местах, и в рваные промоины полились новые потоки света.

Взяв в руки ведра, я бодро зашагал домой. В этот вечер допоздна засиделся над томиком писем Чехова. А часов эдак в двенадцать, перед сном, решил выйти во двор проветриться.

На крыльце я постоял, осваиваясь с темнотой. Когда же взялся за перила, ладонь обожгло холодом. Пригляделся, а перила, ступени, деревья перед домом — все живое и мертвое — было покрыто густым слоем инея.

«Ну и Отекин, ну и провидец!» — усмехнулся я про себя.

Дышалось легко. Ядреный, звонкий воздух, имевший привкус антоновских яблок, бодрил и волновал кровь.

Над головой, в непроглядной черноте ночи,

перемигивались загадочно звезды. Но... откуда эти вороватые звуки? Прислушался чутко. А они — осторожные шорохи — раздавались и справа и слева.

Щелк, щелк... О, да это листья с деревьев падали. Не могли выдержать осенние листья тяжести обильного инея и, надламываясь в черешке, падали и падали на землю. На моих глазах яблонька, стоявшая у крыльца, за какие-то считанные минуты сбросила с себя дорогое серебряное убранство.

Щелк, щелк... Мнилось: надламываясь в черешке, каждый листик огорченно вздыхал, навсегда прощаясь с деревом.

Набрав целую пригоршню тяжелых искрящихся листьев, я поспешил в дом. И осторожно высypал их, дышащих стужей, на стол.

У окна на тахте спал племянник Колюшка.

— Дядя Витя, ты чего... яблоки принес? — вдруг спросил Колюшка, приподнимая с подушки курчавую голову. Не дожидаясь ответа, он опять повалился, сраженный молодым крепким сном.

Виктор БАНЬКИН

НА МЕЛКОВОДЬЕ

Пришлось мне однажды весной возвращаться домой берегом озера. День был безветренный, теплый. И лес, и небо, и даже само озеро — все утонуло в каком-то легком синем мареве.

Утомленный ходьбой, я присел на валежину у заводи, поросшей осокой.

Вдруг раздался всплеск. Через минуту он повторился. Боясь пошевелиться, я стал наблюдать. Вот стебли осоки колыхнулись, и показалась черная спина рыбы. Неужели щука? Сомнений не оставалось. Щука на мгновение остановилась, раскрыла пасть, словно ей не хватало воздуха, потом принялась выделять фортели: изгибалась, подпрыгивала, терлась о кусты, затонувшие в воде. То и дело мелькали ее белое брюхо и пестрые, в зеленоватых крапинках бока. С первого взгляда это могло показаться просто игрой сильной, красивой рыбы. Но все говорило о том, что щуке не до игры. На моих глазах совершалось нечто важное, полное глубокого смысла и значения, может быть, самое важное в ее жизни — икротетание.

Щука позабыла о всякой осторожности; из глубины озера, где была почти в полной безопасности, она вышла на мелководье, рискуя стать легкой добычей для более сильного хищника. Несколькими днями назад я видел, как над озером долго и упорно кружил коршун. Потом камнем

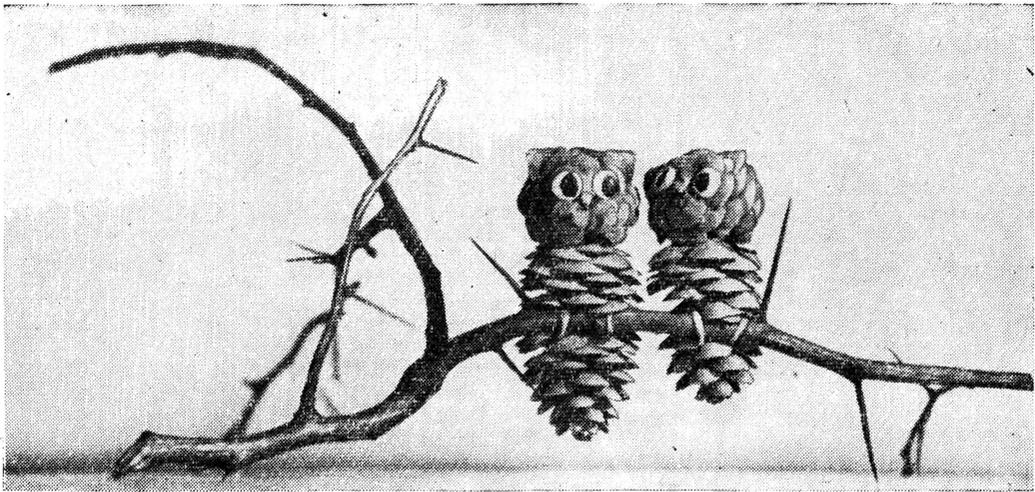
упал в воду, а через минуту в его когтях извивалось гибкое тело щуки. Тогда я недоумевал, как это могло случиться. Теперь это не было загадкой.

Я осторожно выпрямился. Под самой кочкой, на которую я поставил ногу, проплыли два самца, тщательно исследуя каждое углубление. А вскоре они пристроились к щуке и сдавливали ее с боков, помогая выметывать икру.

Я так увлекся зрелищем, что позабыл и про жару, и про усталость. Щука буквально «обрастала» поклонниками. Вокруг нее вилось уже четыре самца. Они не отставали ни на шаг, толклись по бокам и сзади, связывая ее движения. Вся эта пестрая кавалькада постепенно подвигалась к камням, которые торчали из воды, образуя нечто вроде переката. Среди этих камней щука-самка так резко рванулась, ударив по воде хвостом, что один из самцов вылетел на берег. Его голова застряла между камнями, и он некоторое время болтался в воздухе, пока снова не очутился в воде.

Затем шумная стая рыб уплыла в густую траву, и скоро я потерял ее из виду.

Д. КЛЕЩЕВ

«ТАМ ЧУДЕСА, ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...»

Не верите, что бывают чудеса и лешие? Напрасно! Надо уметь их увидеть. Увидел же Врубель своего «Пана»! Но, чтоб его увидели все остальные, художнику понадобились холст и краски. А вот участники выставки, о которой идет речь, обошлись совсем скромным материалом — сучками да шишками.

Выставка состоялась в Свердловске в магазине «Природа», принадлежавшего Обществу охраны природы.

Скромная должность — продавец. Но Софья Иосифовна Лукина, продавец магазина «Природа», сумела поразить многих.

Лукина собрала целую художественную коллекцию из лесных даров. Нет, слово «собрала» не точно. Создала! Вот это верно. В продавце проявился дар художника.

С. И. Лукина сама влюблена в это увлекательное занятие, и как человек, истинно одержимый страстью, хочет эту любовь донести и до других, заразить ею как можно больше людей...

Впрочем, создателей двое — человек и природа. Или, еще правильнее, — природа и фантазия. Кстати, такое название и носила подобная выставка в

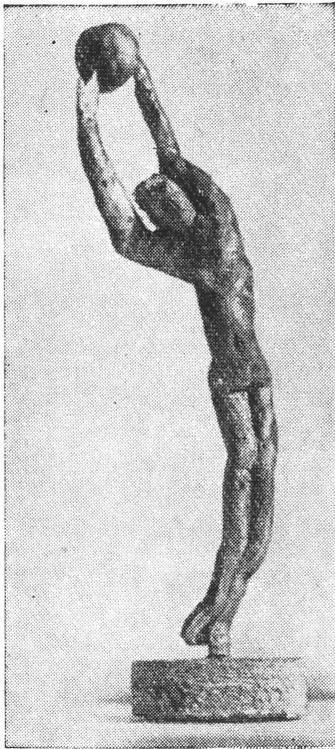
Москве на Выставке достижений народного хозяйства, где экспонировались и творения свердловчан, позднее перекочевавшие в магазин на улице Малышева.

Безусловно, нет большего выдумщика, чем сама мать-природа, сотворившая и нас с вами и давшая нам воображение, которое и создает из человека художника. Представьте: вы бродите по лесу, и внезапно в переплетении сучьев сухого дерева видите... — «Пан»? А, может быть, просто старик, столетний и замшелый? Ведь люди иной раз тоже бывают замшелыми... А эти двое? О, здесь совсем другое! Это — истинный полет юной танцующей пары, воздушный, легкий, как те паутинки, что летают по осени над полями и в лесной чаще... Иногда надо лишь чуть-чуть подправить сухой сучок, и он оживает совсем в новом качестве — становится скульптурой, которую с полным правом можно назвать нерукотворной.

Выставку-распродажу таких скульптур и устроил магазин «Природа». Некоторые из них получили на ВДНХ оценку «отлично», а представившие их награждены почетными дипломами.

Настоящие произведения искусства — «Совушки» и «Дуэт» С. И. Лукиной, «Змей Горыныч» и «Красная Шапочка» И. А. Ковнер, «Филин»

Е. М. Евдокимовой, «Лебедь» и «Джек служит» С. Б. Кирст... Весь подручный материал — шишки и сосновая кора, плюс сухие ломкие веточки, а до чего славно! Грустит над омутом безутешная Аленушка... Ее посадила здесь И. А. Коновалова. Мрамор? Нет, все то же дерево, а точнее, очищенный сосновый корень. Ее же, Коноваловой, «Вечный огонь», «Черепашка».

Кашпо из древесных грибов-напльвов.. Даже нарост на березе превращается в умелых

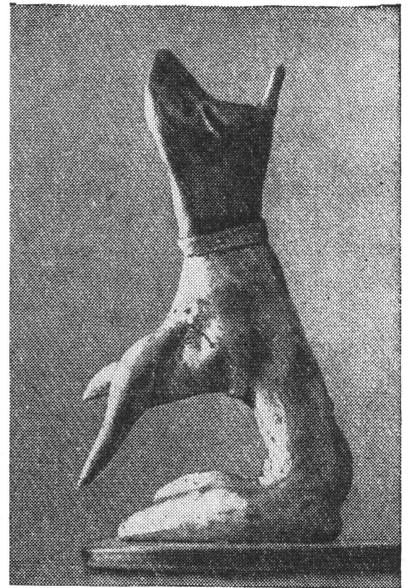
руках в творение искусства! Чуть-чуть зеленого мха, придать нужный поворот — и все ожило, заиграло! Цветы, не цветы?... Конечно, цветы! Но не такие, к каким мы привыкли, а опять же из даровых приношений уральского леса. Такие будут стоять в вазе годы и годы.

На многих вещах надпись: «Собственность автора». И впрямь, жалко лишать себя такой вещицы! А с другой стороны, любую квартиру украсит подобное произведение, и как не пожелать, чтоб их было больше, чтоб фантазия одних питала красотой, обогащала духовно и других!

Конечно, хочется купить. И покупайте! И отлично поступает магазин, что организует продажу этих своеобразных изделий. (Заметим, что уже многие увлекаются сбором удивительных творений природы, и очень хорошо, что они готовы делиться собранным «урожаем» с другими). А еще лучше — ищите! Да, ищите, пытайте, создавайте своей фантазией — сами!

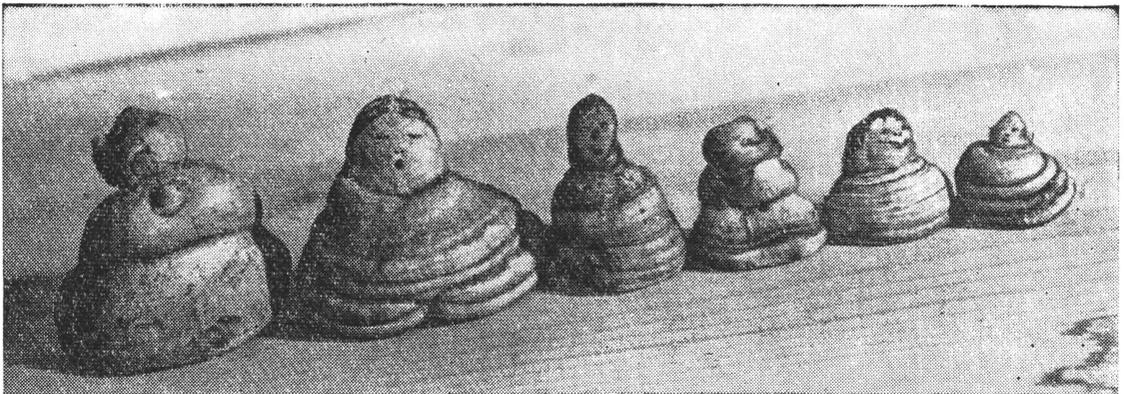
«Вы нам открыли глаза на чудеса природы, — записал кто-то в книге отзывов. — Теперь будем искать...»

Приглашаем всех принять участие в поисках чудес. Увлекательнейшее занятие! Отдых для души, разрядка для нервов и отличная закалка! Для горожанина — особенно полезно и даже просто необходимо! День — бродить, а потом, вечером, дома, сидеть и разбирать свои находки, прикидывать так и сяк, фантазировать, лепить...

Лес, наш милый, полный удивительного волшебства и неповторимого очарования, уральский лес — вон он, рукой подать... Идешь-бредешь, с трудом продираясь сквозь густую сетку ветвей. Шуршит прошлогодний опавший лист под ногами. Остановитесь! Замрите! Глядите внимательно, глядите во все глаза! Увидели? Вот он, леший или «Пан», а рядом — наши современники, гимнасты, купальщица, дуэт певцов, верный пес на задних лапах... Вот они, чудеса. Бережно срежьте их. Теперь они в ваших руках. Теперь — поверили?

Борис РЯБИННИН

ГРАЖДАНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

*К 60-летию
О. И. Марковой*

Секретарь поселковой комсомольской ячейки смотрел на девчонку удивленно. Обычно бойкая, веселая задира и певунья на этот раз подошла к нему несмело, с необычной для нее робостью и, помолчав смущенно, попросила:

— Никола, запиши меня учиться в Союз молодежи...

Было это в 1921 году. Девчонке было тринадцать лет. Звали ее Оленькой. Девчонку хорошо знали в старинном заводском поселке Новоуткинске, что раскинулся на берегах реки Утки при впадении ее в Чусовую. Ольга Ивановна родилась в семье рабочего Ивана Маркова, еще с первой русской революции горячо преданного большевикам. Семья была многолюдной, с жизнью нелегкой, работной.

В комсомоле девчонка-подросток стала боевитой активисткой. Она умела отдать себя общему делу и с охотой бралась за все, что считалось в ячейке важным, нужным для комсомола. Особенно же активна была она на клубной сцене и в поселковой стенной газете «Красная вага». Уже в пятнадцать лет девчонка стала печатать свои фельетоны в областной газете «Уральский рабочий».

В 1926 году комсомол отправил Ольгу Ивановну учиться в Москву. Рабфак, потом университет, работа в деревне, институт народного хозяйства, затем — работа на Урале. Преподавательница в школе, редактор партиздата, методист Уральского обкома комсомола, редактор молодежного вещания свердловского радио, замполит в ремесленном училище — должности были разные, а служба одна: воспитание молодежи.

Комсомол на всю жизнь остался для нее некоей главной направляющей — как тугая звенящая тетива, дающая стремительную силу боевой стреле. Комсомол помог стать ей членом партии коммунистов.

С малых лет появившаяся жажда рассказать людям «про жизнь» привела Ольгу Ивановну в литературу.

Ее первая повесть «Варвара Потехина», увидевшая свет в 1936 году, была своеобразным художественным открытием. В пластах народной жизни, вздыбленной революционными преобразованиями, писательница одной из первых в советской художественной литературе заметила только что народившийся тип — деревенская женщина становилась Гражданкой нового общества. Судьбе такой женщины и посвящена повесть.

Вообще надо сказать, что образ женщины, в котором запечатлены извечная жажда счастья и борьба за счастье, занимает в художественной работе О. И. Марковой важное и примечательное место. Этот образ наложил отпечаток своеобразности на все творчество писательницы.

С любовью выписана Еленка Дерябина в повести «В некотором царстве» — девчушка из рабочей семьи, талантливая выдумщица. Читая повесть «Улица сталеваров», проникаешься глубокой симпатией к Наталье Григорьевне Коржавиной — женщине-матери, сильной, мужественной, прекрасной и в радостях, и в горе, и в ее нелегком труде во время Великой Отечественной войны.

Судьбе подростков в годы этой войны посвящена и повесть Ольги Ивановны «Разрешите войти!» Она рассказывает о жизни воспитанников

ремесленного училища, о их пути в большую, трудную и благородную жизнь.

Молодежь была и остается любовью писательницы; ее жизни и трудовым подвигам на целине, в деревне посвящены многие рассказы О. И. Марковой, в частности рассказы из ее широко известных сборников «Облако над степью» и «Половодье». О молодых, их нескончаемом мужестве рассказала писательница и в своих последних по времени работах — в романе «Первоцвет» о первых советских коммунарах на Алтае и в документальной повести «Кликун-камень» о

славном герое гражданской войны на Урале Иване Михайловиче Малышеве.

Народность сказывается и в манере ее письма, в стиле ее произведений. Густые ли пахучие леса Урала, раздольные степи России, ее города и веси — о чем бы ни писала Ольга Ивановна, она всегда находит самое меткое, самое выразительное слово, всегда выражает то главное, что волнует дочерей и сынов народа.

Олег КОРЯКОВ

КНИГА О ПЕРВОПРОХОДЦЕ

В ЖИЗНИ этого человека столько интересных событий, что приходится только удивляться, почему до сих пор не было книги о нем.

Почти шестьдесят лет назад, в 1909 году, молодой слесарь Одесского завода Русского общества пароходства и торговли Иосиф Рудницкий был арестован жандармами. Шпикам удалось напасть на след подпольной типографии, в которой Рудницкий печатал листовки большевистского комитета. Парню повезло — свою революционную деятельность он начинал в Одессе под руководством видного ленинца, замечательного большевика и человека Вацлава Вацлавовича Воровского. Там же, в подполье, он не раз встречался и подружился с другим человеком легендарной биографии — Григорием Ивановичем Котовским.

...В сибирской ссылке, в глухой тайге на берегах Подкаменной Тунгуски Рудницкому пришлось работать на небольшом золотом прииске. Тут с помощью товарищей стал познавать он тайны недр, познакомился с основами горно-

проходческого дела. Когда в таежную глухомань докатилась весть о революции, Иосиф Рудницкий стал первым советским управляющим горными разведками прииска. Потом ушел в партизанский отряд, чтобы с оружием в руках сражаться за Советскую власть.

Вернувшись на золотой прииск, он стал его красным директором. Уже в зрелом возрасте поступил в Днепропетровский горно-металлургический институт. Сорок лет было выпускнику, когда, получив диплом, он выехал в оренбургские степи. Думал, что лишь на три-четыре месяца, а остался на всю жизнь — увлек, заворожил его богатый и самобытный край.

В предгорьях Урала Рудницкий открыл крупное месторождение бурого железняка, а поблизости — залежи кварцитов, известняка, формозочного песка, огнеупорной глины — все, что нужно для создания металлургического производства.

Позднее Иосиф Леонтьевич Рудницкий открыл Аккермановское месторождение нике-

левых руд, при его участии были обнаружены и медные клады Гая.

Нарком тяжелой промышленности Сергей Орджоникидзе премировал Рудницкого автомобилем, позднее Иосиф Леонтьевич стал лауреатом Государственной и Ленинской премий. Можно без натяжек сказать, что открытия старейшего геолога дали жизнь новым городам — Новотроицку и Гаю, способствовали бурному развитию Орска.

Когда при Оренбургском геологическом управлении было решено создать школу юных геологов, ей присвоили имя Иосифа Леонтьевича Рудницкого. А совсем недавно на торжественном собрании металлургов-химиков, строителей Новотроицка ему был вручен диплом первого почетного гражданина города.

Это только отдельные штрихи интереснейшей биографии, о которой рассказывается в книге Леонида Перепелова «Землю беру на себя», выпущенной издательством «Советская Россия».

В. АЛЬТОВ

ПОЛ ОСТРЫМ УГЛОМ

Уважил

Щуренок щуку
Пропустил вперед —
Она плыла
На... перемет!

Нахлебники

Река ворчала
На свои притоки:
— Все из меня...
Повытянули соки!

Пришло время

Померкла память.
Мучают кошмары...
Пора всерьез засесть
За мемуары!

И. ЧЕРНЯЕВ, г. Львов

Парадокс

Лень, кажется, была совсем мала,
А лодыря большого родила!

Д. САМОХИН, г. Уфа

На производственной практике

— Эй, Витька, марш на водокачку,
Потом паяльник мне нагрей!
— А мне купи-ка «Примы» пачку...
Да поживей! Да поскорей!

Вот так его в цеху и учат.
И знать, не в шутку говорят:
На днях по бегу он получит
Вполне заслуженный разряд.

М. ГЛАЗКОВ, г. Ярославль

Засушенное увлечение

Дали парню порученье,
Записали в протокол:
Раз у парня есть влечение,
Пусть возглавит волейбол.
Заведет журналы, сметы,
Планы, график, то да это...
Но лишь дали порученье,
И пропало увлечение,
Бросил парень волейбол.
Кто виновен?
Протокол.

В. НЫРКО, Магаданская область

Самонадеянность

— Я самый сильный и могучий!
И буду жить еще сто лет! —
Так дуб сказал.

Ему в ответ
Сверкнула молния из тучи.
Гром прогремел и... дуба нет!..
Твердя о том, что ты могуч,
Не забывай о силе туч!

П. НИКОЛАЕВ, г. Волгоград

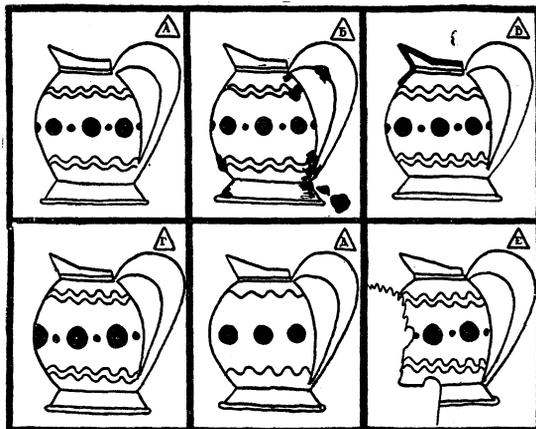
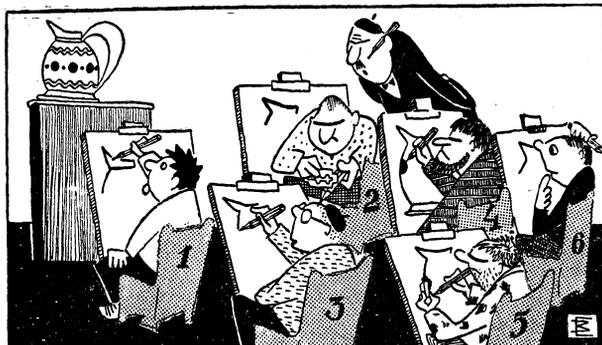
Рисунки Ю. Ефимова

СМЕЖАЙ-КА

В изостудии рисовали вазу.
кому какой рисунок принадлежит.

Попытайтесь определить,

ЗАГАДКА В. СЕМЕНОВА

Ответы на задачи в № 6

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

В 1969 году

ПАРОЛЬ НА СУТКИ

„ACHTUNG!“

1. На всех трех марках изображен великий украинский поэт Тарас Шевченко: автопортрет в молодости, портрет работы Репина и часть скульптуры Шевченко, установленной в Харькове. Все марки из серии выпуска 1939 года «125 лет со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко».

2. Портрет Сергея Есенина помещен на фоне марки, посвященной основоположнику туркменской литературы Физули.

3—4. Никакой. Рядом с портретом А. Саврава помещен пейзаж И. Левитана.

5. В первые годы Советской власти денежный курс был неустойчив и до 1923 года советские почтовые марки имели очень большие номиналы.

6. Скульптура «Материнство» взята из марки «VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 году».

7. Оба фрагмента из серии «100-летие русской почтовой марки», выпуск 1958 года.

8. На фоне марки из серии «Пейзажи нашей Родины» 1960 года помещены фрагменты марок из серии «Русские народные сказки» и «1500-летие города Тбилиси».

9. Здание центрального телеграфа в Москве составлено из двух разных марок: 1929—1932 годов «Третий стандартный выпуск» и 1947 года «800-летие Москвы».

10. Портрет русского художника В. Сурикова, орнамент из марки, посвященной К. Тимирязеву, и деталь марки, посвященной А. Толстому.

11. В этой марке не хватает римской пятерки — эмблемы V Всесоюзной спартакиады профсоюзов 1955 года.

12. Марка из серии 1945 года «Боевые советские самолеты»: вместо истребителя «ЯК-9» помещен штурмовик «ИЛ-2».

13. Броненосец «Потемкин» из серии 1930 года, посвященной 25-летию первой русской революции.

14. Петля Нестерова из десятикопеечной марки выпуска 1963 года и стилизованная ракета из марки 1962 года, посвященной годовщине полета «Восток-2».

15. Это нижняя часть марки из авиаспортивной серии 1938 года с летящим над колхозными полями планером.

16. На марке 1960 года, посвященной зимним олимпийским играм в Скво-Вэлли, «катаются» фигуристы из серии марки, посвященной финалу зимней спартакиады народов СССР в Свердловске.

17. Никаких изменений нет.

Осенью 1941 года, когда наши войска вели кровопролитные бои с фашистами на подступах к Харькову, в Змиевскую городскую больницу непрерывным потоком поступали раненые бойцы и командиры — из переполненных военных госпиталей и санбатов и прямо с передовой. Некоторые в тяжелом состоянии были сняты с проходивших санитарных поездов.

Работники больницы оказывали раненым необходимую помощь, а затем отправляли их дальше в тыл.

Но не всегда под рукой оказывался транспорт. И не всякого раненого, особенно после операции, можно было тотчас отпустить из больницы.

В тот день, когда нашими войсками был оставлен город Змиев, в больнице находилось девяносто раненых.

О их дальнейшей судьбе, о полных драматизма событиях, развернувшихся в стенах Змиевской больницы, и о беспримерном мужестве советских медиков расскажет на страницах «Уральского следопыта» сама участница событий — Анна Ефремовна Шулешова, в то время — хирург и главный врач этой больницы.

Готовя этот материал к публикации, редакция просит читателей, знающих что-либо о судьбах раненых из Змиевской больницы, написать нам.

ЦАРЕВА ЛЮСТРА

В 1600 году «Государь и великий князь Борис Федорович Годунов во второе лето царства его» подарил Софийскому собору в Новгороде огромное (весом 45 пудов) искуснейшей работы паникадило. Три с половиной столетия вызывало оно восхищение всех, повидавших его.

... В 1944 году, советские солдаты, выгнавшие немцев из Новгорода, увидели знаменитый Софийский собор разрушенным и разграбленным. Исчезла и легендарная «царева люстра». В кучах мусора и щебня среди руин реставратору-искусствоведу, энтузиасту новгородской старины Н. А. Чернышеву удалось тогда обнаружить лишь несколько обломков паникадила. Более 20 лет по сохранившимся фрагментам, по старинным описаниям и давним фотографиям он пытался восстановить первоначальный вид «люстры».

Очерк С. Руженцева расскажет об этой интересной работе Н. А. Чернышева — замечательного человека и искусного реставратора.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353,
ул. Малышева 36, ком. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.

Подписано к печати 14/VI 1968 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62
бум. л — 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 10,2. НС 13109.
Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 283.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка и вклейка
отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

В ТУМАНАХ У СЕРИБЛА
С. Снегов. Рассказ 1

СОЛНЦЕВОРОТ
О. Поскребышев. Стихи 17

НОЧНАЯ РАДУГА
А. Соболев. Повесть 21

ЩИТ НЕТОНА
Е. Войскунский, И. Лукодянов
Фантастическая повесть 48

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

ДОКТОР ФЕДОТОВ
А. Санин. Очерк 13

КРАЕВЕДЕНИЕ

ПУТЬ К АРГИППЕЯМ
И. Пьянков. Очерк 39

В ПОИСКАХ ЖИВОГО СЛОВА 66

БИРЮКОВСКАЯ КОПИЛКА
К. Боголюбов, Ю. Курочкин 68

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ
В. Банькин, Д. Клещев 70

«ТАМ ЧУДЕСА, ТАМ ЛЕШИЙ БРОДИТ...»
Б. Рябинин 73

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ
Е. Константинова 37

КЛУБ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
В. Капустин 10

ДАЛЬНЯЯ РАЗВЕДКА
На приз нашего журнала 18

ДОРОГАМИ ПОИСКА

УДИВИТЕЛЬНОЕ В ЧАСТЯХ РЕЧИ
В. Житников 42

КНИЖНАЯ ПОЛКА

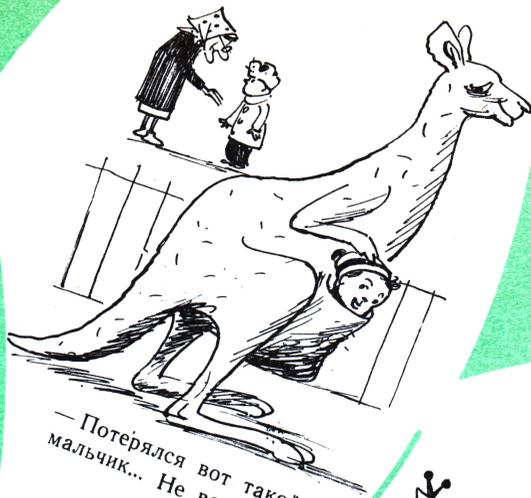
ГРАЖДАНСКОЕ СЛУЖЕНИЕ
О. Коряков (о творчестве О. И. Марковой) 75

КНИГА О ПЕРВОПРОХОДЦЕ
В. Альтов (Л. Перепелов «Землю беру
на себя») 76

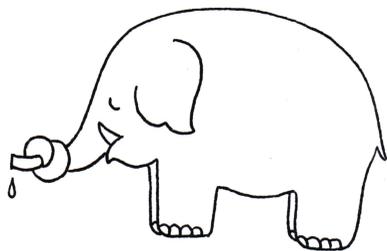
ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА

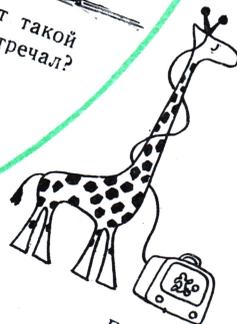
Открытие сезона.

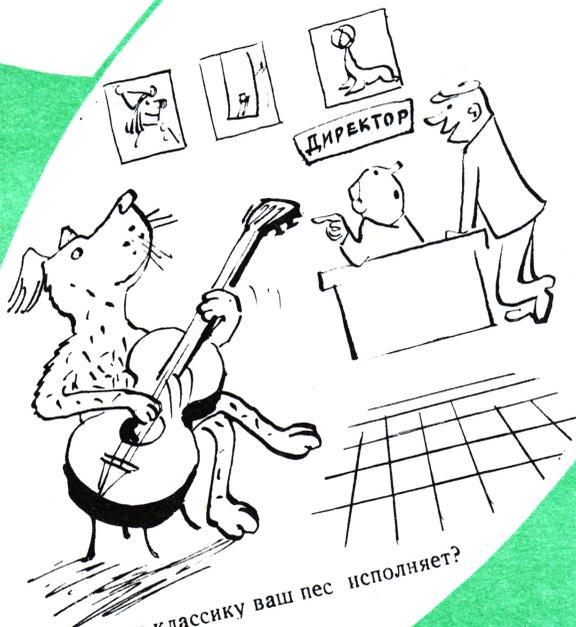
— Потерялся вот такой мальчик... Не встречал?

Когда слон болеет насморком?

Без слов

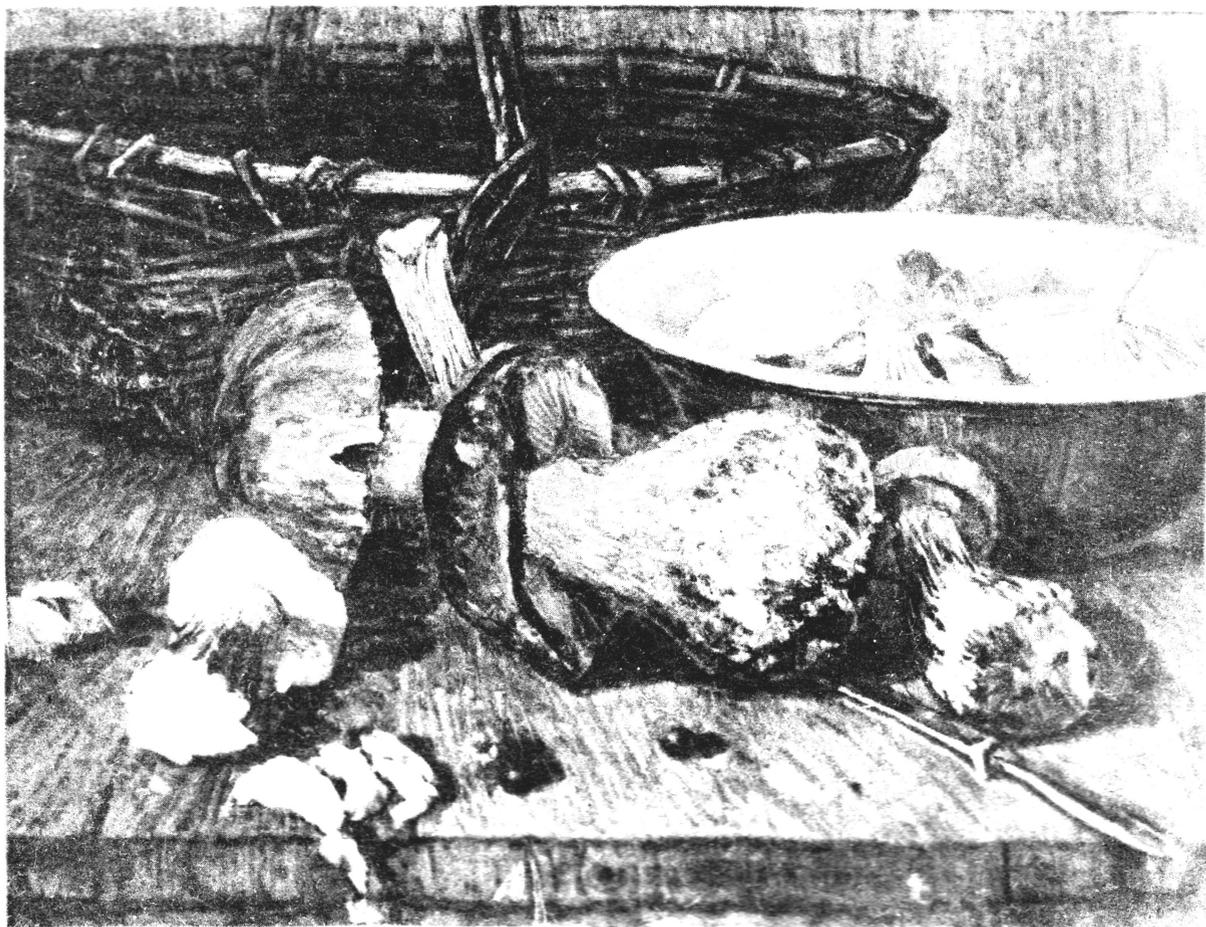
— Ну, а классику ваш пес исполняет?

— Говорил, брось рогатку!..

Рисунки А. Грунина
и А. Радвилавичуса

С картины *Н. Засыпкина*

30 коп

73413

Главный редактор И. АНУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ